

ISSN 2587-9510

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(28) 2018

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(28) 2018

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **С. Менгель** – доктор филологических наук – Халле Виттенберг, Германия; **Раджешвар Раджу А.** – доктор PhD по русскому языку – Рева, Индия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **S. Mengel** – doctor of philology – Halle Witternberg, Germany; **Rajeshvar Paju A.** – PhD in Russian language – Rewa, India; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
---	---

Лингвистика

Мифтахова О.В., Шкурат А.В. Суффиксация имён существительных как способ словообразования в современном немецком языке	10
Безверхая И.В. Лингвостилистический анализ новеллы Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер».....	15
Воронина У.А., Гудкова О.А. К вопросу о типах трансформаций пословиц: контаминация немецких паремий.....	22
Милованова А.И. Малочисленные компоненты во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление.....	28

Методика преподавания языков

Крысенко Т.В., Суханова Т.Е. Специфика обучения русской терминологической лексике на занятиях по РКИ в фармацевтическом вузе.....	34
Цаулян М.В. Межкультурное взаимодействие как инновационный метод обучения иностранному языку.....	40

Аспекты изучения художественного текста

Белова А.В. Роль эпистолярных текстов Александра Чехова в творчестве писателя.....	47
Новикова М.В., Ключанцева А.С. История создания романа А.И. Солженицына «В круге первом».....	55
Родина М.В. Рай в произведениях К.С. Льюиса «The Great Divorce» («Расторжение брака») и «The Chronicles of Narnia» («Хроники Нарнии»).....	62
Лендова О.В., Новикова М.В. Ономастика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	69

Лингвокультурология

Недоступова Л.В., Гнеушева Ю.Н. Особенности диалектной системы села Верхняя Тойда и её составляющие.....	75
--	----

Иванова И.А. Именования религиозного праздника <i>Рождество Пресвятой Богородицы</i> в русском и польском языках.....	80
---	----

Межкультурная коммуникация

Ковтун И.А. Специфика перевода заглавий фильмов с английского языка на русский.....	85
Колесник Т.И., Юркина М.Ю. К вопросу о типологии метафор (на материале немецкого языка).....	91

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Дистерло Г.В. Кризис жанра? (Проблемы трудоустройства начинающих журналистов, обусловленные спецификой сегодняшних реалий в сфере высшего образования).....	97
---	----

Язык СМИ

Таран Н.М., Давиденко С.С. Аллюзии в современных публицистических текстах: на материале газет «Stern» и «Focus».....	105
--	-----

События, обзоры, рецензии

Ковалева Л.В. Обзор монографии доктора филологических наук, профессора РАН И.В. Зыковой «Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты»....	111
Чуйков П.Л. Монография Джозефа Франка «Достоевский: писатель в своем времени».....	115
Правила оформления статей.....	120

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
---	---

Linguistics

Miftakhova O.V., Shkurat A.V. The suffixation of the nouns as the word formation means in the modern German language.....	10
Bezverkhaya I.V. Lingvostilistic analysis of novella E.T.A. Hoffmann «Klein Zaches, Genannt Zinnober».....	15
Voronina U.A., Gudkova O.A. To the question of the types of transformations of proverbs: contamination of German paremias.....	22
Milovanova A.I. Limited components in phraseological units, expressing the meaning through the unreal phenomenon.....	28

Methods of teaching languages

Krysenko T.V., Sukhanova T.E. Specificity of training Russian terminological vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language at the pharmaceutical university.....	34
Ѓaulean M.V. Intercultural interaction as an innovative method of teaching a foreign language.....	40

Literary text: aspects of study

Belova A.V. Role of epistolary texts by Alexander Chekhov in the works of the writer.....	47
Novikova M.V., Klyuchantseva A.S. The history of A.I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle».....	55
Rodina M.V. Heaven in «The great divorce» and in «The chronicles of Narnia» by C.S. Lewis.....	62
Lendova O.V., Novikova M.V. Onomasticon in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and punishment».....	69

Language and culture studies

Nedostupova L.V., Gneusheva Y.N. Peculiarities of the dialective system of village Upper Toyda and its components.....	75
Ivanova I.A. Names of the religious holiday of <i>The nativity of the Blessed Virgin</i> in Russian and Polish.....	80

Intercultural communication

Kovtun I.A. Specific of translation of movie titles from English to Russian.....	85
Kolesnik T.I., Yurkina M.Y. To the question of typology of metaphors (on the material of German language).....	91

Journalism in historical and theoretical aspect

Disterlo G.V. Genre crisis? (The problems of employment of young journalists determined by the specificity of today's situation in the sphere of higher education)...	97
---	----

Language of mass media

Taran N.M., Davidenko S.S. Allusions in modern journalistic writing: a case study of newspapers «Stern» and «Focus».....	105
--	-----

Events and reviews

Kovaleva L.V. Review of the monograph by doctor of philology, professor of RAS I.V. Zykova «Meta-language of language and culture studies: constants and variants».....	111
Chuykov P.L. The monograph by Joseph Frank «Dostoevsky: the writer in his time».....	115
Layout of the articles.....	120

Вступительное слово главного редактора

Вашему вниманию предлагается двадцать восьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который представлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из восьми разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V –

«Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 18 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает исследование особенностей суффиксации имён существительных в современном немецком языке (О.В. Мифтахова, А.В. Шкурат), трансформаций немецких паремий (У.А. Воронина, О.А. Гудкова), малочисленных компонентов во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление (А.И. Милованова), а также лингвостилистический анализ новеллы Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» (И.В. Безверхая).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит рекомендации по обучению русской терминологической лексике на занятиях по РКИ в фармацевтическом вузе (Т.В. Крысенко, Т.Е. Суханова) и по применению инновационных методов обучения иностранному языку (М.В. Цаулян).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные роли эпистолярных текстов Александра Чехова в творчестве писателя (А.В. Белова), истории создания романа А.И. Солженицына «В круге первом» (М.В. Новикова, А.С. Ключанцева), образу рая в произведениях К.С. Льюиса «The Great Divorce» и «The Chronicles of Narnia» (М.В. Родина), ономастике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (О.В. Лендова, М.В. Новикова).

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследование именованной религиозного праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* в русском и польском языках (И.А. Иванова) и особенностей диалектной системы села Верхняя Тойда и её составляющих (Л.В. Недоступова, Ю.Н. Гнеушева).

Работы пятого раздела – «*Межкультурная коммуникация*» – раскрывают специфику перевода заглавий фильмов с английского языка на русский (И.А. Ковтун), а также проблемы типологии метафор на материале немецкого языка (Т.И. Колесник, М.Ю. Юркина).

Шестой раздел – «*Журналистика в историко-теоретическом аспекте*» – предлагает вниманию читателей статью, посвященную проблемам трудоустройства начинающих журналистов, обусловленным спецификой сегодняшних реалий в сфере высшего образования (Г.В. Дистерло).

Работа седьмого раздела – «*Язык СМИ*» – содержит исследование аллюзий в современных публицистических текстах на материале газет «Stern» и «Focus» (Н.М. Таран, С.С. Давиденко)

Заключительный раздел знакомит с монографией доктора филологических наук, профессора РАН И.В. Зыковой «*Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты*» (Л.В. Ковалева), а также с книгой Джозефа Франка «*Достоевский: писатель в своем времени*» (П.Л. Чуйков).

Содержащиеся в выпуске 1 (28) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Полагаем, что данное издание будет интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

 Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.112.2'373.611

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры романо-
германской филологии
Мифтахова О.В.
ЛНР, г. Луганск, +3(8099)7950001
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic
philology
Lecturer Miftakhova O.V.
LPR, Lugansk, +3(8099)7950001
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка 3 курса филологического
факультета,
специальность: немецкий, английский
язык и литература
Шкурат А.В.
ЛНР, г. Луганск, +3(8095)2910161*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The department of philology
Qualification: German, English
and literature
The 3d-year student
Shkurat A.V.
LPR, Lugansk, +3(8095)2910161*

О.В. Мифтахова, А.В. Шкурат

СУФФИКСАЦИЯ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Любой язык непрерывно развивается и совершенствуется. Одной из важнейших предпосылок для его развития выступает обогащение словарного состава, свидетельствующее о наличии в языке динамических процессов. Создание новых лексических единиц – одна из главных задач словообразования. Словообразование является одним из разделов морфологии и занимается изучением словообразовательных элементов. Оно показывает, как происходит образование новых слов в современном языке и как оно происходило в нем раньше. В процессе словопроизводства активно участвуют различные способы словообразования. Суффиксация – один из них. Тем более, что именно суффиксация как способ словообразования более характерна для образования имен существительных в немецком языке. Данная статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов функционирования суффиксации как способа словообразования в современном немецком языке. Главной целью данной работы является исследование продуктивных и непродуктивных моделей суффиксации имен существительных и некоторых особенностей словообразовательных суффиксов имени существительного в немецком языке, а также представление основных моделей словообразования. Предметом исследования в статье являются современные немецкие суффиксы, употребляемые в немецкоязычной сфере. Актуальным представляется изучение механизмов словообразования имен существительных в немецком языке, поскольку многие аспекты данной темы остаются дискуссионными. В рамках исследования были использованы метод сплошной выборки материала, сравнительно-сопоставительный метод, методы компонентного и структурно-семантического анализа. В последние десятилетия данная тема является особенно актуальной и представляет интерес для более глубокого изучения. Язык реагирует на новые социальные, технологические, научные тенденции и пополняется соответствующим словарным составом.

Ключевые слова: словообразование, суффиксация, современный немецкий язык, существительное, модель словообразования, морфология.

O.V. Miftakhova, A.V.Shkurat

THE SUFFIXATION OF THE NOUNS AS THE WORD FORMATION MEANS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Any language continuously develops and improves. One of the most important prerequisites for its development is the enrichment of the vocabulary, which indicates the presence of dynamic processes in the language. The creation of new lexical units is one of the main tasks of word formation. Word formation is one of the sections of morphology and is engaged in the study of word-building elements. It shows how the formation of new words occurs in modern language and how it happened in it before. In the process of word-production various ways of word formation participate actively. Suffixation is one of them. Moreover, it is the suffixation as a way of word formation that is more typical for the formation of nouns in the German language. This article is devoted to the theoretical aspects of the functioning of suffixation as a way of word formation in the modern German language. The main purpose of this work is to analyze some of the features of word-formative suffixes of the nouns in German and also to represent the basic models of word formation. The research subject of the article includes modern German suffixes used in the German-speaking sphere. It is relevant to study the mechanisms of nouns formation in German, since many aspects of this topic remain controversial. Within the framework of the research, the method of continuous sampling of the material, the comparative-comparative method, the methods of component and structural-semantic analysis were used. In the recent decades, this topic is particularly relevant and is of interest for a deeper study. The language reacts to new social, technological, scientific trends and is replenished with the appropriate vocabulary.

Key words: word formation, suffixation, modern German language, the noun, word building pattern, morphology.

Каждый, кто встречается с переводом, может заметить, что не все новообразованные слова могут быть зафиксированы в словарях. Это связано с тем, что мы живем в тот период времени, когда из-за современных темпов развития науки и техники, просто невозможно охватить тот запас новой лексики, который встречается в разных видах литературы. Такая ситуация характерна не только для научно-технической литературы, но и для всей сферы общественной жизни. Вследствие чего на современном этапе всё большее внимание уделяется способу и средствам образования слов, их компонентам. К числу основных понятий словообразования относится понятие словообразовательной модели. В данном случае модель подразумевается как типовая структура, обладающая обобщённым лексико-категориальным содержанием, модель, способная наполняться лексическим материалом (т.е. разными лексическими основами) при наличии определённых закономерностей сочетаемости её элементов друг с другом [2, с. 175-317]. Одновременно речь может идти о словообразовательной модели, представляющей собой схему общей словообразовательной системы языка, в данном случае – немецкого.

Самым целесообразным представляется выделение следующих моделей:

- 1) модель корневых слов;
- 2) модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства;
- 3) рефиксальная модель;
- 4) суффиксальная модель;
- 5) модель префиксально-суффиксального словопроизводства;
- 6) модель основ с полупрефиксами;
- 7) модель основ с полусуффиксами;
- 8) модель определительного словосложения.

Но всё же особенно хочется отметить одну из перечисленных выше моделей словообразования - суффиксальную. В немецком языке суффиксы происходят от словосочетаний или синтаксических сочетаний, и суффиксальное образование представляет собой довольно-таки живой приём. Но в связи с тем, что суффиксация относится к очень старым приёмам словообразования немецкого языка, то бывает невозможно проследить древнее словосочетание, которое легло в основу суффиксального единства. Существует мнение, что граница между сложными словами и суффиксальными очень сомнительная. Рассмотрим следующие слова: *der Kaufmann* «купец», *der Machthaber* «властелин», *der Uhrmacher* «часовщик», *der Schlafsucht* «сонная болезнь», *der Seewesen* «морское ведомство» [1, с. 255]. На данном примере отчётливо видно, что многие вторые члены сложных слов производят впечатление суффиксов, по существу не будучи ими.

Суффиксация, сама по себе, предполагает наличие суффикса, но уже после производящей основы. Особенность семантической роли этой модели в том, что суффикс имеет более широкое значение. Суффиксальная модель представлена во всех частях речи, например: *seiden* (шелковый), *Freiheit* (свобода). Суффикс придает лексической единице более широкую семантическую категорию: лица, собирательности, действия или состояния, уменьшительности и т.д. Многие немецкие суффиксы многозначны, т.е. способны выражать разные семантические категории (например: *-er* обозначает разные оттенки значения лиц, неодушевленные предметы, орудие действия; *-heit* имеет значение состояния и собирательности и т.д.). Большинство суффиксов обладают способностью переводить одну часть речи в другую: *Lehrer – lehren*, *Zwanziger – zwanzig*, могут быть продуктивными и не продуктивными. Для суффиксов характерно наличие вариантов. К примеру: *-er* и *-ler*, возможность сливаться с другим суффиксом: *-ig + -keit = -igkeit*.

Как показывают исследования суффикс *-o* полисемантичен. Это значит, что он может быть представлен как оценочный суффикс в наименованиях лица, либо маркером разговорных производных, обозначающих лица или предметы, однако исключением является *Geldo* от *Geld*. Суффикс *-o* особенно продуктивен в разговорной форме. Р.Г. Гатауллин утверждает, что модель на *-o* относится к активным моделям современного немецкого языка. Образования на *-o* очень активны в отрицательно-оценочных композитах в качестве первого компонента, например: *Anar-choliberalismus*, *Anarcho-Nihilist*, *Anarcho-Gruppe*, *Anarcho-Szene*, *Macho-Mann*, *Macho-Тур* и т.д.

Суффиксация как способ словообразования тесно связан с морфологией. Каждый суффикс указывает на принадлежность слова к определенной части речи. Суффиксы обладают абстрактно-обобщенным значением, с помощью которого они меняют значение основы слова, но при этом они придают ему категориальное значение, характерное для данной части речи и принадлежность к определенным семантическим группам слов внутри общей категории данной части речи. Например: значение суффикса *-ling* в словах *Lehrling*, *Frühling*, *Schreiberling*.

Существительные на *-ling* образуют, за небольшим исключением, большую семантическую группу живых существ, преимущественно лиц. Внутри этой группы можно различить более мелкие семантические группы слов:

- 1) живые существа, названные по яркому, выдающемуся признаку: *Jüngling*, *Fremdling*, *Neuling*;
- 2) живые существа, названные по отрицательному признаку (свойству): *Schwächling*, *Feigling*, *Neidling*;
- 3) живые существа с негативной характеристикой, данной говорящим: *Dichterling*, *Schreiberling*, *Höfling*;

4) живые существа, названные по их деятельности или по их состоянию с пассивным значением: *Pfegling, Impfling, Findling* или с активным значением: *Flüchtling, Säugling, Emporkömmling*;

5) названия птиц, насекомых: *Sperling, Schmetterling*.

Внутри каждой части речи суффиксы могут придавать слову одинаковое значение. Так, суффиксы *-er, -ling, -ist* определяют лиц мужского рода; суффиксы *-schaft, -tum, -heit* придают значение собирательности; *-ung, -heit* – абстрактных понятий.

В современном немецком языке не все суффиксы считаются продуктивными. К продуктивным суффиксам существительных относятся:

1) *-in* – образует наименования лиц женского рода;

2) *-ung, -ei, -heit, -schaft* и суффикс среднего рода *-tum* образуют абстрактные и собирательные имена;

3) *-chen, -lein* образуют уменьшительные имена среднего рода не только с реальным значением уменьшительности, но и с субъективно-эмоциональными оттенками ласкательности, пренебрежительности и т.п.

4) *-er (-ler, -ner, -aner, -enser)* – наименования лиц мужского рода, деятельность, происхождение и свойства которых так или иначе связаны с предметами или явлениями, обозначенными опорными словами: *Berliner, Bildner, Afrikaner, Künstler*.

Само определение «способ словообразования» используется для объединения в определении общих структурных свойств различных моделей или типов словообразования.

Морфемы представляют собой словообразовательные конструкции, состоящие как правило из двух непосредственно-составляющих (НС), или же единицы, деление которых на две НС не допускается.

Ещё одним особым случаем имплицитной деривации является конверсия, при которой деривация не связана с делением на две НС.

Словообразовательные конструкции из двух НС могут делиться согласно положению их НС. В таком случае они могут состоять из таких составляющих:

1) из связанных НС;

2) из свободных НС;

3) из свободной и связанной НС.

Свободные НС обычно представлены в виде корневых морфем, сочетания из нескольких морфем, словосочетания, а иногда и предложения. Словообразовательные конструкции из свободных НС называются композитами. В случае, если одна из НС подчиняется другой, композит можно охарактеризовать как определительный. Это значит, что предмет, который является основным словом (второй НС), определяется определителем.

Когда обе части НС связаны путём сочленения, то такой приём называется копулятивным. В таком случае вторая часть НС не может обозначать целое, и обе части НС в равной мере участвуют в формировании значения словообразовательной конструкции. Обе НС должны относиться к одной части речи, и их перестановка не влечет за собой семантические изменения.

Если словообразовательная конструкция состоит из одной свободной НС и одной связанной НС, то они образуют префиксальное слово либо эксплицитный дериват.

Эксплицитный дериват со свободной НС не заканчивает слово, например: *Schönheit*.

Чаще всего все конструкции словообразования со свободной НС то ли с суффиксом, то ли с префиксом классифицируются как дериваты.

Развитие в словообразовании заключается не в появлении новых способов словообразования, а в использовании прежде всего определенных моделей. Под суффиксаль-

ной моделью понимается такая схема суффиксальных производных, в которой учитывается лексико-семантическая характеристика компонентов структурной модели и характер семантических отношений между ними. Словообразование путём изменения корня как словообразовательный способ непродуктивен в современном языке, хотя существует много примеров слов, образованных таким образом. В качестве примера сюда можно отнести отглагольные существительные, образованные от глагольных корней: *der Gang, der Trieb, der Zug*. Прилагательное, причастие, наречие или любая другая часть речи может перейти в класс существительных, например: *das Leben, der Alte*. Так же и наоборот, существительное, как и прилагательное может стать глагольной основой: *grünen* (от *grün*), *schmieden* (от *Schmied*). Так же существительное в застывшей форме падежа может перейти в разряд наречия в связи с выполняемой им функцией обстоятельства: *zwecks, abends*. Предлоги *kraft* (от *Kraft*) и *laut* (от *Laut*) – пример перехода существительного в служебное слово в том случае, если оно теряет свою лексическую и синтаксическую самостоятельность и становится выразителем отношений между словами.

Говоря о словообразовании в немецком языке, необходимо в первую очередь отметить положение имен существительных в системе словообразования. Разумеется, что благодаря широкой функциональности существительные могут сочетаться и с другими частями речи, создавая новые слова, сокращенные слова, обозначения чего-либо или кого-либо, а также определяя степень или уровень явлений или людей. Особенно продуктивными методами словообразования оказались словосложение и суффиксация, но в отличие от суффиксации словосложение остается непродуктивным на современном этапе. Кроме того, необходимо еще раз подчеркнуть, что многое в данном способе словообразования зависит от того, какая словесная единица будет занимать первое место, а какая – второе. И безусловно, большое значение имеют соединяющие элементы, которые также играют значительную роль в словообразовании.

Библиографический список

1. Архипов А.Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М.: Высшая школа, 1991. 255 с.
2. Виноградова В.Н. Стилистические средства словообразования / В.Д. Левин // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972. С. 175–317.
3. Зуев А.Н., Молчанова И.Д., Мурашов Р.З. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М.: Рус. яз., 1979.

References

1. Arkhipov A.F. Self-study book of translation from German into Russian. Moscow, 1991. 255 p.
2. Vinogradova V.N. Stylistic means of word formation / V.D. Levin // Stylistic research (On the Materials of Modern Russian). Moscow, 1972. P. 175–317.
3. Zuev A.N., Molchanova I.D., Murasov R.Z. Dictionary of the word-formative elements of the German language. Moscow, 1979.

УДК 821.112.1 – 312.6

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры романо-
германской филологии
Безверхая И.В.
Украина, г. Луганск, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Lugansk National University named
after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic
philology
Lecturer Bezverkhaya I.V.
Ukraine, Luhansk, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

И.В. Безверхая

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВЕЛЛЫ Э.Т.А. ГОФМАНА «КРОШКА ЦАХЕС, ПО ПРОЗВАНИЮ ЦИННОБЕР»

В данной статье был проведен лингвостилистический анализ немецкоязычной новеллы «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» («Klein Zaches, genannt Zinnober»). Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного изучения стилистических особенностей как средства лингвистического создания художественного текста, а также особенностей передачи внешнего и внутреннего портрета героев, их эмоционально-психологических и физиологических состояний, которые являются важными элементами интерпретации текстов немецкой художественной литературы. Целью данной статьи является анализ роли лингвостилистических средств в тексте немецкоязычной новеллы Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер». В качестве предмета исследования в данной статье выступают лингвистические и стилистические художественные средства, используемые в тексте немецкоязычной новеллы. Концептуальной основой данной статьи стали труды таких ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, как А. Белова, Е. Беренвальд-Райш, М. Брандес, Л. Калнынь, В. Коваленко, В. Лукин, О. Москальская, W. Fleischer, G. Michel, B. Sandig и др. Лингвостилистические средства играют важную роль в немецкоязычных новеллах. Средства выразительности дают возможность проанализировать эстетическое наполнение произведения, уровень владения автором литературным языком. Также средства художественной выразительности раскрывают обширные «склонности» лексических единиц к многочисленным смысловым вариациям. Результаты проведенного исследования немецкоязычной новеллы с целью выявления их лексических и стилистических особенностей свидетельствуют о том, что в данной новелле присущ гротеск и насыщенный язык повествования. Писатель не только мастерски организует лексическое пространство на текстовом уровне, но и создает полный эффект погружения в живую языковую среду. Изучение лингвостилистических особенностей немецкоязычной новеллы позволяет утверждать, что лексические средства, использованные автором, по своему характеру имеют повышенную экспрессивность, что в свою очередь способствует активному восприятию их читателем. В данной статье приведены многочисленные примеры, что позволяет нам сделать вывод: тропы имеют большое значение в отображении объективной действительности и сказочной картины мира.

Ключевые слова: новелла, стилистический прием, Э.Т.А. Гофман, романтизм, персонаж.

I.V. Bezverkhaya

LINGVOSTILISTIC ANALYSIS OF NOVELLA E.T.A. HOFFMANN «KLEIN ZACHES, GENANNT ZINNOBER»

The linguistic and stylistic analysis of the German-language novel «Klein Zaches, genannt Zinnober» is carried out in the article. The relevance of the subject is caused by the need of complex study of stylistic features as the means of linguistic creation of the artistic text as well as the features of external and internal portraiture of the heroes, their emotional-psychological and physiological states which are important elements of interpretation

of texts of the German fiction. The purpose of this article is the analysis of the role of the linguistic and stylistic means in the text of the German-language short story of E.T.A. Hoffmann «Klein Zaches, genannt Zinnober». The linguistic and stylistic artistic means used in the text of the German-language short story are the object of research in this article. The conceptual basis of this article was the works of such leading domestic and foreign linguists as A. Belova, E. Berenwald-Reish, M. Brandes, L. Kalnin, V. Kovalenko, V. Lukin, O. Moskalskaya, W. Fleischer, G. Michel, B. Sandig, and others. Linguistic and stylistic means play an important role in German-speaking novels. The means of expressiveness provide an opportunity to analyze the aesthetic content of the work and the level of the author's knowledge of the literary language. Also, the means of artistic expressiveness reveal the vast 'inclinations' of lexical units to numerous semantic variations. The results of the conducted study of the German-language novel in order to reveal their lexical and stylistic features indicate that this novel has a grotesque and rich narrative language. The writer does not only masterfully arranges lexical space of the text level, but also creates the full effect of immersion in a living language environment. The study of the linguistic nature of the German-language novel allows us to assert that the lexical means used by the author have an increased expressiveness in their nature, which in turn promotes an active perception by the reader. Numerous examples are given in this article, which allows us to conclude that the figures of speech are important in reflecting the objective reality of a distorted picture of the world.

Key words: short novel, stylistic device, E.T.A. Hoffmann, romanticism, character.

В истории немецкого романтизма фигура Э.Т.А. Гофмана (1776-1822) занимает особое место, поскольку сам писатель, а также его идиостиль всегда вызывали у исследователей немало вопросов. Выдающийся немецкий писатель-романтик жил и творил на рубеже эпох, где на его глазах происходили события, которые оказали влияние не только на судьбу отдельных людей, а на судьбу всей страны. Революционные события во Франции обозначили смену феодальной общественно-экономической формации – буржуазной. Следствием утверждения буржуазных отношений явилось изменение идейно-художественных представлений, произошедшее на рубеже XVIII-XIX вв. Эпоха Просвещения завершилась, на смену просветителям пришли романтики. Видя повсеместное торжество рассудочности и практицизма, романтики усомнились в созидательном пафосе идей. Происходит переориентация гуманистических идеалов, романтики нередко третируют интеллект, выдвигая на первое место чувства, страсти, переживания. Пробуждение национального самосознания немецкой нации, осознания своих корней привели к тому, что в Германии возникает романтизм [2, с. 18].

Творчество писателя Э.Т.А. Гофмана в период немецкого романтизма играет особую роль. Это объясняется тем, что писателя связывает с йенскими романтиками общее понимание искусства как единого источника изменения окружающего мира. Следует отметить, что ему были близки идеи основоположника немецкой классической философии И. Канта. У Э.Т.А. Гофмана преобладает субъективное; он полностью сосредоточивает свое внимание на личности художника, его внутреннем состоянии. В отличие от раннего (йенского) романтизма, где видно, что романтическая ирония призвана создавать иллюзию свободы, у Э.Т.А. Гофмана ирония, наоборот, показывает мир и его свободу без преувеличений. Впервые в творчестве Э.Т.А. Гофмана реальное противопоставляется романтическому, что не было свойственно для романтиков. Для этого он использует иронию.

Таким образом, контекст немецкого романтизма состоит в том, что наблюдается отказ от определенных философско-эстетических позиций йенской школы, обостряется осознание действительности, её идеалов, романтическое противопоставляется реальной жизни, герой писателя стремится отказываться от материальных ценностей, поскольку они приводят к «увечью» души.

Одно из самых значительных произведений Гофмана – его шедевр «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» («Klein Zaches, genannt Zinnober», 1818). Огромные воз-

возможности сатирического таланта Гофмана проявили себя благодаря выходу из круга узко-бытовой или эстетической темы. В данном произведении автор обращается к самой жизни, к проблемам, которые волновали всех людей.

В своей новелле Гофман пытается сатирически подойти к трактовке философского представления о жизни, а именно, к ложному распределению материальных и духовных ценностей в обществе. В образе главного героя представлены состоятельные и влиятельные люди, которые без зазрения совести могут присвоить себе труды и старания тех, кто не имеет ни положения, ни состояния.

Вот тут и проявляется мотив Гофмана противопоставления двух миров – обыденного и романтического, реального и фантастического. Гофман подвергает критике отношения людей, которые построены не на верности и доверии, а на расчётливости, лицемерии и лжи. В произведении ярко представлена борьба добрых и злых начал как в самом человеке, так и во всём обществе.

«Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» – одно из произведений Гофмана, в котором гротеск достигает наивысшей степени. Сам образ героя, давший название сказке, отображает эту идею.

Цахес – карлик и уродец: *«Das, was man auf den ersten Blick sehr gut für ein seltsam verkorpeltes Stückchen Holz hätte ansehen können, war nämlich ein kaum zwei Spannen hoher, missgestalteter Junge, der von dem Korbe, wo er querüber gelegen, heruntergekrochen, sich jetzt knurrend im Grase wälzte. Der Kopf stak dem Dinge tief zwischen den Schultern, die Stelle des Rückens vertrat ein kürbisähnlicher Auswuchs, und gleich unter der Brust hingen die haselgerdünnen Beinchen herab, dass der Junge aussah wie ein gespalteter Rettich. Vom Gesicht konnte ein stumpfes Auge nicht viel entdecken, schärfer hinblickend, wurde man aber wohl die lange spitze Nase, die aus schwarzen struppigen Haaren hervorstarre, und ein Paar kleine, schwarz funkelnde Äugelein gewahr, die, zumal bei den übrigens ganz alten, ein gefurchten Zügen des Gesichts, ein klein Anräuchern kundzutun schienen»* [5, с. 1].

Участь бедной крестьянки едва ли можно назвать счастливой. Судьба преподнесла ей уродливого ребёнка, цепь неудач постигла её семью после того, как её муж нашёл в земле золотые монеты, перекапывая сад. Так или иначе, судьба Цахеса должна быть трагичной: он бы не стал ни видным деятелем, ни состоятельным крестьянином, ни красавцем. Тяжёлое существование и жизненные неурядицы непременно бы коснулись Цахеса, если бы не было чуда. Однако оно было, и проявилось в лице феи. Доброе сердце феи хотело помочь несчастному карлику: она погладила Цахеса по голове, и у него появились три золотистых волосинки.

По мнению О. Гронской, *goldenen Kamm sein langes Haar* – центральная метафора новеллы. Одарив уродца золотыми волосками, лукавая фея метит в большое место «разумной» цивилизации – её одержимость золотом, манию накопительства и расточительства. Безумная магия золота уже такова, что в оборот поступают, присваиваются и отчуждаются природные свойства, таланты, души. Вот над чем посмеялась фея, наделив Крошку Цахеса тремя золотыми волосками [1, с. 24].

При анализе лексического состава сатирического произведения можно заметить, что среди остальных выразительных средств, олицетворение и синестезия занимают важное место, выполняя роль словесной живописи. Олицетворение есть ни что иное, как разновидность метафоры, и очень часто встречается в сказках как средство образности. В сказках оживает всё неживое, тем самым создаётся эффект нереальности происходящего. Э.Т.А. Гофман часто использует приём олицетворения для описания явлений природы:

«Mir ist dann zumute, als wollten die Häuser über meinem Kopf zusammenstürzen, eine unbeschreibliche Angst treibt mich heraus aus der Stadt. Aber hier, hier erfüllt bald mein Gemüt eine süße Ruhe. Auf den blumigen Rasen gelagert, schaue ich herauf in das weite Blaue des Himmels, und über mir, über den jubelnden Wald hinweg ziehen die goldenen Wolken wie herrliche Träume aus einer fernen Welt voll seliger Freuden! – O mein Fabian, dann erhebt sich aus meiner eignen Brust ein wunderbarer Geist, und ich vernehmt es, wie er in geheimnisvollen Worten spricht mit den Büschen – mit den Bäumen, mit den Wogen des Waldbachs, und nicht vermag ich die Wonne zu nennen, die dann in süßem wehmütigen Bangen mein ganzes Wesen durchströmt!» [5, с. 21].

Использование такого приёма как олицетворение, позволяет автору придать особую выразительность описанию природы. В данном предложении Э.Т.А. Гофман персонафицирует беспредельную синеву неба, ликующий лес, золотые облака.

Отличительным признаком языка сказки является использование различных сравнений, при помощи которых создаётся особая образность при восприятии текста сказки:

«Du gewahrst einen wohlgestalteten Jüngling von drei-bis vierundzwanzig Jahren, aus dessen dunkel leuchtenden Augen ein innerer reger, herrlicher Geist mit beredten Worten spricht. Beinahe keck würde sein Blick zu nennen sein, wenn nicht die schwärmerische Trauer, wie sie auf dem ganzen blassen Antlitz liegt, einem Schleier gleich die brennenden Strahlen verhüllte» [5, с. 24].

Автор использует выразительные сравнения, которые нацелены на эмоциональное потрясение читателя.

Сказочная картина строится по принципу антропоцентризма. В произведении природные явления осмысливаются при помощи выражений, которые несут в себе антропоморфическую и зооморфическую характеристику. Вместе с тем, метафора отличается обширной выразительностью, что в свою очередь придаёт образу эмоциональную и наглядную осязаемость:

«Die Nacht war eingebrochen, da spannen sich feuerflammende Regenbogen über den ganzen Park, und man sah schimmernde Vögel und Insekten, die sich auf und abschwangen, und wenn sie die Flügel schüttelten, stäubten Millionen Funken hervor, die in ewigem Wechsel allerlei holde Gestalten bildeten, welche in der Luft tanzten und gaukelten und im Gebüsch verschwanden. Und dabei tönte stärker die Musik des Waldes, und der Nachtwind strich daher, geheimnisvoll säuselnd und süße Düfte aushauchend... » [5, с. 263].

Средства эмоциональной оценки персонажей имеют объективный характер. Так, например, отрицательное впечатление, которое производит главный персонаж, передается средствами эмоциональной оценки, которое, в свою очередь, совпадает как у всех персонажей, так и у повествователя: *der abscheuliche Wechselbalg, der Kleine, der kleine wunderliche Knirps, das kleine zauberische Ungetüm* и пр. Оценка рассказчика здесь не отличается от оценки персонажей и поэтому относится к его перспективе, но не подчёркивает её.

В произведениях активно используются сравнения с союзом *wie*, при этом сравнение может быть выражено именем существительным, например:

«Zu St.-Laurentztag ist nun der Junge dritthalb Jahre gewesen und kann auf seinen Spinnenbeinchen nicht stehen, nicht gehen und knurrt und miaut, statt zu reden, wie eine Katze» [5, с. 4].

«Was? wie?» rief Balthasar; aber niemand achtete auf ihn, sondern stürzte auf Zinnober zu, der sich auf dem Sofa blähte wie ein kleiner Puter und mit widriger Stimme schnarchte:

«Bitte recht sehr – bitte recht sehr – müssen so vorlieb nehmen! – ist eine Kleinigkeit, die ich erst vorige Nacht aufschrieb in aller Eil'!» [5, с. 27];

а также именем существительным с другими частями речи, например:

«... Als er diesen Namen aussprach, fuhr es ihm durchs Herz wie ein glühender Dolchstich!» [5, с. 44].

Реже сравнение может быть выражено любым видом местоимения, например:

«Balthasar, mon cher Balthasar, «rief der Professor,» Sie sind in der Tat der fleißigste, mir der liebste von meinen Zuhörern! – O mein Bester, ich merk' es Ihnen an, Sie lieben die Natur mit all ihren Wundern, wie ich, der ich einen wahren Narren daran gefressen!» [5, с. 72].

Также наречия могут выступать в роли сравнения, однако, примеров подтверждения данного явления очень немного, например:

«Ihr Gesicht, mußte man es gleich vollendet schön nennen, machte, zumal wenn sie wie gewöhnlich in starrem Ernst vor sich hinschaute, einen seltsamen, beinahe unheimlichen Eindruck, was vorzüglich einem ganz besondern fremden Zuge zwischen den Augenbrauen zuzuschreiben, von dem man durchaus nicht recht wußte, ob ein Stiftsfräulein dergleichen wirklich auf der Stirne tragen könne» [5, с. 29].

Сравнений с союзом *als* не так много, как с союзом *wie*. Однако есть существенное различие между данными примерами. Сравнения с союзом *wie* можно назвать простыми, т.е. сравнение в этом случае выражено каким-либо нераспространенным, реже распространенным членом предложения, например:

«...das Rauschen der Bäume, der Gewässer ertönte wie ein dumpfes Winseln, und dazwischen kreischten Raubvögel, die aus dem finstern Dickicht aufstiegen in den weiten Himmelsraum und sich nachschwangen dem fliehenden Gewölk» [5, с. 110].

«Mauerstill stand das große Pferd und beschnüffelte mit lang vorgestrecktem Halse sein winziges Herrlein, das sich im Sande wälzte und endlich mühsam auf die Beine richtete» [5, с. 86].

Сравнения с союзом *als*, в отличие от названных выше, чаще всего выражены целым предложением, например:

«Es war ihr, als habe sie eine tüchtige Mahlzeit gehalten und einen guten Schluck Wein getrunken» [5, с. 38].

«Nun erzählte sie, alles, alles um sich her vergessend, wie ein böser abscheulicher Traum sie verstrickt, wie es ihr vorgekommen, als habe sich ein hässlicher Unhold an ihr Herz gelegt, dem sie ihre Liebe schenken müssen, weil sie nicht anders gekonnt. Der Unhold habe sich zu verstellen gewusst, dass er ausgesehen wie Balthasar; und wenn sie recht lebhaft an Balthasar gedacht, habe sie zwar gewusst, dass der Unhold nicht Balthasar, aber dann sei es ihr wieder auf unbegreifliche Weise gewesen, als müsse sie den Unhold lieben, eben um Balthasars willen» [5, с. 151].

По мнению С. Фолимонова, подобным образом автор описывает состояние своего лирического героя. Герой чувствовал себя так, как будто он находился на острых колючках и раскаленных иглах из-за того неприятного положения, в котором оказался благодаря своему глупому поведению [4, с. 40].

Соглашаясь с мнением С. Фолимонова, отметим, что с помощью такого сравнения автор хотел показать читателю, что герою было не просто неловко перед людьми, а очень стыдно, и вероятно стыдно так, что его единственное желание на тот период вре-

мени было убежать подальше от того места, от тех людей. Данное сравнение придает этому отрывку необыкновенно выразительную силу, эмоциональность и наглядность.

Рассмотрим следующий стилистический приём. Повтор в тексте может выступать как средство интенсификации авторского воздействия, передачи различной модальности действия, а также как средство композиционного и архитектурного членения текстового целого, оформление абзацев; как элемент построения языковых лейтмотивов. Через повторяющиеся слова устанавливается ассоциативная связь между различными предметами изображения, которые также связаны между собой тематически.

Приём повторения помогает читателю лучше понять и воспринять идею, заложенную в тексте. В лингвистической интерпретации под лексическим повтором понимается средство словоупотребления, которое находится в неоднократном использовании той же лексической единицы в контактном или дистантном синтаксическом контексте с определенной структурно-художественной функцией [3, с. 218]. Лексические повторы выражаются знаменательными частями речи, а также служебными словами (союзами, частицами):

«Laß uns vereint dem kleinen Hexenkerl zu Leibe gehen!» – «Hexenkerl», «rief der Referendarius mit Begeisterung,» ja Hexenkerl, ein ganz verfluchter Hexenkerl ist der Kleine, das ist gewiss!» [5, с. 18].

В новелле автор использует архаизмы, которые придают тексту необходимый исторический колорит. «Устаревшие» лексические единицы подобного рода занимают в языке особое место, поскольку только благодаря им мы имеем понятие о явлениях и предметах, которые ушли из нашего обихода и были вытеснены современной лексикой. Поэтому, делается вывод о том, что слова-историзмы не имеют синонимичных и схожих значений:

«Halten Sie, «erwiderte Prosper Alpanus, indem er stärker und herzlicher lachte, als man es ihm nach seinem ganzen Wesen wohl zutrauen konnte,» halten Sie das, wie Sie wollen. Aber – bin ich gleich nicht eben ein Zauberer, so gebiete ich doch über hübsche Kunststücken» [5, с. 38].

«Wie Fürst Paphnutius in seinem Lande die Aufklärung einführte und die Fee Rosabelverde in ein Fräuleinstift kam» [5, с. 69].

Наряду с просторечием, в новелле прослеживаются диалектизмы и жаргонизмы, которые со временем утратили свою локальную и социально ограниченную прикреплённость:

«Er stand neulich vor der Münze, und da zeigten die Leute mit Fingern nach ihm und riefen: «Seht den kleinen hübschen Papa! – dem gehört alles blanke Gold, was da drinnen geprägt wird!» [5, с. 93].

«– Wissen Sie wohl, dass ich Sie mitsamt Ihren bunten Bildern, Püppchen, magischen Spiegeln, mit all Ihrem fratzenhaften Kram für einen rechten ausgemachten Scharlatan halte? – Der Balthasar, der ist verliebt und macht Verse, dem können Sie allerlei Zeug einreden, aber bei mir kommen Sie schlecht an! – Ich bin ein aufgeklärter Mensch und statuiere durchaus keine Wunder!» [5, с. 95].

Также, одной из характерных черт произведения Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» является применение автором неологизмов.

Так, говоря об использовании неологизмов в произведении Э.Т.А. Гофмана, прежде всего, следует отметить широкое использование неологизмов, которые имеют определённое смысловое значение в рамках самого произведения, то есть, привязаны

именно к тексту новеллы Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», значение которых пытается растолковать сам автор:

«Nun! genug, jener Angriff störte die Funktionen des psychischen Organism. Erst kamen finstre Ideen von unerkannten Aufopferungen für den Staat durch das schmerzhaftes Tra-gen jenes Ordens u.s.w., immer verfänglicher wurde der Zustand, bis gänzliche Disharmonie der Ganglien – und Zerebralsystems endlich gänzlich Aufhören des Bewusstseins, gänzliches Aufgeben der Persönlichkeit herbeiführte. Diesen Zustand bezeichnen wir aber mit dem Worte «Tod»!» [5, с. 73].

Таким образом, необходимо отметить, что в данной новелле автор прибегает к использованию многих стилистических приёмов, которые помогают передать насыщенность и эмоциональность повествования. С помощью олицетворения можно приблизиться к природе и в процессе повествования «слиться» с ней. Большое значение в произведении играют сравнения, которые имеют сильное эмоциональное воздействие на читателя. Также стоит подчеркнуть, что благодаря использованию автором архаизмов, неологизмов и жаргонизмов, читателем лучше воспринимается колорит и эпоха данного произведения. Проанализировав примеры, можно сделать вывод, что Э.Т.А. Гофман в своей новелле играет на контрастах, противопоставляет друг другу персонажей, событийные линии, характеры и настроения. Эффект противопоставления имеет не только сильное эмоциональное воздействие на читателя, но и помогает определить непосредственное отношение автора к тому или иному герою произведения.

Библиографический список

1. Гронская О.Н. Миф в поэтической системе сказки Э.Т.А. Гофмана // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX-XX веков. Пермь, 1993. 271 с.
2. Карельский А.В. Сказки и правда Гофмана. М., 1991. 325 с.
3. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории: аналитический минимум. М.: Изд-во «Ось-89», 2005. 560 с.
4. Фолимонов С.С. Сказка на все времена: новелла Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер». М., 2003. 168 с.
5. Hoffmann E.T.A. Klein Zaches genannt Zinnober. М.: Радуга, 2002. 270 p.

References

1. Gronskaya O.N. Myth in the poetic system of the tales by E.T.A. Goffman // Problems of method and poetics in foreign literature of the XIX-XX centuries. Perm, 1993. 271 p.
2. Karelskij A.V. Hoffman`s truth and fairy tales. Moscow, 1991. 325 p.
3. Lukin V.A. Literary text: the foundations of linguistic theory: the analytical minimum. Moscow, 2005. 560 p.
4. Folimonov S.S. Fairy tale for all the times: the story by E.T.A. Hoffman «Klein Zaches, genannt Zinnober». М., 2003. 168 p.
5. Hoffmann E.T.A. Klein Zaches, genannt Zinnober. Moscow, 2002. 270 p.

УДК 811.112.2, 801

*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого студентка 5 курса факультета иностранных языков
Воронина У.А.
Россия, г. Тула, +79056279146
e-mail: ulyvoronina1996@mail.ru*

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy
The department of foreign languages
The fifth-year student
Voronina U.A.
Russia, Tula, +79056279146
e-mail: ulyvoronina1996@mail.ru*

*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка
Гудкова О.А.
Россия, г. Тула, 8(4872) 35-17-25
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru*

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy
The chair of German language
PhD, associate professor
Gudkova O.A.
Russia, Tula, 8(4872) 35-17-25
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru*

У.А. Воронина, О.А. Гудкова

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСЛОВИЦ: КОНТАМИНАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ

В статье рассмотрены основные структурные модели приема контаминации традиционных немецких паремий, а также семантические особенности таких преобразований. Актуальность такого исследования определяется тем, что изучение трансформаций паремий является одной из актуальных задач современной паремиологии. И контаминация, как один из ведущих приёмов трансформации, представляет особый интерес для многих исследователей в данной области. Выбор темы обусловлен обширным материалом исследования, его обозримостью, недостаточной исследованностью и интересом к данной теме. Объектом исследования являются антипословицы - пословичные трансформы, возникшие в результате контаминации единиц активного паремиологического запаса немецкого языка. Предмет исследования - семантические и структурные особенности антипословиц. В статье описываются основные типы структурных моделей приема контаминации традиционных немецких паремий, а также рассматриваются семантические особенности данных преобразований. Реализация поставленных целей осуществлялась методом структурно-семантического анализа, направленного на выявление закономерных связей между значением изучаемых единиц и формой их образования. В итоге было установлено, что контаминация паремий с паремиями и не-паремиями влечёт за собой образование единиц с новым переносным, обобщенным значением или новым прямым. Происходящие при этом структурно-семантические преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы пословицы, усиливают экспрессивность и образность новых образований.

Ключевые слова: пословица, антипословица, способы трансформации пословиц, структурно-семантические трансформации пословиц, контаминация.

U.A. Voronina, O.A. Gudkova

TO THE QUESTION OF THE TYPES OF TRANSFORMATIONS OF PROVERBS: CONTAMINATION OF GERMAN PAREMIAS

The article deals with the main structural models of the contamination of traditional German paremias, as well as the semantic features of such transformations. The relevance of such study is determined by the fact that the study of the transformation of the paremia is one of the pressing challenges of the modern paremiology. Contamination, as one of the leading methods of transformation, is one of particular interest for many researchers in this field. The choice of the topic contains the extensive research material, its visibility, insufficient research and interest in this topic. The goal of the article lies in the allocation and description of the main types of structural models of reception of contamination of traditional German proverbs, as well as examination of the semantic features of these transformations. The implementation of the goals is carried out by the method of structural and semantic analysis aimed at identifying natural links between the value of the studied units and the form of their formation. As a result, it was found that the contamination of pares with paremias and non-paremias leads to the formation of units with a new portable, generalized meaning or new direct one. The structural and semantic transformations occurring at the same time, coupled with changes in the lexical composition and / or grammatical form of the proverb, strengthen the expressiveness and imagery of new entities.

Key words: proverbs, antiproverbs, the methods of transformation of proverbs, structural-semantic transformations of proverbs, contamination.

Язык как функциональная система находится в состоянии постоянного развития. Неизбежным результатом происходящих в нем изменений и одним из основных его особенностей является присущая ему вариативность языковых единиц. В последние годы в паремиологии активно ведутся исследования модификаций и трансформаций пословиц. Согласно фактам исследований, большинство паремий существует в разных вариантах. При этом некоторые из этих вариантов не зарегистрированы ни в одном сборнике, что порой затрудняет возможность отличить общенародный вариант от индивидуально-авторского.

Антипословицы в Германии изучаются уже довольно долгое время. Среди наиболее известных исследований можно назвать работы таких авторов, как Вернер Мич, Герхард Уленбрук, а также Дитрих Хартманн, который занимался изучением вопроса, как иностранцы понимают современные антипословицы. Антипословицы, по словам автора, практически всегда находятся в движении, так как во время активного употребления традиционной пословицы появляется потребность в создании новой, шутливой формы. Данному процессу активно содействует реклама, молодёжный язык и пресса.

Изучением антипословиц и их функционирования в текстах занимался Хайнц-Хельмут Люгер («Satzwertige Phrasseologismen. Eine pragmalinguistische Untersuchung»). В похожем направлении работала также Аннетта Саббан («Okkasionelle Variationen sprachlicher Schematismen»), изучая окказиональные преобразования на примере пословичных вариантов. Одним из ведущих исследователей немецких антипословиц на сегодняшний день является преподаватель германистики и фольклора Вермонтского университета профессор Вольфганг Мидер («Antisprichwörter», «Sprichwörter unter Hakenkreuz», «Verdrehte Weisheiten aus Literatur und Medien»), который одним из первых основательно занялся изучением данного языкового феномена.

Мода последних лет намеренно искажать традиционные виды паремий и тем самым формировать новые выражения возводит производную и новообразованную по старой модели паремию на несколько иной уровень. Новообразованные, видоизмененные выражения обладают нетрадиционной структурой, а также специфическим набо-

ром функций, значительно отличающимся от тех, которые принято ассоциировать с привычным текстом. Современные паремииологи уже не первое десятилетие предпринимают попытки систематизации способов трансформации пословиц. На сегодняшний день существуют различные классификации преобразований и трансформаций пословиц, так, например, классификации Е.К. Николаева (2003), Н.Н. Фёдоровой (2006), Х. Вальтера и В.М. Мокиенко (2005). Наиболее распространенной является классификация пословичных трансформов Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, основанная на комплексе семантических, структурно-семантических и структурных признаков пословиц. Авторы выделяют:

- 1) семантические трансформации;
- 2) структурные трансформации;
- 3) структурно-семантические трансформации пословиц и их структурные подтипы:
  - а) расширение компонентного состава (экспликация),
  - б) сокращение компонентного состава (импликация),
  - в) замены компонентов,
  - г) комбинированные структурно-семантические трансформации,
  - д) контаминация.

Данные типы преобразований пословиц в настоящее время являются наиболее распространенными. При этом Х. Вальтер и В.М. Мокиенко отмечают, что наиболее активным способом трансформации традиционных пословиц является так называемый «макаронизм», то есть контаминация (от латинского *contaminato* - 'смещение') – объединение, скрещивание частей двух и более совершенно разных по смыслу, а нередко и структуре паремий. Данный тип трансформации, по мнению авторов, наиболее отражает языковой дух нашего времени - дух смешанных стилей [3; с. 54–67].

Термин контаминация уже давно используется в лингвистике. Он пришел из английского языка и, как отмечается в «Словаре лингвистических терминов», обозначает «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или образованию новой (третьей) языковой единицы» [1; с. 206]. Согласно Ж. Марузо, контаминацию можно рассматривать как «действие, оказываемое одним компонентом на другой, с которым первый связан либо постоянно, либо случайно, но таким образом, что между ними осуществляется скрещение...» [4; с. 139].

В данной статье мы рассмотрим основные модели образования и структурно-семантические особенности приема контаминации немецких пословиц. Материалом исследования послужило собрание антипословиц и юмористических высказываний разного рода автора Вольфганга Нэсера (научного сотрудника Марбургского университета им. Филиппа). Его собрание опубликовано в сети интернет под названием «Allerlei Nonsens-, Anti-, Demo-, Sprüche und sonstige Weisheiten» (<http://staff-www.uni-marburg.de/~naeser/sponti.htm>) и содержит 809 единиц, собранных автором из различных источников (рекламных роликов, телевизионных программ, граффити, надписей в общественных местах, а также словарей антипословиц). В данной статье мы рассмотрим наиболее яркие и интересные примеры. Трансформы отбирались нами по принци-

пу их образования: нас интересовали не искусственно созданные выражения юмористического характера, а трансформы классических пословиц.

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие типы структурных моделей приема контаминации традиционных немецких паремий:

1. Пословица + пословица.

Данная модель контаминации является наиболее распространенной. Примерами могут служить следующие антипословицы: *Wer Wind sät, scheut das Feuer* (досл. Кто сеет ветер, боится огня). В этом примере друг на друга наложились две пословицы *Wer Wind sät, wird Sturm ernten* (досл. Кто сеет ветер, пожнет бурю) и *Gebanntes Kind scheut das Feuer* (досл. Ребенок, который обжегся, боится огня).

Или *Wer den Pfennig nicht ehrt, hat Gold im Mund* (досл. Кто не ценит пфенниг, имеет золото во рту) = *Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert* (досл. Кто не ценит пфенниг, не достоин талера) + *Morgenstunde hat Gold im Munde* (досл. Утренний час имеет золото во рту).

2. Пословица + добавление слов (не-паремий).

Например, антипословица *Irren ist menschlich, Recht haben - unmenschlich* (досл. Людям свойственно ошибаться, быть правым - бесчеловечно). Добавление к традиционной пословице *Irren ist menschlich* (досл. Людям свойственно ошибаться) приводит к образованию выражения с новым структурным и семантическим значением.

3. Пословица + идиома (поговорка).

Например: *Die Axt im Haus ist die Mutter der Porzellankiste* (досл. Топор в доме - мать сундука с фарфором). Автор данной антипословицы использовал трансформацию, заключающуюся в контаминации пословицы *Die Axt im Hause ersetzt den Zimmermann* (досл. Топор в доме заменяет плотника) и поговорки *Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste* (досл. Осторожность - мать сундука с фарфором), что означает 'осторожность прежде всего'. В данном примере мы имеем дело с игрой слов: замена автором слова *Vorsicht* (досл. осторожность) на выражение *Die Axt im Haus* (досл. топор в доме) приводит к образованию новой антипословицы, схожей по смыслу с первичной паремией *Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste*.

4. Пословица + фразеологизм.

Например: *Wer im Glashaus sitzt, soll nicht Eulen nach Athen tragen* (досл. Кто сидит в теплице (досл. стеклянном доме), не должен привозить сов в Афины). Антипословица образовалась путем объединения традиционной пословицы *Wer im Glashaus sitzt, sollte nicht mit Steinen werfen* (досл. Кто сидит в стеклянном доме, не должен кидаться камнями) и фразеологизма *Eulen nach Athen tragen* (досл. Привозить сов в Афины).

5. Пословица + повествователь + неожиданное добавление.

Например: *Scherben bringen Glück, sagte der Glaser, und warf den Leuten über Nacht die Scheiben ein* (досл. Осколки/разбитая посуда приносят счастье, сказал стекольщик и выбил людям оконное стекло среди ночи).

Ende gut, alles gut, sagte der Spitzbube, als man ihn zum Galgen fuhr, da er sonst zu Fuß gegangen war (досл. Хороший конец - всё хорошо, сказал плут, когда его везли на виселицу, так как обычно он ходил пешком).

6. Особый тип - объединение нескольких секвенций:

Например, *Mancher fällt aus dem Rahmen, obwohl er vorher nicht im Bilde war* (досл. Кто-то выпадает из рамы, хотя до этого не был в картине). В результате контаминации двух идиом *aus dem Rahmen fallen* (досл. выпасть из рамы и переносн. выходить за рамки) и *im Bilde sein* (досл. быть в картине, переносн. быть в курсе дела) и игре с прямым и переносным смыслом образовалась новая антипословица.

Исследователь антипословиц А. М. Бабкин отмечает, что «образования новых фразеологических единиц в результате контаминации представляют лингвистический интерес не столько сами по себе, сколько тем, что они позволяют глубже понять и убедительнее интерпретировать природу фразеологической единицы как явления семантического по преимуществу» [2; с.31]. Контаминация двух и более устойчивых выражений позволяет говорящему повысить экспрессию и усилить эффект воздействия своей речи. Семантические преобразования такого типа отражают некую существенную сторону изображаемого, при этом создавая внутренние противоречия и неожиданные связи. Семантическое преобразование пословицы - это, прежде всего, словесная игра. Если говорить о семантической структуре, следует отметить, что в результате контаминации пословиц могут образовываться новые выражения с переносным употреблением отдельных фрагментов или же развивается новое прямое значение выражения, кроме того возможно образование просто шуточных антипословиц, ирреальных, алогичных, комичных ситуаций в шуточных перифразах.

Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров таких семантических трансформаций. *Der Hund, der bellt, kommt immer beim Essen* (досл. Собака, которая лает, всегда приходит во время еды). Данная антипословица формируется путём присоединения первой части одной пословицы *Der Hund, der bellt, beißt nicht* (досл. Собака, которая лает, не кусается) ко второй части другой *Der Appetit kommt beim Essen* (досл. Аннетит приходит во время еды). Вследствие контаминации двух паремий изменяется не только структура пословицы, но её семантическое значение. Новообразованная паремия приобретает абсолютно новый смысл, развивается новое прямое значение выражения: досл. Собака, которая лает, всегда приходит во время обеда. Лексическая замена обусловлена совпадением грамматических категорий наклонения (изъявительное), времени (настоящее), залога (активный), лица (3-е) и формы единственного числа.

Примерами такой трансформации могут также служить антипословица *Die Axt im Hause hat Gold im Munde* (досл. Топор в доме имеет золото во рту), образованная за счёт объединения пословиц *Die Axt im Haus ersetzt den Zimmermann* (досл. Топор в доме заменяет плотника) и *Morgenstunde hat Gold im Munde* (досл. Утренний час имеет золото во рту). В результате объединения двух абсолютно разных по смыслу пословиц образуется новое выражение с переносным употреблением отдельных фрагментов.

Путем контаминации также возможно образование просто шуточных антипословиц, ирреальных, комичных ситуаций в шуточных перифразах. Например, *Morgenstunde ist aller Laster Anfang* (досл. Утренний час - тяжелое начало). Антипословица образуется путем объединения двух традиционны[паремий *Morgenstunde hat Gold im Munde*

(досл. *Утренний час имеет золото во рту*) и *Müßiggang ist aller Laster Anfang* (досл. *Праздность/лень - тяжёлое начало*). Данная антипословица формируется путём присоединения первой части одной пословицы *Morgenstunde* ко второй части другой *ist aller Laster Anfang*, объединяясь, они несут совершенно новый, комический смысл получившемуся высказыванию. Эту закономерность также демонстрирует следующий пример: *Je weiter in den Wald, kannst du schon ruhig spazieren gehen* (досл. *Чем дальше в лес, можешь гулять спокойно*). Антипословица образовалась путём контаминации пословиц *Je weiter in den Wald, umso mehr Holz* (досл. *Чем дальше в лес, тем больше дров*) и *Hast du das Werk beendet, kannst du ruhig spazieren gehen* (досл. *Закончил дело, можешь гулять спокойно*).

Или, например, добавление определения *gewaschen* (досл. *отмытый, постиранный*) к пословице *Geld stinkt nicht* (досл. *Деньги не пахнут*) актуализирует новое шутовское значение антипословицы *Gewaschenes Geld stinkt nicht* (досл. *"Отмытые" деньги не пахнут*). Согласно первичному выражению *Geld stinkt nicht* (досл. *Деньги не пахнут*), неважно, каким способом заработаны деньги, важно, что они есть. Новая паремия, однако, несет в себе совершенно противоположенное семантическое значение: если «грязные» деньги помыть («отмыть»), они перестанут пахнуть, т.е. станут честно заработанными.

Таким образом, контаминации паремий с паремиями и не-паремиями влечёт за собой образование единиц с новым переносным, обобщенным значением или новым прямым. Происходящие при этом структурно-семантические преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы пословицы, усиливают экспрессивность и образность новых образований.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие, источники. Л.: Наука, 1970. 261 с.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005. 574 с.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 439 с.

References

1. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 1969. 608 p.
2. Babkin A.M. Russian phraseology, its development, sources. Leningrad, 1970. 261 p.
3. Walter H., V. M. Mokienko. Antiproverbs of the Russian people. SPb.: Ed. house "Neva", 2005. 574 p.
4. Maruzo J. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 1960. 439 p.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный технический университет
аспирант кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Милованова А.И.
Россия, г. Воронеж, +7(915)561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of Russian language
and cross-cultural communication
Post-graduate student
Milovanova A.I.
Russia, Voronezh, +7 (915) 561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

А.И. Милованова

МАЛОЧИСЛЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НЕРЕАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Во фразеологии имеется обширный пласт единиц, заключающий в себе нереальное явление, которое выражает значение всего оборота. Изучение таких фразеологических единиц (ФЕ) позволяет выявить причины формирования подобного образа в структуре оборота, наиболее фразеологически активный компонент, участвующий в создании нереального явления, а также национально-культурную специфику подобных единиц. Прежние исследования позволили определить наиболее активные компоненты: соматический, зооморфный, пространственный и временной. Объектом же данного исследования стали ФЕ, в которых доминирующий лексический компонент малочислен. Способы формирования нереального образа в структуре ФЕ с помощью данных компонентов, причины их малочисленности, а также национально-культурная специфика подобных фразеологизмов стали предметом исследования в данной работе. Так, методы аналогии и классификации позволили распределить фразеологические обороты по группам на основании наличия в их структуре компонента, участвующего в создании образа нереальности. Было выявлено, что малочисленность определенных компонентов, их низкая фразеологическая активность, а также неактивное участие в формировании нереального явления в основе фразеологических единиц связана с их предметной, материальной основой, а также с постоянным взаимодействием человека с данными объектами (бытовой, пищевой компоненты и др.), с уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных исторических и мифологических номинаций. Результатом исследования стало определение способов репрезентации нереального явления с помощью малочисленных компонентов, а также были получены числовые данные, позволившие выявить причины малочисленности определенных компонентов как в рамках всей работы, так и в рамках данной группы.

Ключевые слова: фразеологизм, пищевой компонент, бытовой компонент, числовой компонент, религиозный компонент, фразеологическая единица, национально-культурная специфика, нереальное явление.

A.I. Milovanova

LIMITED COMPONENTS IN PHRASEOLOGICAL UNITS, EXPRESSING THE MEANING THROUGH THE UNREAL PHENOMENON

In the phraseology of language there is an extensive layer of units, which contains an unreal phenomenon that expresses the meaning of the whole idioms. The study of such FU can identify the reasons for the formation of such an image in the idiom's structure, the most phraseologically active component involved in creating an unreal phenomenon, as well as the cultural specific features of such units. The previous studies have made it possible to determine the most active components: somatic, zoomorphic, spatial and temporal. The object of this study has become those phraseological units (FU) in which the dominant lexical component is small. The ways

of forming an unreal image in the structure of the FU with the help of these components, the reasons for their small number, as well as the national and cultural specificity of such phraseological units became the subject of research in this work. Thus, the methods of analogy and classification made it possible to distribute phraseological phrases to groups on the basis of the presence in their structure of a component involved in creating an image of unreality. It was found that the small number of certain components, their low phrasemal activity, as well as inactive participation in the formation of an unreal phenomenon in the basis of phraseological units, is associated with their subject, material basis, as well as with the constant interaction of a person with these objects (household, food components), with certainty in the reality of certain concepts (religious component, mythonym), with the absence of certain historical and mythological nominations. The result of the study was the definition of ways to represent an unreal phenomenon with the help of limited components, and numerical data were obtained that allowed to identify the reasons for the limited number of certain components both within the framework of the whole work and within the framework of this group.

Key words: phraseologism, food component, household component, numerical component, religious component, phraseological unit, cultural specific features, unreal phenomenon.

Большинство фразеологизмов в языке заключают в себе определенное явление или образ, который выражает значение оборота. Интересным для изучения становится нереальное явление в основе фразеологических единиц в связи с особенностями отражения национально-культурной специфики в подобных оборотах. Предшествующее данному исследованию ФЕ, выражающих свое значение через нереальное явление, показало, что к наиболее частотным компонентам, участвующим в репрезентации нереального образа, относятся соматический, пространственный, временной компоненты, а также компонент-зооним.

В ходе исследования встретились и такие фразеологические обороты, в которых доминирующий компонент, являющийся основным при формировании нереального явления в ФЕ, малочислен, либо встречается лишь в одном или двух оборотах. Несомненно, изучение и подобных групп имеет важное значение, так как не только наиболее активные компоненты, участвующие в создании образа нереальности, могут быть свидетельством опыта народа в познании окружающего мира, но и единичные лексемы в структуре подобных ФЕ.

При помощи метода аналогии и классификации ФЕ были распределены по группам на основании доминирующего лексического компонента, среди которых оказались: бытовой компонент (посуда – 5; одежда – 5), пищевой компонент (8), религиозный компонент (7), компонент, обозначающий здание/его часть (4), мифоним/сказочный компонент (4), компонент, обозначающий печатную/письменную продукцию (3), числовой компонент (3), компонент, обозначающий результат речевой деятельности (2), компоненты, встречающиеся в ФЕ не более 1 раза (таких ФЕ 16).

В группу с бытовым компонентом (предметы утвари и одежды) в структуре фразеологизмов, выражающих свое значение через нереальное явление, вошли такие ФЕ, как *без ножа зарезать, буря в стакане воды, в ложке воды утопить, чудеса в решете, переполнить чашу терпения, родиться в сорочке, рубаха-парень, черт в юбке, от жилетки рукава, карманная чахотка*. Так, нереальное явление в ФЕ с компонентами, обозначающими посуду, формируется через представление определенной ситуации: 1) когда функция предмета утвари реализуется без его использования, либо предмет выполняет несвойственную для него функцию (*без ножа зарезать*); 2) когда размер предмета не позволяет совершить определенное действие, описанное в ФЕ, в реальности (*в ложке воды утопить, буря в стакане воды*); 3) когда предмет содержит не вещество, а абстрактное понятие, представленное как жидкость (*переполнить чашу терпения, чудеса в решете*).

Во фразеологизмах с компонентом, обозначающим предмет/часть одежды, нереальное явление формируется: 1) через характеристику человека с помощью названия одежды, который не обладает качествами, свойственным людям, на основании чего могло бы происходить их сравнение (*рубаха-парень*); 2) через неправильное представ-

ление физиологических процессов (*родиться в сорочке*); 3) когда предмет одежды человека принадлежит существу, которое в сознании человека мыслится как потустороннее, не из мира людей (*черт в юбке*); 4) когда определенный предмет одежды имеет часть от другого, что может полностью изменить его функции и даже название (*от жилетки рукава*; ср. если жилетка имеет рукава, то она является курткой); 5) когда часть предмета одежды отождествляется с живым существом, потому может быть подвержена болезни (*карманная чахотка*).

В группе ФЕ, в структуре которых в формировании нереального явления участвует пищевой компонент, насчитывается 8 ФЕ, к которым относятся обороты *профессор кислых щей, сливки общества, затащить аллилуйю с маслом, амбар жиру, казенка мяса, горе луковое, молочные реки и кисельные берега, ерунда на постном масле, чепуха на постном масле*. Нереальное явление может быть создано при помощи пищевого компонента: 1) через представление продукта питания как направления в науке (*профессор кислых щей*); 2) через отождествление привилегированной части общества с продуктом (*сливки общества*); 3) через представление водного объекта и объекта суши как источника пищевых продуктов (*молочные реки и кисельные берега*); 4) через наделение пищевого продукта психическими качествами, свойственными человеку, благодаря чему продукт может чувствовать (*горе луковое*).

Религиозный компонент во фразеологических единицах также участвует в формировании нереального явления: *олух царя небесного, адвокат божий, адвокат дьявола, ангел во плоти, ангел в чертовой рубашке, черт принес, черта лысого*. В рамках данного исследования уж встречались фразеологизмы с религиозным компонентом, но доминирующими компонентами, формирующими нереальный образ, оказались другие лексемы. Так, нереальность образа в вышеупомянутых ФЕ достигается: 1) благодаря наличию у бесплотного духовного существа собственного представителя для решения юридических вопросов (*адвокат божий, адвокат дьявола*); 2) через наделение бесплотного духовного существа плотью (*ангел во плоти*); 3) через сочетание религиозных компонентов, не обладающих плотью, и компонента, обозначающего предмет одежды, который они носят (*ангел в чертовой рубашке* – также нереальность образа достигается благодаря сочетанию противоречащих друг другу понятий в ФЕ, под которыми подразумеваются антиподы в христианской религии); 4) через представление духа, олицетворяющего злые силы в христианской религии, как средство для перемещения в пространстве (*черт принес*).

Как показало исследование, в создании нереального образа в основе фразеологизма может принимать участие компонент, обозначающий какое-либо здание/сооружение или его часть, например, как в ФЕ *строить воздушные замки, ходячий университет, ума палата, кладезь премудрости*. Формирование нереального явления в данных фразеологических единицах происходит несколькими способами: 1) через наделение доминирующего компонента физическими возможностями, свойственными человеку (*ходячий университет*); 2) через отождествление сооружения с органом человека (мозг), выполняющим функцию накопления знаний (*кладезь премудрости, ума палата*); 3) через характеристику материала, из которого состоит здание (*строить воздушные замки*).

В следующую группу фразеологизмов были включены обороты, содержащие мифоним или сказочный компонент (пришел из фольклора): *леший знает, три бабайки в гору, маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки*. Так нереальность образа в них достигается как раз благодаря участию вышеуказанной лексики. Например, леший – герой славянской мифологии, в реальной жизни который существовать не может, как и бабайка, в славянском фольклоре являющийся ночным духом (*леший знает, три бабайки в гору*). В ФЕ *маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки* нереальный образ заключается в самих компонентах: волшебство и магия – недоказанные наукой

явления, под которыми подразумевается способность к влиянию на события и на изменения состояния материи (*маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки*).

В группу ФЕ, в которых формирование нереального явления происходит с помощью компонента, обозначающего печатную/письменную продукцию, вошли обороты *ходячая энциклопедия, живая летопись, мертвой буквой*. Нереальность образа в данных фразеологизмах достигается несколькими способами: 1) через наделение доминирующего компонента физическими возможностями, свойственными человеку (*ходячая энциклопедия*); 2) через наделение компонента свойствами живой природы, их одушевление (*живая летопись, мертвая буква*).

Нереальное явление может также создаваться при участии числового компонента в ФЕ. К подобным фразеологизмам относятся обороты *семимильными шагами, семь пятниц на неделе, заблудиться в трех соснах*. Нереальность образа основывается на чрезмерном преувеличении (*семимильными шагами, семь пятниц на неделе, заблудиться в трех соснах*). Если рассматривать каждый конкретный случай, то в ФЕ *семимильными шагами* нереальное явление формируется через преувеличение ширины шага человека, в ФЕ *семь пятниц на неделе* – через преувеличение количества одного дня недели в выделенном временном промежутке, где каждый из дней повторяться два или более раз не может, в ФЕ *заблудиться в трех соснах* – через преувеличение при описании простой ситуации.

Во фразеологических единицах с компонентом, обозначающим результат речевой деятельности, нереальное явление может репрезентироваться через представление о данном компоненте как о человеке (*голая правда*), а также через его отождествление с пищевым продуктом (*кормить обещаниями*).

Среди выделенных в ходе работы ФЕ оказались обороты, в которых доминирующий компонент, участвующий в образовании нереального образа во фразеологизме, встречается всего один раз. Подобных единиц 16, к ним относятся: *хватать звезды с неба, срывать цветы удовольствия, золотой дождь, камни вопиют, рыцарь печального образа, оживший аборт, фортуна улыбнулась, карачун пришел, пустой звук, путевка в жизнь, финансы поют романсы, вывернуло наизнанку, мирный атом, выходит сухим из воды, переливать из пустого в порожнее, ломиться в открытую дверь*. Так, среди вышеперечисленных оборотов встречается ФЕ с астронимом (*хватать звезды с неба*), с фитонимом (*срывать цветы удовольствия*), с метеонимом (*золотой дождь*), с компонентом, обозначающим материальные блага (*финансы поют романсы*), с компонентом-названием стихии (*выходит сухим из воды*), с компонентом-названием предмета интерьера (*ломиться в открытую дверь*) и др. Нереальное явление в данных ФЕ может репрезентироваться: 1) через несвойственный для данного объекта материал, из которого он состоит (*золотой дождь*); 2) через наделение неживого предмета, понятия психофизиологическими возможностями, свойственными человеку (*камни вопиют, фортуна улыбнулась, финансы поют романсы*), и физическими (*карачун пришел*); 3) через описание невозможной в жизни ситуации при участии двух и более доминирующих компонентов (*ломиться в открытую дверь, выходит сухим из воды*); 4) через сочетание астронома и глагола, обозначающего действие, невозможное по отношению к указанному в ФЕ космическому объекту в связи с его большим размером и очень далеким расположением в пространстве (*хватать звезды с неба*); 5) через отождествление болезненного состояния с действием, применимым к предметам одежды (*вывернуло наизнанку*); 6) через представление жизни как места отдыха/курорта (*путевка в жизнь*).

В связи с тем, что фразеологизмов в каждой из групп незначительное количество, трудно установить основные способы формирования нереального явления, так как для выделенных приемов соответствует 1–2 примера ФЕ, что не позволяет установить ка-

кую-либо закономерность, а также самый активный способ репрезентации нереального явления при помощи доминирующего компонента.

Тем не менее редкое использование определенного компонента также может быть важным показателем специфики восприятия какого-либо предмета или явления, особенно если это касается участия в создании нереального образа ФЕ.

Так, часто встречающимся компонентом в рамках малочисленной группы ФЕ, выражающих свое значение через нереальное явление, стал бытовой компонент, к которому мы относим предметы утвари и одежды. Малая частотность по отношению к общему количеству фразеологизмов во всей работе объясняется тем, что посуда и одежда – предметы осязаемые, материальные, которыми человек пользуется каждый день, функции их предельно ясны для него, в связи с чем нереальный образ в сознании русского человека с их участием практически не формируется. Наибольшая частотность бытового компонента в рамках данного параграфа может быть объяснена аналогичным образом: посудой и одеждой человек пользуется практически каждый день, их большое участие в его жизни неоспоримо (ср. с *семимильными шагами* – протяженность в России измеряется в км. и т.д.).

Незначительное количество пищевого компонента по отношению к общему числу доминирующих компонентов в ФЕ, выражающих свое значение через нереальное явление, объясняется его материальной основой, предметностью, ежедневным участием в правильном функционировании организма человека. Также низкая фразеологическая активность компонента, обозначающего продукт питания, может быть объяснена, как пишет Е. Э. Барилова, тем, что русская кулинарная традиция никогда не занимала почетное место в русской культуре в связи с простотой и однообразием блюд [1; с. 153]. Также православные традиции, заключающие временное воздержание от приема определенной пищи (строгие и частые посты), оказали влияние на блюда русской кухни (растительно-рыбно-грибная) [1; с. 153]. Исследуя русские ФЕ с компонентом *еда*, она выделила 190 (1,7 % из 11347) единиц, в которых среди наиболее частотных компонентов встречаются *масло* (13) и *молоко* (5) [1; с. 154–155], как и в ФЕ, выделенных в рамках данного исследования: *затянуть аллилуйю с маслом, ерунда на постном масле, чепуха на постном масле, молочные реки и кисельные берега*, – что также может быть объяснено значимой ролью пищи для человеческого организма, его правильного функционирования.

Влияние Православия на формирование русских фразеологизмов прослеживается также и в фразеологизмах, содержащих религиозный компонент, так как «Русская Православная Церковь во всем многообразии информационных потоков, культурных и социально-религиозных образов была неизменным проводником в мир русской культуры, традиций и духовных ценностей» [2; с. 239]. Так, в рамках малочисленной группы их частотность относительно велика. В параграфе 2.2. основной лексемой, заключающей религиозный код культуры, стала *душа*, в данном параграфе во фразеологических единицах компоненты заключают образы антиподов в христианстве: *олух царя небесного, адвокат божий, адвокат дьявола, ангел во плоти, ангел в чертовой рубашке, черт принес, черта лысого*. Весьма небольшое количество ФЕ с религиозным компонентом, участвующим в формировании нереального явления, по отношению ко всем отобраным оборотам объясняется тем, что для русского человека вера и понятия с ней связанные не мыслятся как нереальные: существование Бога, ангелов, злых сил не подвергаются сомнению. Если же рассматривать участие религиозного компонента в формировании нереального явления в рамках малочисленной группы, то его использование также связано с тем, что вера для русского человека является важной составляющей жизни и культуры.

В группе, где в создании нереального образа участвует компонент, обозначающий какое-либо здание/сооружение или его часть, доминирующая лексема практически во всех примерах представлена как хранилище совокупности знаний, мудрости (*ходячий университет, ума палата, кладезь премудрости*). Важно отметить и то, что некоторые названия сооружений устаревшие (кладезь (колодец) – глубокая скважина в земле, источник воды [3; с. 349], а в ФЕ – мудрости; палата – просторное, большое богатое помещение [3; с. 608], а в ФЕ наполнена умом). В рамках малочисленной группы их количество, как и в других примерах, основано на том, что компонент осязаем, материален, имеет определенный набор функций (хранение, источник, место учебы, т.е. ограниченное пространство, сооружение, предназначенное для улучшения жизни человека). Их малое количество по отношению ко всем выделенным фразеологическим оборотам также объясняется набором простых и ясных человеку функций, из-за чего они не обладают большой фразеологической активностью при формировании нереального явления.

Практически нет доминирующих компонентов в структуре фразеологических единиц *хватать звезды с неба, рыцарь печального образа, фортуна улыбнулась* связана с малой осведомленностью большинства людей с устройством космоса (*хватать звезды с неба*), с отсутствием определенных исторических реалий (*рыцарь печального образа*), с наличием собственной мифологии (*фортуна улыбнулась*) и др.

Таким образом, малочисленность определенных компонентов, их низкая фразеологическая активность в рамках данного исследования, а также неактивное участие в формировании нереального явления в основе фразеологических единиц связана с их предметной, материальной основой, а также с постоянным взаимодействием человека с данными объектами (бытовой, пищевой компоненты и др.), с уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных исторических и мифологических номинаций.

Библиографический список

1. Барилова Е.Э. "Еда" как фрагмент русской и французской языковой картины мира // Вестник ПГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Псков: ПсковГУ, 2011. Вып. 13. С. 152–155.
2. Пичко Н.С. Русская культура в контексте православного мирозерцания // Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 233–251.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.

References

1. Barilova E.E. "Food" as a fragment of the Russian and French language picture of the world // Bulletin of PSU. Series: Social and Human Sciences. Pskov: Pskov State University, 2011. № 13. P. 152–155.
2. Pichko N.S. Russian culture in the context of the Orthodox world outlook // Bulletin of ASU. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology. 2013. № 1. P. 233–251.
3. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words // RAS. Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov. Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow, 2007. 1175 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81.2Рус-5:38я7

Национальный фармацевтический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Крысенко Т.В.
Украина, г. Харьков, +380971506605
e-mail: krysjanja@ukr.net

*National University of Pharmacy
The chair of liberal arts
PhD, associate professor
Krysenko T.V.
Ukraine, Kharkiv,
phone: +380971506605
e-mail: krysjanja@ukr.net*

Национальный фармацевтический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Суханова Т.Е.
Украина, г. Харьков, +380979825104
e-mail: sukhanova72@ukr.net

*National University of Pharmacy
The chair of liberal arts
PhD, associate professor
Sukhanova T.V.
Ukraine, Kharkiv,
phone: +380979825104
e-mail: sukhanova72@ukr.net*

Т.В. Крысенко, Т.Е. Суханова

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассмотрена специфика обучения иностранных студентов русской медико-биологической терминологии, определены эффективные средства оптимизации процесса обучения профессиональной лексике на занятиях по русскому языку. Представлены основные задачи при организации работы с текстами профессиональной направленности.

Авторы считают, что преподавателям-русистам необходимо работать над формированием общих коммуникативных компетенций, которые на 1 курсе у иностранных студентов не всегда присутствуют в должном объёме, что затрудняет восприятие профессиональной речи преподавателей специальных дисциплин. Научно-технический прогресс в современном обществе приводит к повышению значения терминологии как средства получения и организации научных знаний. Терминология разных наук претерпевает процесс интернационализации и развивается путём заимствования из разных мёртвых и живых языков. По происхождению медико-биологические термины могут быть заимствованными из других языков и исконно русскими. В то же время греко-латинские термины полностью освоены и служат базой для создания новых слов уже на русской почве. Они достаточно кратки, удобны в употреблении. В настоящее время они являются основными при образовании медицинской и фармацевтической терминологии.

Авторы отмечают, что обучение языку специальности студентов-иностранцев в фармацевтическом вузе является ключевой задачей, поскольку подязык фармации имеет достаточно разветвлённую структуру и связан с освоением разных лексико-тематических терминологических групп: анатомическая терминология, химическая терминология, фармацевтическая терминология и клиническая терминология. Перед преподавателем-русистом стоит чисто практическая цель – помочь иностранному студенту, обучающемуся на русском языке, выработать языковую компетенцию при использовании языка специальности.

Ключевые слова: терминология, термин, терминологический элемент, язык специальности, эпоним.

T.V. Krysenko, T.E. Sukhanova

SPECIFICITY OF TRAINING RUSSIAN TERMINOLOGICAL VOCABULARY AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE PHARMACEUTICAL UNIVERSITY

The article is devoted to the main specific ways of teaching foreign students medical and biological terminology of Russian language. Effective means of optimization in the process of training professional vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language are identified.

The authors consider that Russian language teachers are working on the formation of common communicative competencies, which are not present in the proper amount during studding of foreign students at the 1st course. As the result they have difficulties with perceptions of professional speech teachers of special disciplines. In modern society scientific and technological progress leads to increased value of terminology as a way of obtaining and organizing scientific knowledge. Terminology of various sciences is undergoing the process of internationalization and develops by borrowing words from a variety of dead and living languages. On the origin biomedical terms can be borrowed from other languages or native Russians. At the same time, Greek and Latin terminological elements are fully mastered and used as a base for creating new words on the Russian ground. They are concise enough and easy to use. Currently, they are the principal part in the formation of medical and pharmaceutical terminology.

The authors note that teaching foreign students professional language at the pharmaceutical university is the main task; because the language of pharmacy has ramified structure and associated with the assimilation of different lexical and terminological groups: anatomical terminology, chemical terminology, pharmaceutical terminology and clinical terminology. Russian language teachers have purely practical purpose which is to help foreign students develop linguistic competence while using their professional language.

Key words: terminology, term, terminological element, professional language, eponym.

Специфике обучения иностранных студентов в вузах медицинской отрасли посвящено немало работ, в которых ставятся и решаются актуальные задачи достижения лучших результатов в профессиональном речевом развитии [4;5;6]. Обучение иностранных студентов научному стилю речи является одним из перспективных направлений в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) и направлено на развитие профессиональной компетентности будущих специалистов.

В Национальном фармацевтическом университете (г. Харьков, Украина) обучается более 1000 иностранных студентов из 40 стран мира. Дисциплина «Русский язык» на 1 – 4 курсах является вспомогательной и рассчитана на 7 семестров. Преподаватели-русисты работают над формированием общих коммуникативных компетенций, которые на 1 курсе у иностранных студентов не всегда присутствуют в должном объёме, что затрудняет восприятие профессиональной речи преподавателей специальных дисциплин (химия, биология, анатомия и др.). При первоначальном анализе состояния речевых навыков и умений студентов-иностранцев на 1 курсе отмечается недостаточно свободное владение ими устной и письменной русской речью, хотя русский язык является языком получаемой специальности.

Известно, что примерно 4000 наиболее частотных слов покрывают 95% текстов неспециального содержания. Однако результаты тестирования, ежегодно проводимого в Национальном фармацевтическом университете, показывают, что лексический запас у иностранных студентов после подготовительных факультетов составляет примерно 2000 слов. По нашим наблюдениям, меньше всего оказывается усвоенной научная лексика. Поэтому повышение эффективности обучения русскому языку было и остаётся актуальной проблемой, которую активно решают преподаватели кафедры гуманитарных наук.

Научно-технический прогресс в современном обществе приводит к повышению значения терминологии как средства получения и организации научных знаний. Вопросы информационного обеспечения и научно-технического обмена, которые затрагивают полноценное функционирование языков, особенно важны. Терминология разных наук претерпевает процесс интернационализации и развивается путём заимствования из разных мёртвых и живых языков.

Лексическая составляющая научного стиля речи определяется тремя основными лексическими группами: 1) общая лексика, составляющая основу любых текстов; 2) общенаучная лексика; 3) термины, которые составляют метаязык определённой науки.

Как известно, медико-биологическая терминология имеет свою специфику и различную этимологию. Усвоение медико-биологической терминологии сопряжено с большими трудностями из-за её значительного объёма и разнообразия. Термины медицины бывают различными по структуре: корневые, производные, образованные путём словосложения и словосочетания, метонимического или метафорического переноса (*дельтовидная мышца, палочка Коха, солнечное сплетение* и др.). Исследование медико-фармацевтической терминологии обусловлено потребностью её презентации как строго упорядоченной системы, соответствующей современному уровню развития фармацевтической науки и запросам практической деятельности студентов фармацевтического вуза и совершенствованием переводческой деятельности.

По происхождению медико-биологические термины могут быть заимствованными из других языков (*абдоминальный, рецептурный, терапевт, фармацевт*) и исконно русскими (*желудочек, предсердие, детский врач*). Особенностью русской научной медико-биологической лексики является так называемый «медицинский билингвизм» [2]: формы терминов латинского или греческого происхождения и эквивалентная терминология на русской основе (*апофиз – отросток, вырост, склера – белочная оболочка, антидот – противоядие, абдоминальный – брюшной, латентный – скрытый, паротит – свинка, систола – сокращение, венечный – коронарный*). Это является одним из затруднений в усвоении русской научной терминологии, так как такие синонимы иностранные студенты воспринимают как абсолютно разные слова. Особенно это характерно для студентов, которые не владеют европейскими языками [10].

В то же время греко-латинские терминологические элементы полностью освоены и служат базой создания новых слов уже на русской почве. Они достаточно кратки, удобны в употреблении, преимущественно моносемичны и используются в регулярных словообразовательных моделях. В настоящее время они являются основными при образовании медицинской и фармацевтической терминологии. Исследуя словообразовательный механизм медико-биологической терминологии, исследователи пришли к выводу, что образования на основе греко-латинских терминологических элементов составляют подавляющее число (свыше 1000 наименований) [2]. Практические задания по изучению структуры мотивированных слов должны быть направлены на то, чтобы студент мог не только предсказать значение слова, но и правильно образовать необходимое мотивированное слово для выражения определённого значения. Эти задачи связаны с двумя важными проблемами словообразовательной семантики: компонентными значениями мотивированного слова, семантическими закономерностями образования слов и их лексической реализацией.

Термины принадлежат не только к отдельным отраслям науки, но прежде всего они являются единицами языка. Значит, им не могут быть чужды такие лексико-семантические процессы как синонимия, омонимия и полисемия. Эти процессы услож-

няют процесс профессиональной коммуникации будущих медиков и фармацевтов. Развитию асимметрии термина в немалой степени способствуют термины-эпонимы, то есть термины, в состав которых входят фамилии учёных, врачей или больных («*островка Лангерганса*», «*болезнь Паркинсона*», «*синдром Ван Гога*»). Часто эпонимы служат причиной путаницы в медицинской терминологии. Например, «*симптомом Бехтерева*» называют 8 различных симптомов [3]. И, наоборот, *Базедова болезнь* в научной литературе называется ещё *диффузный токсический зоб* или *болезнь Грейвса* и т.п. Следует учитывать и тот факт, что некоторые медицинские явления в разных странах имеют свои эпонимы. Например, *гигантоклеточный (темпоральный) артериит* во франкоязычных странах известен как *болезнь Хортон*, а в англоязычных странах под этим названием данное заболевание практически неизвестно. Подобные явления зачастую препятствуют эффективной научной и профессиональной коммуникации. Точность терминологии – обязательное условие взаимного общения специалистов любой области. Но ещё большее значение играет точность терминологии в обучении иностранных студентов. Терминологическая лексика научного стиля речи в обучении русскому языку как иностранному служит средством для формирования предметной (профессиональной) компетенции. Когда студенты хорошо понимают слова, которыми преподаватель излагает научные положения, они хорошо усваивают материал. Если текстовый и лексический материал занятий по русскому языку соответствует главным темам изучаемых дисциплин, а система упражнений организована таким образом, что студенты всё время находятся в предметной сфере своей основной деятельности, то процесс обучения приобретает целевую направленность и повышает мотивацию обучения. Также студенты должны получить от преподавателя чёткую целевую установку на самостоятельную работу с терминологией по специальности, подробный инструктаж по её содержанию, приёмам и способам осуществления. Очень важно переориентировать студентов от репродуктивных методов работы к творческой деятельности. В качестве основной формы внеаудиторной и аудиторной работы с лексикой по специальности иностранным студентам Национального фармацевтического университета предлагается на занятиях по русскому языку работать по специально подготовленным пособиям, учебникам или материалам [1;7;8;9 и др.]. Практическое использование этой учебно-методической литературы позволяет обеспечить презентацию учебного материала на ситуативно-тематической основе, осуществлять функциональный подход к решению языковых задач и выработке профессионально-ориентированных речевых навыков, а также рассмотреть структурно-грамматические особенности образования терминов, показать взаимодействие интернациональных и национальных элементов внутри номинативных единиц.

Формирование терминологической компетенции студентов в фармацевтическом вузе является одной из важнейших задач РКИ. Для её реализации необходима система заданий и упражнений, цель которых – всестороннее знакомство с законами словообразования, сочетаемости и взаимозависимости лексических единиц, выработка навыков практического владения терминологией. Словообразование является своеобразным соединительным звеном между лексическими и грамматическими структурами в русском языке. Поэтому целенаправленный словообразовательный анализ позволяет студентам ощутить специфику изучаемого языка.

Интенсификация работы по обучению терминологической лексике должна способствовать усилению активности иностранных студентов в изучении учебного материала и формированию умения самостоятельно, систематически и методически пра-

вильно расширять полученные знания, формированию потребности в чтении литературы по специальности, специальных терминологических и толковых словарей. Студенты медицинских и фармацевтических вузов должны не просто владеть русским языком и приёмами работы со специальной и справочной литературой, а уметь правильно использовать терминологию на занятиях по профилирующим предметам.

Безусловно, работа над терминологической лексикой должна проводиться в тесном контакте русистов с преподавателями специальных кафедр. Особенно это касается вопросов отбора лексики и организации её в систему заданий. Удачным примером такого сотрудничества является, например, пособие по изучающему чтению на материале текстов по неорганической химии, созданное авторским коллективом кафедры гуманитарных наук и кафедры неорганической химии Национального фармацевтического университета [1].

Обучение языку специальности студентов-иностранцев в фармацевтическом вузе является ключевой задачей, поскольку подъязык фармации имеет достаточно разветвлённую структуру и связан с освоением разных лексико-тематических терминологических групп: анатомическая терминология, химическая терминология, фармацевтическая терминология и клиническая терминология. Исследование словарного состава данных групп имеет весьма актуальное значение для методики преподавания научного стиля русского языка иностранцам с учётом специальности. Перед преподавателем-русистом стоит чисто практическая цель – подготовить иностранного студента к восприятию и пониманию лекций по специальности, то есть помочь иностранному студенту, обучающемуся на русском языке, выработать языковую компетенцию при использовании языка специальности.

Библиографический список

1. Аргунова Г.В. Русский язык: пособие для иностр. студентов 1 курса (изучающее чтение на материале текстов по неорганической химии) / Г. В. Аргунова, Л. А. Субота, Е. Я. Левитин, И. Д. Рой. Харьков: Изд-во НФаУ: Золотые страницы, 2006. 232 с.
2. Бесекирска Л. Стилистические особенности медицинской терминологии в общелитературном языке // Терминоведение. Вып. 1–3. Москва, 1997. С. 102.
3. Грошева А.А. К вопросу об асимметрии терминологического знака в медицинской терминологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара: Самарский научный центр РАН. Т.17. №2 (2). 2015. С.449–452.
4. Крысенко Т.В., Суханова Т.Е. Некоторые особенности словообразовательной работы со специальной лексикой на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале медико-биологической терминологии) // Русская филология. Украинский вестник. Харьков, 2008. №2 (36). С. 73–76.
5. Митрофанова О.Д. Взаимодействие языковой и предметной компетенции в процессе обучения студентов-нефилологов // Современный учебник русского языка для иностранцев: теоретические проблемы и прикладные аспекты: Сб. тезисов. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 109–110.
6. Морковкин В.В. О лексикографическом обеспечении профессионально ориентированного обучения русскому языку нерусских студентов // Теория и практика научно-технической лексикографии: сб. статей. М.: Рус. яз., 1988. С. 180–185.

7. Русский язык: учеб. пособие / Т.В. Крысенко, Н.Н. Филянина, Е.А. Долгая и др. Харьков: НФаУ: Золотые страницы, 2016. 240 с.
8. Субота Л.А. Русский язык. Учебник для иностранных студентов высших учебных заведений Украины. В двух частях. Часть 1. Х.: Майдан, 2007. 408 с.
9. Субота Л.А. Русский язык. Учебник для иностранных студентов высших учебных заведений Украины. Часть 2. Х.: Майдан, 2009. 405 с.
10. Шарапа А.А. Особенности презентации медицинской лексики на уроках РКИ // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып.8: в 2 ч. Ч. 1. Минск: «Белорусский дом печати», 2014. С. 217–220.

References

1. Argunova G.V. Russian language: course-book for foreign students of the first year (studying reading on the material of texts on inorganic chemistry) / G.V. Argunova, L.A. Subota, E.Y. Levitin, I.D. Roy. Kharkov, 2006. 232 p.
2. Besekirska L. Stylistic features of medical terminology in general literary language // Terminology. Issue 1–3. Moscow, 1997. 102 p.
3. Grosheva A.A. To the question of asymmetry of a terminological sign in medical terminology // News of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. Samara: Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Vol. 17. № 2 (2). 2015. P. 449–452.
4. Krysenko T.V., Sukhanova T.E. Some features of word-formative work with special vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language (on the basis of medical and biological terminology) // Russian Philology. Ukrainian Herald. Kharkov, 2008. № 2 (36). P. 73–76.
5. Mitrofanova O.D. Interaction of language and subject competence in the process of teaching non-philological students // Modern textbook of the Russian language for foreigners: theoretical problems and applied aspects: Sat. theses. M.: Publishing House of Moscow State University. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2002. P. 109–110.
6. Morkovkin V.V. On the lexicographic provision of professionally oriented teaching of the Russian language for non-Russian students // Theory and practice of scientific and technical lexicography: coll. articles. M.: Rus. 1988. P. 180–185.
7. Russian language: course-book / T.V. Krysenko, N.N. Filianina, E.A Dolgaya and others. Kharkov: NPAU: Golden Pages, 2016. 240 p.
8. Subota L.A. Russian language. Textbook for foreign students of higher educational institutions of Ukraine. In two parts. Part 1. Kharkov, 2007. 408 p.
9. Subota L.A. Russian language. Textbook for foreign students of higher educational institutions of Ukraine. Part 2. Kharkov, 2009. 405 p.
10. Sharapa A.A. Features of the presentation of medical vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language // Karpov scientific readings: Collection of sci. art. Issue 8: in 2 parts. Part 1. Minsk, 2014. P. 217–220.

УДК 378.147

*Бельцкий государственный университет
им. Алеку Руссо
канд. пед. наук, доцент кафедры английской
и немецкой филологии
Цаулян М.В.
Молдова, г. Бельцы, +373-69674455
e-mail: mtaulean@yahoo.com*

*Alecu Russo Balti State University
The chair of English and German philology
PhD, associate professor
Taulean M.V.
Moldova, Balti, +373-69674455
e-mail: mtaulean@yahoo.com*

М.В. Цаулян

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье оцениваются несколько инновационных методов обучения иностранному языку. Практические потребности изучения межкультурной коммуникации возникли вследствие бурного экономического развития многих стран и регионов, революционных изменений в технологии и связанной с этим глобализации экономической деятельности. Равноправный диалог представителей разных культур предполагает не только достаточный уровень владения английским языком, но и сформированность межкультурной компетенции собеседников. Поскольку класс иностранных языков является идеальным местом для выражения такого рода образовательного вмешательства, хорошее владение иностранным языком означает не только понимание и знание того, как использовать его грамматические структуры, но также понимание культуры, в которой используется язык, и навыки взаимодействия разных культур. Автор статьи подчеркивает мысль о том, что любые коммуникационные методы, которые не разрушают цель, можно рассматривать как инновационные методы обучения. Цель статьи - показать пути сокращения барьеров межкультурной коммуникации, которые способствуют сознательному освоению иностранного языка и развитию навыков межкультурной коммуникации студентов. Автор статьи акцентирует внимание на необходимости обсуждения актуальных проблем межкультурной коммуникации, а также опыта межкультурного общения студентов на занятиях английского языка на университетском уровне и считает необходимым использовать элементы тренинга межкультурного общения, в котором студенты получают возможность испытать те чувства и эмоции, которые возникают в реальной ситуации межкультурной коммуникации, обсудить и проанализировать свое поведение и поведение коллег.

Ключевые слова: компетенция, интерактивные методы, межкультурная компетенция, межкультурный диалог, инновационные методы обучения

М.В. Таулян

INTERCULTURAL INTERACTION AS AN INNOVATIVE METHOD OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

The paper evaluates several innovative methods of teaching a foreign language. Practical needs of studying intercultural communication emerged due to the rapid economic development of many countries and regions, the revolutionary changes in technology, the related globalization of economic activity. Equal dialogue of representatives of different cultures implies not only a sufficient level knowledge of English, but also the formation of intercultural competence of interlocutors. As the foreign language classroom is the ideal place to express this type of educational intervention, to have a good command of a language does not mean only under-

standing and knowing how to use its grammatical structures but also understanding the culture in which the language is used and learning how to place one culture in contact with the other. The author of the article highlights the idea that any communication methods that do not destroy the objective could be considered as innovative methods of teaching. The purpose of the article is to show the ways of reducing barriers of intercultural communication that contribute to the conscious mastering of a foreign language and developing students' intercultural communication skills. The author of the article focuses on the need to discuss up-to-day problems of intercultural communication, as well as the students' experience of intercultural communication at English classes at the university level, and considers that it is necessary to use the elements of the training of intercultural communication, where students have the opportunity to experience the feelings and emotions that arise in the real situation of intercultural communication, to discuss and analyze their behaviour and the behaviour of their colleagues.

Key words: competence, interactive methods, intercultural competence, intercultural dialogue, innovative methods of teaching

In the context of globalization which has covered virtually all areas of our life, an effective interaction with other cultures is getting urgent. Intercultural communication is one of the most dynamic new sciences. At the same time, as noted by many researchers (Hall and Dodd, Ter-Minasova and Golovleva, Spencer-Oatey and Franklin) conflicts and misunderstandings occurring between people from different cultures are not connected with an insufficient knowledge of the language but with a lack of cultural knowledge. Knowing the language gives an appearance of understanding people of different cultures but does not give a sufficient knowledge about the foreign culture.

Initially for describing intercultural communication the researchers used the classical culture as more or less stable system of conscious and unconscious rules, norms, values, structures, and artifacts, i.e. national or ethnic culture. It is believed that this concept was introduced in the 1950s by American cultural anthropologist Edward T. Hall in the framework of the adaptation programs for American diplomats and businessmen in other countries. From the Foreign Service Institute, Intercultural Communication teaching and training spread to the universities and other organizations. University courses were given and academic textbooks in Intercultural Communication started to appear in the USA in a larger scale in the 1970s. In Europe, the first university courses in Intercultural Communication took place in the 1980s. Intercultural communication is one of progressively developing trends in modern society. Of particular interest is the study of communication barriers representatives of different socio-cultural systems. The main barriers that reduce the effectiveness of interactions were different in cognitive schemes used by different cultures (especially language and nonverbal systems, elements of social consciousness). As the world is becoming more complicated and pluralistic in culture, the importance of themes related to intercultural communication is growing. The ability to communicate, regardless of the cultural barriers, influences our lives not only at work or at school, but also at home, in the family and in the gaming environment. Intercultural communication has a number of features that make it more complex, demanding and difficult than intra or interpersonal communication.

The society in which we live is, and has been, multicultural although the present cultural diversity has certain characteristics which are different to other times and historical moments. Mixing, communicating and living with people from different cultures involves a certain amount of preparation and competence. In this demand, the foreign language classroom is an ideal place to express this type of educational intervention. To have a good command of a language does not mean only understanding and knowing how to use its grammatical structures but also understanding the culture in which the language is used and learning how to place one culture in contact with the other. Consequently, students must continually develop more efficient intercultural communication skills.

Nowadays all the state standards of higher education highlight the learning competencies. According to Clouet, competence is "the ability to do anything well or efficiently", "the ability to perform specific work functions" [1; p.12]. A communicative skill is completed with

a linguistic skill allowing students to interact not only in the classroom but also in the daily life activities of the second language. ESL/EFL classroom teachers are requested to not only provide linguistic tools (e.g., grammar rules, vocabulary, phonics), but also the communicative tools needed to improve accuracy in students' speaking abilities. Teachers must search for ways to perform tasks in a second language similar to those they would use in their mother tongue. That is, strategies from the former language can certainly support aspects of these strategies in the second language. We understand by "competence" the combination of training, skills, experience and knowledge that a person has and his ability to apply them to perform a task safely. It goes without saying, that active and interactive forms of teaching methods play a significant role in EFL teaching. As Gisselle & Martin-Kneip state, with the active training the student acts various activities, while passive learning, enters into a dialogue with the teacher, participating in the cognitive process, doing creative search or problematic tasks [3; p. 23].

Active learning methods can successfully form:

- the ability to adapt in the group;
- the ability to establish personal contacts and exchange of information;
- willingness to accept responsibility for group activities;
- the ability to initiate and formulate ideas and projects;
- willingness to take calculated risks and adopt innovative solutions;
- the ability to clearly and convincingly to express their thoughts,
- the ability to effectively manage its activities, the time and the organization of their studies.

According to Dodd, interactive training is "a) learning, built on the interaction of the learner with the learning environment, the purpose of which is to acquire experience; b) training, which is based on the psychology of human relationships and interactions; c) training, understood as a collaborative process of knowledge, where knowledge of the mined-in joint activities through dialogue or monologue" [4; p. 7].

To have a good command of a language does not only mean understanding and knowing how to use its grammatical structures but also understanding the culture in which the language is used and learning how to place one culture in contact with the other. Consequently, students must continually develop intercultural communication skills. Among the difficulties the foreign language teacher may encounter in the classroom when teaching these skills there may be two in particular. Firstly, the possible uneasiness of the teacher who, on many occasions, feels that he/she is not up-to-date with the latest methods or does not have sufficient knowledge in the area. Secondly, we should mention the attitude of the student when we face some foreign culture. In relation to the attitude of the students, teachers continually state that the difficulties originate from one or more of the following: insufficient sociocultural competence or, often, from a lack of linguistic competence, sometimes from a lack of understanding, a bad interpretation or simply from misunderstanding. The methods used for correction and learning try to remedy these problems but, more often than not, this does not happen or it seems that the short and medium term results are unsatisfactory. The situation described leads us to consider the need to develop intercultural competences that favour intercultural communication and dialogue.

At the lessons of "Intercultural communication" course we used the following methods of teaching that we consider innovative ones:

Discussion (from latin - consideration, research) - a free public discussion or verbal exchange of knowledge, opinions, ideas or opinions on any problem. Its essential features are: the combination of mutually complementary dialogue and debate, dispute, clash of the different viewpoints. Discussion has several advantages: the students are actively involved into the process of discussion and cooperation. And it provides the feedback from the students.

For example after studying the topic "Cultural differences" the students should discuss the following questions:

- What has surprised you when you've met people from other countries?
- Would you ever consider marrying or dating someone from another culture?
- What does it mean to be polite in your culture?
- What is considered rude in your culture?
- Do you think "when in Rome, do as the Romans do" is always good advice? Why or why not?

Another innovative method is **case-technology** ("case" from the English "accident" or "event". It also comes from the Latin "casus" – "cadere" meaning "to fall"). **Case – study** is a form of training and activation of teaching-learning process that successfully allows to develop communicative competence in solving of the problems. The student must

-demonstrate the ability to think logically, clearly and consistently, as well as to understand the meaning of the original data and the assumption of decisions;

-develop the ability to select the additional information needed to clarify the initial situation, i.e., to formulate correctly the questions "for development and understanding";

-acquire skills for clear and accurate presentation of his own point of view orally or in written forms;

-develop necessary skills to make presentations, i.e., to present convincingly, justifying and defending his point of view [4; p. 8].

Among case-technology we can mention the following techniques:

-situational analysis method;

-analysis of specific situations (case studies);

-game design;

-the method of situational role-playing games [4; p. 46].

In the process of resolving a particular situation, the students use their experience and knowledge that have been acquired by them at the previous lessons of the course and by proper experience.

For example, the students were to read several scenarios involving various forms of cultural "**misunderstandings**". The examples of "Intercultural Incidents" were created by David Steel (from Lancaster University) and were used by us at our practical lessons of the course.

"Roman age"

Steve is on an 8-month work-placement in Italy. He gets on well with his colleagues and they go out for a drink in the evening. Getting to know one another they begin to talk of themselves. Steve explains he comes from a typical British family. His father works in an office and his mother is a housewife. His sister goes to a comprehensive school. They all live together in a semi-detached house. He mentions that his grandparents are in an old people's home. Suddenly there are funny looks and the conversation seems to run into the buffers.

The students were to think what had happened and to comment the situation. These intercultural incidents are to enable students to identify causes of cultural misunderstandings; to demonstrate the need for observing others in interaction and for critically analysing culturally defined situations; to foster greater sensitivity towards "otherness" and to raise students' levels of intercultural knowledge and awareness, ranging from role plays to structured discussion and creative writing.

Another innovative method is **role playing and scenario analysis based teaching**. **Drama and dramatic techniques** provide an opportunity for a person to express himself through verbal expressions and gestures using his imagination and memory. Maley and Duff pointed that drama releases someone's imagination and energy and this could be considered as an educational objective. Fernandez and Coil supported the previous idea adding that drama encourages students to exercise their sensitivity and imagination and thus makes learning more realistic and meaningful. From educational point of view of Dougili, Early & Tarling-

ton, Maley & Duff, drama fosters the social, intellectual and the linguistic development of the child and it centers on language development, personal awareness, group co-operation, sensory awareness, and imaginative growth. The change in attitude towards the use of drama and drama techniques in language teaching came about due to a greater emphasis on meaningful communicative activities instead of mechanical drills. According to Golovleva, drama and dramatization can be considered useful for clarifying intercultural misunderstandings. We can say that drama involves language students in a role-play and simulation as well as encourages them to position themselves in the role of a member of the other culture.

The role-play activity “*In our block*” (adapted from “Educational Pack”, 1995) tries to analyse conflicts between people from different cultures and to find the ways to solve these conflicts in a positive way. This activity is addressed to the analysis of the conflict and the way students deal with it depends on their social and cultural background. The students should role-play a situation that could happen in anyone's daily life. The teacher reads or gives everyone the following text:

“*In our block*”

“There is an apartment block near where you live. One of the apartments is rented to a group of foreign students who often have visitors from home staying and who also frequently organise parties. Some neighbours, especially those living in the apartments closest to the students, are annoyed and complain that the students and their friends make lots of noise, don't let them sleep and don't take care of the building. The neighbours have called a meeting to try to solve this problem.”

The teacher gives the personal cards with roles to the actors (volunteers):

<p>Young foreigner <i>You speak and understand the language of the host country very well but do not understand why your neighbours are upset. In your opinion, both you and your student friends behave perfectly normally. You will not leave the apartment under any circumstance.</i></p>
<p>Leader of the residents committee <i>Your apartment is far away from the one the foreign students live in. Personally they cause you no bother. But you do not like foreigners and you don't want them living in your building.</i></p>
<p>Young woman (25-30 years old) <i>You live alone and are afraid of the young students because they seem very strange and different from you.</i></p>
<p>Young person <i>You are also a student. You do not have any clear opinion about the problem but you would like to move into the apartment where the foreign students live.</i></p>
<p>Refugee <i>You are also a foreigner, although from a different country than the students. You and your family do not have much to do with other people in the block. You have never had any problems with anyone despite the fact that you feel rather isolated.</i></p>
<p>Elderly couple (this role should be played by two people) <i>You are both aware of the problems that force many people to leave their home country and try another life elsewhere. You support an organisation which provides aid to developing countries.</i></p>
<p>Unemployed neighbour <i>You strongly disagree with policies that allow foreigners to come to live and work in your country. You think that foreigners should only be allowed in as tourists.</i></p>
<p>The owner of the building</p>

The young foreigners always paid their rent punctually and you don't want to lose the income from that apartment. But you don't very much like foreign people and you see this conflict as a possible opportunity to raise the rent for the foreign students. On the other hand, you also have the possibility of renting them another apartment on the outskirts of town.

Some students will be volunteers and will play the roles of the neighbours and another act as observers. The teacher shares out the role cards between the volunteers and gives the observers each a copy of the "Observers notes". The players have to come up with a solution to the problem then start the role-play. The observers should note if the players respect each other's turn to speak or do some people but in or does everyone try to speak at once or do one or two people try to impose their point of view; should note if anyone tries to take a lead and to facilitate the meeting; what kinds of arguments players used; should note if there were any change in the attitude and behaviour of the players after they received the "clues for finding a solution".

Debriefing and evaluation can be done in the following way – the actors (volunteers) and observers get together in a large group for the discussion, which should be divided into two parts: talking about what happened in the role-play answering questions for actors and for the observers.

Questions to the actors:

1. How did you (the actors) feel about it?
2. Was it difficult to get into the role you were given?
3. What did you find the hardest and the easiest?
4. What kinds of arguments were put forward and were they based on fact, reason or emotion?
5. Was it easier to find arguments for or against the students?
6. Was the problem resolved and was everyone happy with the outcome?

The other effective teaching method is *portfolio* (from French "porter" meaning "wear" + Latin "in folio" meaning "in the sheet size"). According to Gisselle and Martin-Kneip portfolio is a collection of students' work that exhibits the student's efforts, progress and achievements in one or more areas or as Davis at al. said that portfolio is a collection of papers and other forms of evidence that has taken place in the process of learning. We consider that the use of portfolios for students' assessment enables students and teachers to engage in a process of learning through assessment. This implies that the assessment procedure not only measures and reinforces the desired learning outcomes but rather enhances the development of strategies, attitudes, skills and cognitive processes essential for lifelong learning. It helps the students to organize their own educational activity, the development of self-learning skills, to assess the prospects for professional growth, to determine the dynamics of teaching and learning activities.

In conclusion we should say that the primary aim of innovative teaching methods and educational technologies is to improve the self-activity of the students and to motivate them to educational and professional activities. They allow students to pass from passive acquisition of knowledge to using it actively in real-life situations, which certainly improves the quality of teaching future specialists.

Библиографический список

1. Clouet, Richard. Studying the role of intercultural competence in language teaching in upper secondary education in the Canary Islands, Spain, OnOmazein 26 (2012/2). 450 p.
2. Golovleva E. L. Introduction to intercultural communication. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 367 p.

3. Gisselle, O. & Martin-Kneip. *Becoming a Better Teacher*. ASCD, Alexandria, Virginia, USA, 2000. 174 p.
4. Dodd, C. H. *Dynamics of Intercultural Communication* (5thed.). New York: McGraw-Hill. Fernandez, L. & Coil, A. Drama in the classroom. *Practical Teaching* 6:3, p.18-21. 1996. 467 p.
5. Maley, A. & Duff, A. *Drama Techniques in Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 368 p.
6. Spencer-Oatey, H., Franklin, P. *Intercultural interaction: A multidisciplinary approach to intercultural communication*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009. 386 p.
7. Ter-Minasova S. G. *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo, 2000. 624 p.
8. *Interactive Techniques in Thomas A. Angelo/K. Patricia Cross, Classroom Assessment Techniques*, URL: www.fctl.ucf.edu/teachingandlearningresources/CourseDesig
9. Richard, Clouet. Understanding and assessing intercultural competence in an online environment: a case study of transnational education programme delivery between college students in LPGC, Spain, and ICES, France, URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4597562.pdf>

References

1. Clouet, Richard. Studying the role of intercultural competence in language teaching in upper secondary education in the Canary Islands, Spain, *OnOmazein* 26 (2012/2). 450 p.
2. Golovleva E. L. *Introduction to intercultural communication*. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 367 p.
3. Gisselle, O. & Martin-Kneip. *Becoming a Better Teacher*. ASCD, Alexandria, Virginia, USA, 2000. 174 p.
4. Dodd, C. H. *Dynamics of Intercultural Communication* (5thed.). New York: McGraw-Hill. Fernandez, L. & Coil, A. Drama in the classroom. *Practical Teaching* 6:3, p.18-21. 1996. 467 p.
5. Maley, A. & Duff, A. *Drama Techniques in Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 368 p.
6. Spencer-Oatey, H., Franklin, P. *Intercultural interaction: A multidisciplinary approach to intercultural communication*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009. 386 p.
7. Ter-Minasova S. G. *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo, 2000. 624 p.
8. *Interactive Techniques in Thomas A. Angelo/K. Patricia Cross, Classroom Assessment Techniques*, URL: www.fctl.ucf.edu/teachingandlearningresources/CourseDesig
9. Richard, Clouet. Understanding and assessing intercultural competence in an online environment: a case study of transnational education programme delivery between college students in LPGC, Spain, and ICES, France, URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4597562.pdf>

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет
им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка
Белова А.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
+79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St. Petersburg State
Medical University
named after I.I.Mechnikov
The chair of Russian language
PhD, assistant professor
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg, +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

РОЛЬ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

В данной статье исследуется взаимосвязанность двух жанров: эпистолярного и литературного. Исследование прозаических текстов и текстов писем писателя того или иного периода позволяет выявить определенные тенденции, объединяющие эти два жанра. Наиболее интересным и ценным материалом для подобного исследования представляются письма и произведения тех писателей, которые являлись не только свидетелями и участниками преобразований жизни, но и которые оказывали непосредственное влияние на ход событий. К разряду подобных документов, безусловно, относятся произведения и эпистолярный профессиональных писателей. Таким материалом исследования стали письма и произведения Александра Павловича Чехова (старшего брата Антона Чехова) – писателя, беллетриста, репортёра газеты «Новое время» (1855-1913). В данной статье рассматриваются письма, адресованные брату Антону Чехову, которые были написаны в период с 1875 по 1904 гг.

В настоящей статье анализируется связь двух жанров: эпистолярного и литературного, выделяются некоторые объединяющие признаки. В статье предпринята попытка сравнительного анализа фрагментов из текстов прозы и писем Александра Павловича Чехова. В статье приводятся отрывки из писем, а также отрывки из прозы писателя, подтверждается тезис о том, что перечисленные жанры переплетены и взаимосвязаны. Основные моменты возможного сопоставления эпистолярного и прозы писателя заключаются в наличии зарисовок и образов рассказов и романов, поэтизирующих элементов в творчестве и письмах и пр. Эпистолярный писателя, несомненно, можно рассматривать как своеобразную творческую мастерскую, в которой рождаются замыслы, образы, стиль и язык, выкристаллизовываются зачатки будущих творений.

Ключевые слова: Антон Чехов, Александр Чехов, жанр, письмо, литература.

A.V. Belova

ROLE OF EPISTOLARY TEXTS BY ALEXANDER CHEKHOV IN THE WORKS OF THE WRITER

In this article the coherence of two genres, epistolary and literary, is investigated. The research of prosaic

texts and texts of the writer's letters of this or that period allows to reveal the certain tendencies uniting these two genres. The most interesting and valuable material for such research submits letters and works by those writers which were not only witnesses and participants of life transformations, but also who exerted direct impact on the course of events. Certainly, the category of such documents includes the work and epistolary of professional writers. Letters and works by Alexander Pavlovich Chekhov (Anton Chekhov's elder brother), the writer and the reporter of the newspaper "Novoye Vremya" (1855-1913) became the material of such research. In this article the letters addressed to Anton Chekhov which have been written in the period from 1875 to 1904 are considered.

In the present article the connection between the two genres, epistolary and literary, is analyzed. Some uniting signs are distinguished. In article an attempt of the comparative analysis of fragments from Alexander Pavlovich Chekhov's prose and letters is made. Also the fragments from letters and also the fragments from the writer's prose are given in the article, the thesis that the listed genres are bound and interconnected is confirmed. The highlights of possible comparison between the writer's epistolary and prose consist of sketches and images of stories and novels, the poeticizing elements in creativity and letters and so forth the writer's epistolary, is undoubtedly possible to consider as a peculiar creative workshop in which plans, images, style and language are born and rudiments of future creations take shape.

Keywords: Anton Chekhov, Alexander Chekhov, genre, letter, literature.

Сохранилось около пятисот писем Александра Павловича Чехова, написанные его брату Антону Павловичу Чехову. В них отражены не только события жизни и душевные переживания авторов переписки, но и литературное творчество братьев Чеховых.

Существуют отдельные исследования, отмечающие связь писем с текстом художественных произведений. В таком понимании эпистолярный жанр является одним из важнейших творческих документов, творческой «лабораторией» писателя, в которой зарождаются будущие произведения или их элементы. Неугасающий на протяжении долгих лет интерес к эпистолярному наследию того или иного писателя свидетельствует о художественном значении его писем, о важности подхода к ним не просто как к факту биографии или определенному жанровому феномену, но неиссякаемому источнику его творчества [7].

«Случаи полных текстовых совпадений отдельных мест» («пейзажных отрывков, метафор, сравнений») имеются в письмах и произведениях И.С. Тургенева [2]. По мнению В.А. Малаховского, повторения найденного образа, выражения, стилистического рисунка типичны для эпистолярного жанра и творчества А.С. Пушкина, именно через «эпистолярные опыты» Пушкин приходит к художественной прозе. При изучении писем И.А. Гончарова обнаруживается близость письма и творческого процесса, на что указывает факт их ассоциативной взаимосвязи для писателя: воспоминание о пробуждении литературного призвания связывается И.А. Гончаровым со страстью писать, «особенно письма» [3], об особой продуктивности эпистолярного жанра на протяжении всего творческого пути писателя; об особом отношении И.А. Гончарова к форме письма – как к наиболее простой и адекватной для воплощения собственных мыслей, рассуждений и образов [7].

Действительно, и в письмах Александра Павловича Чехова, литературный уровень которых Антон Павлович высоко оценивал, огромное количество зарисовок, сценок, стилизаций («Образ жизни ведем пустынный, питаемся вкупе со чадами диким медом и акридами: всё ждём гонорара» [1; с. 404], пародий («Государь мой Батюшка и Братец высокочтимый Антоний Павлович! Бьёт тебе челом о великом празднике братишка твой и холоп Сашка Павлов сын Чехов, с паскудою женкою Наташкою и с робятами Антошкою да Мишкою. Жить тебе, милостивец, сто лет в радости да двести на карачках ползать. И поклон тебе от всех нас, холопов твоих, от сырой земли и Родительнице нашей – такожде» [1; с. 833]) и сюжетов («Живу я писанием третьего глупого исторического романа в «Полицейских ведомостях» [1; с. 843]; «Ольдерогге

хлопочет о врачебно-психиатрической стороне дела, а я рассчитываю в будущих фельетонах описать то, что я видел, слышал и чего можно ожидать от этой затеи» [1; с. 402]). Можно говорить о некоторых практически полных совпадениях описаний мест, чувств и образов, встречающихся в текстах писем Александра Павловича Чехова и в его прозе:

Проза	Письма
<p>«Антон Павлович Чехов – лавочник» (1912):</p> <p>« – Антоша, бери ключи и ступай с Андрюшкой и Гаврюшкой отпирать лавку! А я к поздней обедне пойду, - отдаст приказ Павел Егорович.</p> <p>Мальчик с кислою миною поднимается из-за стола, за которым пил чай, и без возражений идет исполнять приказание, хотя ему и очень грустно. Он еще вчера условился с товарищем-соседом прийти к нему играть в мяч.</p> <p>- Павел Егорович, пожалей ты ребенка! - вступается Евгения Яковлевна, мать Антоши. - Ведь ты его чуть свет разбудил к ранней обедне... Он обедню выстоял, потом акафист выстоял... Ты ему не дал даже и чаю выпить как следует... Он устал...</p> <p>- Пускай приучается, - отвечает Павел Егорович. - Я тружусь, пускай и он трудится... Дети должны помогать отцу.</p> <p>- Он и так всю неделю в лавке сидит. Дай ему хоть в воскресенье отдохнуть.</p> <p>- Вместо отдыха он баловаться с уличными мальчишками начнет... А если в лавке никого из детей не будет, так Андрюшка с Гаврюшкой начнут пряники и конфеты лопать, а то и деньги воровать станут... Сама знаешь, без хозяина товар плачет...» [1; с. 73-74];</p> <p>«Торговлю в новой лавке можно поручить только детям - Саше и Антоше. Несчастные гимназисты к этому времени только что окончили экзамены, и Саша перешел в шестой, а Антоша - в четвертый класс. Оба они рассчитывали на каникулах отдохнуть; но расчет юношей не оправдался. Отслужили в новой лавчонке молебн и обрели гимназистов сидеть безвыходно рядом с кабаком и улавливать пассажира. Саша, у которого уже начинал пробиваться пушок на верхней губе, с ге-</p>	<p>«Я отдался под крик Николки и писк твоего будущего крестника Антошки (дети А.П. Чехова – А.Б.) воспоминаниям. Они касаются твоего и моего детства. Поэтому тебе небезынтересно будет прочесть их <...> Я помню <...>, что в моисеевском доме я «дружил» с тобою. У нас был опешенный всадник Василий» и целая масса коробочек, похищенных из лавки. Из коробок мы устраивали целые квартиры для Васьки, возжигали светильники и по вечерам по целым часам сидели, созерцая эти воображаемые анфилады покоев, в которых деревянному наезднику Ваське с растопыренными дугою ногами отводилось первое место. Ты был мыслителем в это время и, вероятно, рассуждал на тему «у кашалота голова большая?». Я был в это время во втором классе гимназии. Помню это потому, что однажды, «дружа» с тобою, я долго и тоскливо, глядя на твои игрушки, обдумывал вопрос о том, как бы мне избежать порки за полученную единицу от Крамсакова.</p> <p>Затем я раздружил с тобою. Ты долго и много, сидя на сундуке, ревел, прося «Дружи со мною!» - но я остался непреклонен и счел дружбу с тобою делом низким. Я уже был влюблен в это время в мою первую любовь – Соню Никитенко... Мне было не до тебя. Далее протекли года. Я вспоминаю тебя в бурке, сшитой отцом Антонием, припоминаю тебя в приготовительном классе, помню, как мы с тобою оставались хозяевами отцовской лавки, когда он уезжал с матерью в Москву... Тут впервые проявился твой самостоятельный характер, мое влияние, как старшего по принципу, начало исчезать. Как ни был я глуп тогда, но я начинал это чувствовать. По логике тогдашнего возраста я, для того чтобы снова покорить тебя, огрел тебя жестяночкой по голове. Ты, веро-</p>

<p>ройством, приличным ученику пятого класса, пообещал достать пистолет и застрелиться, а Антоша только с отчаянием воскликнул:</p> <p>- Господи, что мы за несчастный народ! Товарищи на каникулах отдыхают, ходят купаться и удить рыбу, бывают по вечерам в казенном саду и слушают музыку, а мы - как каторжные...» [1; с. 93].</p>	<p>ятно, помнишь это. Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся и, сам не знаю почему, заплакал <...> Помню, как мы вместе шли, кажется, по Знаменке (не знаю наверное). Я был в цилиндре и старался как можно более, будучи студентом, выиграть в твоих глазах» [1; с. 394-395];</p> <p>«Возьми на себя труд проследить мою жизнь. Что она дала мне? До 20 лет порка, замки, «без парася», лавка, прогулка в казенном саду как именины, как благостыня, ниспосланная откуда-то свыше...» [1; с. 539].</p>
<p>В мае 1889 г. Ал.П.Чехов написал пьесу «Копилка»</p>	<p>«Друже, что мне делать с моей пьесой? Это – нечто вроде наказания за грехи. Каждый день приходится что-нибудь изменять и подправлять, а эта подправка ведет за собою изменение многих других мест. Прибавишь лишнюю черту характера одному лицу – оказывается, что от этого побледнело другое лицо. То кажется, что актеры стоят на сцене не на месте: начнешь перемещать – опять ломка всего произведения и т.д. <...>Писать я начал вот почему. Раз шёл у Суворина разговор о том, что твой Иванов «нытик» (от глагола ныть) и что ты его срисовал прекрасно; что нет пьесы, в которой герой до некоторой степени не был бы нытиком. Мне пришло в голову изобразить <i>неноющего</i> человека. Вот моя задача. Подробности не важны» [1; с. 572-573]</p>
<p>В январе 1895 года написал рассказ «Отрешенные и уволенные»</p>	<p>«На этих днях я оканчиваю один рассказ. Наваян он мне рассказами няни Александровны, которая тебя и Мишу (не помню) нянчила. Мне бы хотелось, чтобы ты его прочёл до печати...Он короток. А мне твое мнение важно, ибо я случайно вспомнил целую серию нянькиных рассказов, и если первый мне удастся, то я буду продолжать в том же духе» [1; с. 686];</p> <p>«Если ты способен хотя на время отложить в сторону низкую зависть, то будь</p>

	добр, прочти рукопись «Отрешенные и уволенные», делающую честь моему таланту, составь о ней себе мнение и отдай для напечатания по заслугам, преимущественно в «Русскую мысль», как журнал наиболее снисходительный (ибо он печатает твои произведения) [1; с. 687-688] и др.
--	---

В.А. Недзвецкий в своем исследовании писем И.А. Гончарова намечает основные моменты возможного сопоставления гончаровского творчества и эпистолярия:

- очерковые зарисовки писем (прототипы) и образы романов;
- юмор и его разновидности (юмореск, двуединая эпиграмма, каламбур, ироническая автофилиппика, комически травестированная жалоба) в эпистолярии и творчестве Гончарова;
- поэтизирующие элементы в творчестве и письмах;
- рассеянные аналитические характеристики, роднящие письма Гончарова с его романами

- любовные письма в творчестве и жизни Гончарова [6].

Подобные выводы можно сделать и в отношении писем и творчества Ал.П.Чехова, а именно:

1. *Зарисовки и образы рассказов и романов* («Завтра – экзамен» (июль 1884 г.) и письмо от 17 января 1886 года: «Вспоминая о тебе, я должен поневоле вспомнить и окружающих тебя... Я просто хотел тебе послать эскиз того, о чем я думал в вечер твоих именин о тебе. Наша студенческая жизнь так недавня, что не успела сложиться в «воспоминания». Об ней мы, вероятно, будем говорить не раньше старости. Но и теперь есть кое-что для памяти; сойдемся, свидимся, припомним» [1; с. 395]; «Отец, видимо, «сумовал» в одиночестве, видя, что делать больше нечего... Фатер мне очень обрадовался. Поболтали мы с ним часика два, причем он а la нянькин сын ходил «кругом да около» и потом, когда я уходил, вышел на лестницу и сказал: « Так, ты тово, скажи Коле, пускай он уж не беспокоится: я его прощаю... Только чтобы он жизнь изменил... [1; с. 365]; « Старик ночью, после того как проводил меня, сел и написал «Дух твой яко пара». Начиналось письмо словами «Голубчик Коля», есть даже «умоляю тебя», «я слаб и дряхлею», прощаю тебя, но ты прими новое направление»... «займись живописью, оставь друзей твоих, потому что родители твои всегда от души говорят» [1; с. 365-366] – дух наставлений, уверений, которые главенствовали в доме, напоминают текст воспоминаний, который был написан Ал.П. Чеховым под впечатлением недели, проведенной им в июне 1884 года в квартире родителей) и др.

2. *Поэтизирующие элементы в творчестве и письмах* (письмо от 31 июля-2 августа 1882 г.: «Юг, друзья мои, есть нечто вроде... ну, хоть объядения. Воздухи благорастворены <...> в самом воздухе носится какая-то южная, расслабляющая лень» [1; с. 299] и из «В гостях у дедушки и бабушки»: «Со всех сторон охватила нас благоухающая, ровная и безграничная степь, сливавшаяся своими краями с небом <...> Теперь степь лежала в истоме от зноя» [1; с. 123]; «Июльское раннее утро, как это часто бывает на юге России, выдалось прелестное – ясное и свежее, с чуть заметной, приятной прохладой» [1; с. 103]; (письмо от 4 апреля 1892 года: «Твоим именем я очарован. Продай мне пять десятин с кусочком леса (не усадебных). Я буду на них помаленьку обстраиваться и лет в 5 выкопаю пруд, разведу зачатки сада и воздвигну палаты» [1; с. 617] и из «В Мелихове»: «Сад был запущен, и это придавало ему особенную пре-

лесть. Он весь порос высокою, густою травой, и в нем особенно красиво и даже в своем роде величественно (по сравнению с молодняком) было старое, развесистое, с дуплистым стволом, почти в два обхвата, дерево, прозванное на библейский лад «Маврийским» [1; с. 244] и др.

3. *Рассеянные аналитические характеристики, роднящие письма Александра Павловича Чехова с его произведениями:* (из «В Мелихове»: «Отец занимал в доме положение, которое одним словом определить трудно... Он ухитрился устроиться так, что в некоторых случаях на него нельзя было смотреть со стороны без улыбки. Он пользовался полным почётом. За столом он занимал почетное место против Антона. Оба они помещались по краям, а в промежутках между ними размещались домочадцы и гости. Первый лучший кусок попадал на тарелку к нему. Мнения его, каковы бы они не были, выслушивались с уважением» [1; с. 248]; «Брат, как медик, завел в деревне правильную, размеренную жизнь. Обедали в двенадцать. Большие круглые часы висели в столовой над дверью. Брат, работая у себя в кабинете, нередко выходил в столовую посмотреть, который час. Заботливая мать принимала это за молчаливые намеки на то, чтобы обед был готов вовремя, и волновалась. «Антоша уже два раза выходил смотреть на часы, а у кухарки обед еще не готов, – заботилась она. – Ну как она опоздает?» И мать тревожно смотрела на часы. И чем ближе стрелка подходила к двенадцати, тем она делалась озабоченнее и бормотала: «Горькое мое произволение!». И с этими словами сама бежала в кухню, хотя в этом не было ни малейшей надобности и брат никогда не настаивал на пунктуальности» [1; с. 251] и из «Завтра – экзамен»: «Разве вы не можете понять, что вашими пустыми разговорами вы отнимаете у меня время и мешаете мне работать? Ступайте поскорее...»

– Кто, я-то мешаю? Скажите пожалуйста! О нем же хлопочу, чтобы он был чисто одет, и я же виновата! Вот так-то вот, наживи детей, ухлопай на них все свое здоровье, а после и жди благодарности.

– Долго вы еще будете разговаривать?

– Уйду, уйду! Дай только тебе высказать... Сколько я болела за вас, сколько я страдала, когда вы были маленькими, сколько я из-за вас от отца претерпела...

– Антон Павлович нетерпеливо встал с места с книгою в руках и прошелся по комнате.

– Пусть так. Я ценю все это, только дайте вы возможность прочесть спокойно то, что мне необходимо. Вы ведь знаете, что у меня завтра экзамен... – И Антон Павлович принялся за чтение, приложив руки к ушам.

Маменька поговорила еще минуты три и ушла, видя, что ее не слушают. Ушла, впрочем с жалобами <...>; и из письма от 15 июня 1893 года: «Сегодня же утром мать, сама того не подозревая, в лесу подлила масла в огонь. По ее мнению, ты человек больной; она и день и ночь хлопочет о твоём благе и спокойствии <...> Все без исключения желают тебе добра, но в результате выходит одно сплошное недоразумение. Примирить все эти недоразумения и взаимные оскорбления, слезы, неизбежные страдания, глухие вздохи и горькие слезы может только одно твоё последнее решение, только твой отъезд. Мать тебя абсолютно не понимает и не поймет никогда. Она страдает глубоко, но на тему, что ты стал физически болен и потому раздражителен. До понимания твоей психики она не дорастет. Отец вчера в лесу твердил мне, что его не слушаются. Он – мудр; дедушка был управляющим...» [1; с. 654]; из рассказа «Цепи»: «Доктор был удручен. Он решил провести этот вечер у себя дома и почитать, облачившись в халат; но теперь вот придет из церкви тесть с торжественно-благочестивым лицом, помолится, начнет пить чай – священнодействовать, заведет беседу о богослужении, о достоинстве хора, о голосе дьякона и, с сознанием собственного духовного пре-

восходства, скажет: «Напрасно вы, Михаил Александрович, в храм Божий не ходите. Наука – наукою, а богослужение – богослужением. Надо иногда и о душе подумать!» Он – хороший и даже душевный человек, этот тесть, но Михаилу Александровичу с ним бывает всегда необычайно тяжело. С посторонними людьми тесть говорит просто и дельно, но с зятем, из уважения к его учености, он начинает всякий раз говорить «умно» и при этом несет такую чепуху, что становится тошно и жалко, что он так ломается без нужды» [8] и из письма от 27 сентября 1876 года: «Ходим каждый, каждый день в церковь (об отце П.Е. Чехове – А.Б.) и непременно, как ех-коммерческий человек в биржу, и слушаем толки о сербской войне и по обыкновению приходим домой ни с чем, за что нас встречают со слезами радости и фразой: «Горькое мое произволение» – после чего мы разоблачаемся, вынимаем из кармана печатное поучение, купленное в церкви у церковного старосты, и начинаем читать вслух. При этом нас все слушают, и только изредка Художник (Николай Чехов – А.Б.) хлопнет свою натуру по голове и закричит: «господи, Боже мой, да когда это ты, Мишка, будешь сидеть хорошо? Поворотись в три четверти!» И затем после фразы: «Тише вы, нехристи!» - порядок восстанавливается. По окончании чтения проповедь вешается на гвоздик с обозначением на ней №, числа и фразы: «Цена одна коп. сер. Слава тебе, Господи» [1; с. 264].

4. Юмор и его разновидности: пародии, стилизации, каламбуры, шутки и пр. (из «В Мелихове»: «На столе у него (отца – А.Б.) лежала большая тетрадь – дневник с короткими ежедневными записями: «Иван Петрович приехал в гости», «Иван Петрович переночевал и уехал», «Посылали на станцию» <...> и т.п. в этом же роде» [1; с. 248] и в письме от 1 октября 1877 года брату Антону Чехову: «В спальне на стенке вывешено весьма чисто и изящно разлинованное и зело каллиграфически и со тщанием написанное «Расписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего в Москве». Где определяется, кому когда вставать, ложиться, обедать, ходить в церковь и какими делами заниматься <...> Михаила стоит: «вытирать ноги тряпкой», а у Маши: «чесать голову поаккуратней» [1; с. 277-278]; из «В Мелихове»: «Случались и комичные мелочи. Посылает, например, Антон Павлович работника Романа куда-нибудь очень спешно по хозяйству, Роман спешит со всех ног. Встречается по дороге отец.

– Куда идёшь?

– По такому-то делу. Антон Павлович приказали как можно скорее.

– Успеешь. Собери вот щепочки и сор с дорожки.

– Приказано скорее, бегом...

– Делай, что тебе велят старшие» [1; с. 249] и из письма от 1 октября 1877 года: «Явившийся ко мне на днях член семейства Михаил Чехов 11 лет сообщил, что он подвергся наказанию за то, что проспал лишние 8 минут и не посмотрел на расписание, причем в оправдание не было принято никаких доводов, даже и того, что человек спящий, если и встанет (каким-либо чудом) читать расписание, то все-таки ничего не уразумеет. По сему поводу вышла виновному изустное дополнение расписания: «Ты встань и посмотри на расписание, не пора ли тебе вставать, если еще рано, так пооди опять ляжь» [1; с. 278] и др.

В. К. Лебедев, исследуя эпистолярный И.А. Гончарова, высказывается следующим образом: «...если в портретных зарисовках, сделанных здесь как бы мимоходом, мы видим руку мастера, создателя знаменитых романов, то размышления Гончарова о жизни, об искусстве, о себе и о судьбе близкого ему человека – не только возможный материал для его художественных произведений, но и наоборот – воплощение писательского опыта в жизненной практике» [4].

Эпистолярный писателя, несомненно, можно рассматривать как своеобразную творческую мастерскую, в которой рождаются замыслы, образы, стиль и язык, выкри-

стабилизуются зачатки будущих творений. Подобные исследования чрезвычайно актуальны с точки зрения выявления творческого потенциала эпистолярного наследия писателя.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
2. Алексеев М.П. Письма И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. В 18 т. Т. 1. М., 1982.
3. Гончаров И.А. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 263
4. Лебедев В.К., Морозенко Л.Н. [Вступительная статья к публикации писем И. А. Гончарова Ек. П. Майковой, 1858–1869] // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 378-384.
5. Малаховский В.А. Язык писем Пушкина // Изв. АН СССР. Отд общ наук. М., 1937. № 2-3. С. 503-506.
6. Недзвецкий В.А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 327-335
7. Филиппова Е.М. Эпистолярный И. А. Гончарова и его роль в творчестве писателя // Пушкинский дом, 2014.
8. Чехов Ал. П. Цепи. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chechov_alexandr_pavlovich/ (дата обращения: 17.02.2018)

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memoirs. Correspondence // Comment. by E.M. Gu-shanskoy, I.S. Kuzmicheva. Moscow, 2012. 960 p.
2. Alekseev M.P. I.S. Turgenev's letters // Turgenev I.S. Complete works and letters: in 30 vol. Letters. In 18 vol. Vol. 1. Moscow, 1982.
3. Goncharov I.A. New materials and researches. Moscow, 2000. P. 263.
4. Lebedev V.K., Morozenko L.N. [Introductory article to the publication of I.A. Gon-charov's letters by Ek. P. Maykova, 1858 – 1869] // I.A. Goncharov. New materials and re-searches. Moscow, 2000. P. 378-384.
5. Malakhovka V.A. The language of Pushkin's letters // Bulletin of Academy of Sciences of the USSR. The department of general sciences. M., 1937. № 2-3. P. 503-506.
6. Nedzvetsky V.A. An epistolary genre in Goncharov's creativity and life / I.A. Gon-charov. New materials and researches. Moscow, 2000. P. 327-335.
7. Filippova E.M. I.A. Goncharov's epistolary and its role in the writer's works // The Pushkin House, 2014.
8. Chekhov Al. P. Chains. URL: http://az.lib.ru/c/chechov_alexandr_pavlovich/ (date of application: 17.02.18)

УДК 882

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Senior lecturer
Novikova M. V.
Russia, Voronezh, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 4 курса
направления «Журналистика»
Ключанцева А.С.
Россия, г. Воронеж, 89527537573
e-mail: canbenatural19@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The 4th-year student
Qualification: journalism
Klyuchantseva A.S.
Russia, Voronezh, 89527537573
e-mail: canbenatural19@gmail.com*

М.В. Новикова, А.С. Ключанцева

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

В статье раскрывается тяжелая и многоступенчатая история создания Александром Солженицыным романа «В круге первом». Привлекаются биографические факты из жизни писателя, способствующие раскрытию дополнительной информации о черновых редакциях романа, а также о причинах, способствующих появлению замысла создать подобный роман. Отмечаются специфические особенности графических обозначений автора, которые помогают в разной степени трактовать ту или иную редакцию романа. Прослеживается трансформация названия самого произведения. Устанавливаются причины и сроки написания, приводится список героев романа и подробно изучается их трансформация во время процесса создания автором художественного произведения. Просматривается путь романа от исходного, заявленного в черновой работе, и до его выхода в свет. Частично подвергается анализу семантическое значение фамилий персонажей. Выявлено количество редакций данного романа, установлены даты их выхода, отмечены сходства и различия редакций. Проанализированы причины различий. Освещен вопрос выхода в свет романа Александра Солженицына «В круге первом» и реакция читателей на это художественное произведение. Описываются пути знакомства публики с этим произведением, от самиздадовских машинописных списков до официальных публикаций, как на русской почве, так и за рубежом. Подводится итог проделанной работы, где указываются все редакции романа, которые когда-либо существовали. Отмечается год, к которому относится каждая из редакций, указывается количество глав и дается пояснительная характеристика. Указываются разночтения, приводятся предположительные факты, почему та или иная редакция отличаются друг от друга.

Ключевые слова: Солженицын, роман, редакции, текст, публикации.

M.V. Novikova, A.S. Klyuchantseva

THE HISTORY OF A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL «IN THE FIRST CIRCLE»

The article reveals difficult and multi-step story of creation of Alexander Solzhenitsyn's novel «In the first circle». Biographical facts from the writer's life contribute to the disclosure of additional information about rough editions of the novel as well as reasons that contribute to the appearance of the idea to create such a novel. Specific features of graphic designations of the author which help to interpret this or that edition of the novel in different degree are noted. The transformation of the title of the work itself is traced. The reasons and terms of writing are established, the list of heroes of the novel is given and their transformation during process of creation by the author of this work is studied in detail. The path of the novel is viewed from the original stated in the rough work to its release. Semantic meaning of names of characters is partially analyzed. The number of editions of this novel is revealed, their release dates are set, similarities and differences of editions are marked. The reasons of differences are analyzed. The issue of the publication of the novel by Alexander Solzhenitsyn «In the first circle» and the reaction of readers to this work, ways of meeting this work by the public from typewritten versions to official publications, both in Russia and abroad, are described. A summary of the work which indicates all the editions of the novel that have ever existed is done. The year to which each edition belongs is marked, the number of chapters is specified and the explanatory characteristic is given. Discrepancies are specified, the supposed facts why this or that edition differs from each other are given.

Key words: Solzhenitsyn, novel, edition, text, publication.

В основу романа «В круге первом» легли личные впечатления И.А. Солженицына, осужденного и находящегося на «особой» зоне.

М.Г. Петрова в статье «Судьба автора и судьба романа» отмечала: «Роман о Марфинской шарашке был для Солженицына неминуем. Этого властно требовал напор скопившихся наблюдений, с одной стороны, свежих (ведь с шарашечной поры миновало всего пять лет), с другой – уже несколько отстоявшихся в памяти и оцененных в сознании. Мысль о будущем романе наверняка посещала узника Марфинской зоны, где под «вечными липами» он «три года вышагивал-вышагивал-вышагивал утром, днем и вечером...». Искра замысла просверкнула тут же, на прогулке с Л.З. Копелевым (в романе – Лев Рубин, главу 47 «Разговор три нуля»): «Дело было, как описано в "Круге": он открыл мне тайну, чтобы завлечь меня в его группу, а я отказался наотрез. Но у меня в тот самый момент сверкнуло, что это – потрясающий сюжет для романа, и я расспросил его о подробностях, сколько он мне сказал»[3, с. 654].

Роман А.И. Солженицын начал писать в сентябре 1955 года, в Кок-Тереке, где, работая учителем физики и математики, «купил себе отдельный глинобитный домик, заказал крепкий стол для писания, а спал – все так же на ящиках холостых». «Домик мой стоял на самом восточном краю поселка (...) Ближе ста метров не было ко мне жилья ни слева, ни справа, ни сзади. (...) Весь мир я ощущал (...) как прожитый, весь внутри меня, и вся задача оставалась – описывать его. Я был полон»[5, с. 435].

Колоссальным хранилищем служила цепкая память художника, сосредоточенная на одном замысле: «...едва сел, и строчки рвутся из-под пера. А воскресенья (...) я писал насквозь – целые воскресенья! Начал я там и роман...»[5, с. 437-438].

Отметим, что для своего творчества Солженицын вывел формулу: «Соотношение текста произведения и черновиков должно быть один к семи или один к пяти» [3, с. 655]. Сохранить такое количество черновых записей поднадзорному ссыльному было

чрезвычайно сложно. «Целыми днями они лежат в моей хатке, защищенные слабым замочком, да еще маленькой хитростью внутри. А ночами я их достаю и пишу» [3, с. 655]. Очень «выручали меня еще не испорченные глаза и от природы мелкий, как луковые семена, почерк...» И было правило: «полное уничтожение (всегда и только – сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций...».

И все же неминуемого огня избежал клочок темной бумаги, похожий на обложку школьной тетради, который Александр Исаевич сдал в ЦГАЛИ в 1965 году вместе с другими листочками, относящимися к работе над «Кругом первым». Их всего шесть за 1955-1963 годы (даты указывались по памяти самим Солженицыным), но пять из них следует отнести к 1963-1964 годам. А вот на дату «1955 год» может претендовать только темный клочок с двумя одинаковыми пометами зеленой шариковой ручкой – *Ш* (т.е. Шарашка). Такие зеленые пометы-пояснения Александр Исаевич делал на своих рукописях, передавая их в ЦГАЛИ.

В комнате № 15

1. Букгаков (математик) Костюков
  2. Сухов (физик) Сушин
  3. Моторный – Кол басов – Гуцев (химик) Гарбузов
  4. Сеницык (геолог) *Ш Васильев*
  5. Курченков (географ) *Ш*
  6. 6 (физик) Ревич
- 10 июля [2, с.655].

Курченковым до 4-й редакции назывался один из основных персонажей романа – Валентуля. Внешность его вполне совпадала с семантикой фамилии: узкоплечий, щуплый, тонконогий. Потом он будет переименован в «Окоренкова» (тоже что-то «куриное») и, наконец, получит фамилию «Прянчиков» (содержащую нечто детски-простодушное, звонко-колокольчатое, как и голос Валентули), но связь с первоначальной фамилией сохранится в реплике Рубина: «Отпустите этого птенца!»[7, с. 321].

Что касается даты 10 июля, то она безусловно связана с основанием Марфинской шарашки 9 июля 1947 года, причем «летним вечером». Так что в рабочей комнате № 15 зэки могли собраться только на следующий день – 10 июля.

Примечательным и число фамилий, упомянутых в цгалийском клочке, – двенадцать. В мае 1969 года М.Г. Петрова записала слова Александра Исаевича: «9 июля – открытие Марфинской шарашки. Нас двенадцать человек зэков-основателей. Потом этим обстоятельством даже гордились»[3, с. 656].

Три фамилии из левого столбца – Гуцев, Сухов, Моторный – из Ростовского университета. Однако впоследствии сам Солженицын делал поправки: Курченков – не географ, Сеницын – не геолог. Возможно, что в первом случае профессия прототипа (географ) была вытеснена в памяти романной профессией персонажа – инженер. А след «геолога» Сеницыка можно увидеть в главе 3. «Шарашка», где в арестантской многоголосице всплывает реплика о том, кого держат в Марфине: «...даже одного геолога по ошибке завезли»[3, с.656].

В левом столбце стоят фамилии реальных лиц, кто намечался в прототипы героев задуманного еще в Марфине романа о шарашке, а в правом – предполагаемые фамилии вымышленных персонажей. Поэтому под третьим номером слева стоят три фамилии, а

справа одна (иногда персонаж имеет два или даже три прототипа). Прототип Сухов получил близкую персонажную фамилию Сушин. У прототипа Курченкова нет никакой иной фамилии в персонажном столбце – герой «Круга» сохранит ее в первых редакциях.

Можно предположить, что за стоящим на первом месте математиком Букгаковым, превращенным в правом столбце в Костюкова, скрыт след будущего автобиографического героя. Ведь корень фамилии *кост* перекочевал потом в фамилию Костоглотов («Раковый корпус»), а Солженицын с бухты-барахты своих героев не называет, тем более автобиографических. Кстати, неудобопроизносимое «кг» в фамилии прототипа торчит, как некая фонетическая кость... [3, с. 657].

Так с обрывком плохой бумаги, свидетельствующим об убогом обиходе ссыльно-го, выплыла из небытия первая песчинка будущего «готического собора», как назвал «Круг» Генрих Белль [1].

По свидетельству Н.А. Решетовской, в Кок-Тереке была написана треть романа «В круге первом» [4, с. 37]. 20 июня 1956 года Солженицын покинул Казахстан, а с осени устроился школьным учителем в селе Мильцево (Владимирская область). Там ночами, при свете керосиновой лампы, продолжалась работа над романом, и в 1957-м завершена 1-я редакция – рукописная, несохраненная.

2-я редакция, тоже рукописная и тоже сожженная, была написана в Рязани, в доме по Касимовскому переулку, куда Александр Исаевич переехал летом 1957 года, восстановив свой брак с Решетовской.

В Касимовском было печное отопление, что облегчало уничтожение всего подготовительного и чернового материала, «а по окончании перепечатки – сожжение и главного беловика рукописи тоже (...) По этой программе пошел и роман "В круге первом" ...» [6, с. 13].

В 1999 году Александр Исаевич засвидетельствовал: «Первая и вторая редакции "Круга" были рукописные и не сохранились» [3, с. 657]. 3-й редакцией он считал «компактную» или «плотную» перепечатку 1962 года. Эта авторская машинопись сохранилась. Солженицын называл годом окончания первоначальной редакции романа более раннее время: «В 58-м году у меня "Круг первый" уже был написан...».

Как отмечает М.Г. Петрова, существует некий разрыв между свидетельством Н.А. Решетовской – она дает хронологию работы над романом по месяцам (вела записи) – и памятью самого Солженицына, которая, правда, иногда дает сбои. «Весь тот год, – пишет Решетовская, – начиная с лета 57-го и кончая весной 58-го, прошел у нас под флагом работы над «Шарашкой». Сначала, до середины января, вторая редакция, т.е. перечитывание и переписывание всего романа заново. Потом, по апрель включительно, еще одна внимательнейшая и придирчивая читка и, наконец, перепечатка на машинке» [3, с. 658], судя по свидетельству Л. Копелева, – не первая.

Первая сохранившаяся редакция 1962 года (по счету автора -3-я) имеет уже заголовки «В круге первом», хотя он и вызывал сомнения Солженицына вплоть до 1968 года.

В мемуарном и публицистическом обиходе Солженицына чаще всего встречается «Круг первый» или просто «Круг». Когда речь заходит об истории создания – «Круг-87» («лекарственная» версия, по числу глав) и «Круг-96» («атомная» версия, тоже по числу глав).

Следует также отметить, что в хронологическом графике собственных произведений («Полосатой жизни») работа над романом захватывает и половину 1959 года. И далее, в пояснениях Солженицына к 3-й редакции, ее основа названа «редакцией 1959 года».

Значительным изменениям роман подвергся в 1963 году, когда роман собирались опубликовать в «Новом мире». Автору, знакомому с цензурными препонами, пришлось сократить и переписать некоторые места, чтобы дать роману «хоть какую-то жизнь». Однако, несмотря на это, роман так и не был напечатан. Все же у читающей общественности появилась возможность познакомиться с этой версией романа. Несмотря на некоторое несоответствие первоначальному замыслу, роман был встречен восторженно, появились различные отклики, касающиеся различных сторон романа: художественной, фактической, исторической, политической и т.д. Ценно и то, что после прочтения романа Солженицыну стали приходить письма от бывших заключенных с их историями, собранными потом в «Архипелаге ГУЛАГе».

Г. Белль писал: «У романа Солженицына «В круге первом» огромные своды, множество перекрытий, несколько измерений: повествовательное, духовное, историко-политическое, социальное; его арки перекинуты над множеством страниц и сторон, это собор среди романов, с точно выверенной статикой, которая не подводит; а что в нем есть напряжение и в обычном смысле, зиждется не на романических приемах, а, скорее, на этой самой статике, за которую все время боишься при чтении: выдержит ли она размах пролетов и сопряжений; и напряжение превращается здесь, вслед за сопряжением, в архитектурное понятие: сказать же, что помимо этого в романе есть исторический смысл, – значит лишь сделать утверждение относительно сырья, стройматериала, небогатого действия» [1].

Действие начинается с телефонного разговора государственного советника второго ранга Володина, который хочет предостеречь знакомого профессора от некоторых заграничных встреч, – и эта первая трещина в сознании даровитого дипломата, чья карьера со всеми ее шикарными атрибутами и привилегиями вполне обеспечена, эта трещина – не более чем «вход» в собор, Телефонный разговор происходит в канун Рождества 1949 года, а кончается роман всего двумя днями позже описанием провоза заключенных по Москве. В фургоне с надписью «Мясо» их увозят из первого круга ада, и они еще не знают, в каком круге окажутся. Корреспондент французской газеты «Либерасьон» проездом на стадион «Динамо», на хоккейный матч, читает надпись на фургоне, выхватывает блокнот и пишет темно-бордовой ручкой: «На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные. Нельзя не признать снабжение столицы превосходным».

Кроме этого, Г. Белль отмечал: «Роман содержит 87 глав, 670 страниц, охватить одним взглядом его персонажей нелегко даже по второму чтению; это было бы проще, решишь издательство приложить к новому изданию точный перечень действующих лиц, с указанием возраста, пола, занятий, положения, политических взглядов – такой указатель необходим, так как слишком уж много коллизий и переходов что среди зеков, что среди вольных (о понятиях «воли» и «неволи» речь пойдет позже). Арестованными – само собой, не в технически-уголовном смысле – являются все: у их ареста множество причин, большую часть которых не понять Западу. И запрет, наложенный Солженицыным на публикацию романа на Западе, должно понимать именно в свете этого ареста, как земного, так и метафизического, А что он все равно (и уже одно это могло бы заставить советское руководство присоединиться к Бернской конвенции!) стал жертвой

«бездоговорного состояния» (а вместе с ним – и советское руководство) – так здесь можно увидеть иронический поворот в игре взаимной «свободы публикаций» [1].

Большинство советский читателей познакомились с романом в машинописных самиздатовских списках, распространяемых нелегально. Вот как Алла Латынина рассказывает о первом прочтении «В круге первом»: «Мне дали машинопись – толстенную папку с тесемками в трех местах – всего на сутки, хороший четкий экземпляр на нормальной бумаге (самиздат был часто на папиросной). Стало жаль читать такое сокровище вдвоем с мужем, да и брату, Генриху Бочарову (он позже стал известен как специалист по искусству Древней Руси), я должна была сдать за “Раковый корпус”. Я позвала его в гости, он прихватил приятеля, и всю ночь мы сидели в разных частях квартиры, передавая друг другу стопки листов и время от времени устраивая перерыв на кофе и обмен мнениями. После короткого сна никто не пошел на работу (как-то отбредались) и снова продолжали читать. Впечатление было оглушительное. Дело даже не в том, что роман вторгся в неизведанные пласты жизни: он раздвигал границы современной литературы. Конечно, начало этому было положено “Одним днем Ивана Денисовича”. Но эта повесть многими воспринималась как безыскусное описание жизни, как “прорыв правды”. Масштаб Солженицына оставался неясен. А романная глыба “Круга”, так тщательно скомпонованная, чуть ли не с соблюдением единства места и времени – весь срез общества дан через рассказ о трех днях обитателей шарашки, – казалась литературным чудом. Так не писал никто. Теперь вот разговоры зэков в шарашке многим кажутся неоправданным “философствованием”, споры Рубина и Сологодина о коммунизме – наивными, а глава “Освобожденный секретарь” – прямолинейно публицистичной. Тогда так не казалось»[2, с. 170].

В 1964 году пленки с романом были переправлены на Западе. В России первая официальная публикация, и притом уже в полном варианте состоялась лишь в 1990 году.

А.И. Солженицын обычно сопровождал публикации предисловиями и послесловиями, где давал краткие сведения о произведении. Вот пример послесловия к роману «В круге первом»:

«Роман начат в ссылке в Кок-Терехе (Южный Казахстан), в 1955-м, 1-я редакция (96 глав) закончена в деревне Мильцево (Владимирская область) в 1957-м, 2-я и 3-я – в Рязани в 1958-м (все уничтожены позже из конспиративных соображений). В 1962-м сделана 4-я редакция, которую автор считал окончательной. Однако в 1963-м, после напечатания «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире», появилась мысль о возможной частичной публикации, были выбраны отдельные главы и предложены А.Т. Твардовскому. Дальше эта мысль привела к полному разъему романа на главы, исключению вовсе невозможных, политическому смягчению остальных и таким образом составлению нового варианта романа (5-я редакция, 87 глав), где сменена была главная сюжетная линия: вместо «атомного», как было на самом деле, поставлен широкоизвестный советский сюжет тех лет – «измена» врача, передавшего лекарство на Запад. В этом виде обсуждался и принят «Новым миром» в июне 1964-го, но попытка публикации не удалась. Летом 1964-го предпринята противоположная попытка (6-я редакция) – углубить и заострить в деталях вариант 87 глав. В сентябре 196-го экземпляры «публичного» варианта (5-я редакция) захвачены КГБ, чем окончательно заблокирована публикация романа в СССР. В 1967-м этот вариант широко распространился в Самиз-

дате. В 1968-м роман (в 6-й редакции) опубликован по-русски в американском издательстве Harper and Row (С этой редакции сделаны и все иностранные переводы).

Летом 1968-го сделана еще одна (7-я) редакция – полный и окончательный текст романа (96 глав). Этот текст никогда в Самиздате не ходил и не издавался отдельной книгой.

И сама «шарашка» и почти все ее обитатели списаны с натуры»[7, с. 592].

Таким образом, можно выделить 7 известных редакций романа «В круге первом»:

1957: 1 редакция, 96 глав.

1958: 2 редакция, 96 глав.

1958: 3 редакции – 96 глав.

1962: 4 редакция – 96 глав, «окончательная».

1963: 5 редакция – 87 глав, «смягченная».

1964: 6 редакция – 87 глав, «углубленная и заостренная», опубликована на Западе.

1978: 7 редакция – 96 глав, «кое-что усовершеншил».

Библиографический список

1. Белль Г. Мир под арестом. О романе Александра Солженицына «В круге первом» // «Иностранная литература». 1998. № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/modules/pages/Genrih_Byoll.html (дата обращения: 03.03.2018)
2. Латынина А. «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет». Два варианта «Круга»: взгляд из сегодня // Новый мир. 2006. № 6. С. 170.
3. Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом: Роман. М.: Наука, 2006. (Литературные памятники) С. 658.
4. Решетовская Н. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 37.
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. С. 435.
6. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир, 1991. С. 13.
7. Солженицын А.И. В круге первом: Роман. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. 592 с.

References

1. Belle G. The world is under arrest. About Alexander Solzhenitsyn's novel «In the first circle» // «Foreign Literature». 1998. № 8. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/modules/pages/Genrih_Byoll.html
2. Latynina A. «True incident» and «common Soviet plot». Two versions of «Circle»: a view from today // New World. 2006. № 6. P. 170.
3. Petrova M. G. The fate of the author and the fate of the novel // A.I. Solzhenitsyn. In the first circle: a novel. Moscow, 2006 (Literary monuments). P. 658.
4. Reshetovskaya N. Alexander Solzhenitsyn and reading Russia. Moscow, 1990. P. 37.
5. Solzhenitsyn A. I. GULAG Archipelago. Vol. 3. P. 435.
6. Solzhenitsyn A. I. The calf butted with the oak-tree // New world. 1991. P. 13.
7. Solzhenitsyn A.I. In the first circle: a novel. M.: Publishing house "Book chamber", 1990. 592 p.

УДК 821.111

*Тамбовский государственный универси-
тет им. Г.Р.Державина
Факультет филологии и журналистики
канд. филол. наук, ассистент
Родина М.В.
Россия, г. Тамбов, +79204803578
e-mail: marija.marianna1987@yandex.ru*

*Tambov State University named after
G.R.Derzhavin
The department of philology and journalism
PhD, assistance lecturer
Rodina M.V.
Russia, Tambov, +79204803578
e-mail: marija.marianna1987@yandex.ru*

М.В. Родина

**РАЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.С. ЛЬЮИСА «THE GREAT DIVORCE»
(«РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА») И «THE CHRONICLES OF NARNIA»
(«ХРОНИКИ НАРНИИ»)**

Автор статьи обращается к библейскому образу Рая и его художественной интерпретации, предложенной К.С. Льюисом на страницах двух важнейших его произведений: в притче «The Great Divorce» («Расторжение брака») (1932-1945 гг.), которая, будучи написана в форме притчи-видения, являет собой попытку осмысления религиозной проблемы загробного бытия и посмертной участи человека, и цикле фантастических повестей под названием «The Chronicles of Narnia» («Хроники Нарнии») (1950-1956 гг.), который включает в себя 7 сказочных повестей о приключениях и путешествиях детей из нашего мира в иные, волшебные миры. Описывая Рай, К.С. Льюис постоянно обращается к Священному Писанию. И Страну Аслана из «Хроник Нарнии», и Рай из «Расторжения брака» очень многое роднит – при том, что в «Расторжении...» обитель блаженства описана прямо, в повестях о Нарнии – иносказательно. Но и в том, и в другом случае она характеризуется наличием целого ряда библейских черт: обилие света, расположение на вершинах гор, радость, одухотворённость, ни с чем не сравнимая красота природы и т.д. Эти черты подробно рассматриваются исследователем. В то же время у Льюиса прослеживается трактовка Рая не только как священного места, но и как особого состояния души, пришедшей в единение с Богом.

Ключевые слова: Рай (Небеса), Библия, К.С. Льюис, фантастический цикл «Хроники Нарнии», «Расторжение брака», притча, состояние души.

M.V. Rodina

**HEAVEN IN «THE GREAT DIVORCE» AND IN «THE CHRONICLES
OF NARNIA» BY C.S. LEWIS**

The article deals with the biblical image of Heaven and its interpretation given by the Anglo-Irish writer of the twentieth century, C.S Lewis in his greatest literary works: «The Great Divorce» (1932-1945) and «The Chronicles of Narnia» (1950-1956 гг.). The first of them is written in the form of a vision and a parable and may be characterized as an attempt to understand what will happen with a human personality after death, and the second one includes 7 fairy tales about adventures and travels of the children from our world to other magical worlds. Describing Paradise, Lewis actively uses images from the Holy Scripture. Both Aslan's country from "The Chronicles of Narnia" and Paradise from "The Great Divorce" have very much in common, though Heaven is described directly in "The Great Divorce" and figuratively in the stories of Narnia. In fact, in both cases a great number of biblical traits characterizes Paradise of Lewis: the location on the very top of the mountain, light, joy, spirituality and beauty of nature, that can not be compared with anything in the world of human-beings etc. The researcher analyses the mentioned characteristic features in details. At the same time, Lewis considers

Heaven to be not only some sacred place, but also a state of mind and soul, when a human personality is in peace and harmony with God.

Key words: Heaven (Paradise), the Bible, C.S. Lewis, fantasy series «The Chronicles of Narnia», «The Great Divorce», a fable, a state of mind.

Как известно, образ Рая – один из древнейших и наиболее семантически насыщенных образов. Описание Рая мы видим на страницах библейских книг – прежде всего это Книга Бытия (Ветхий Завет) и Откровение Св. Иоанна Богослова (Новый Завет): *«И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог на земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла»; «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего <...>. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; <...>. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями <...>. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины»* [2, с. 35, 1688-1689]. В первом фрагменте Рай – это Эдем, обширный и прекрасный сад, где растут дивные деревья, благоухают цветы и чудесно поют птицы [10, с. 108]; где человек ещё не оторван от природы, не изуродован грехом, не отягчён даже знанием о грехе [3, с. 36] и потому может жить светло и безмятежно.

Второй фрагмент показывает нам уже не «природный», а «урбанистический» образ Рая. Это священный град, Небесный Иерусалим, где нет печали и смерти, «где царит вечная радость праведников, созерцающих Бога» [8, с. 225]. Город представляет собой квадрат, окружённый стеной. В стене двенадцать ворот – по три пары на каждую из сторон света. Ворота принципиально не закрываются: днём в этом нет необходимости, а ночи в Небесном Иерусалиме просто не существует. Внутри протекает чистая река, воды которой дарят вечную жизнь, а также растёт древо жизни, которое приносит плоды 12 раз в году.

Г.В. Горнова выделяет целый ряд архетипических образов, которые характерны и для «природного», и для «урбанистического» описания Рая. Это: **«мировое древо**, представленное своими разновидностями (древо жизни и древо познания), **река жизни**, **геометрические фигуры круга, квадрата, магические числа**. У дерева и у реки сходные функции – они являются опорными точками сакральной топографии, задают структуру пространства по вертикали и по горизонтали. Мировое древо фиксирует центр сакрального пространства, а река – направление пути. Эти элементы можно рассматривать как парные, в задачу которых входит сочетать неподвижность и изменчивость единой Вселенной. В Эдеме четыре реки текут в направлении четырех сторон света. В Небесном Иерусалиме ворота ориентированы по сторонам света. Числовая символика, используемая для описания образов рая, указывает на структурную упорядоченность пространства» [3, с. 37] (*выделено мной. – М.Р.*). Кроме того, и в Эдеме Ветхого Завета, и в Небесном Иерусалиме Завета Нового отсутствует Храм – в нём просто нет необходимости: как там, так и здесь Бог присутствует непосредственно.

Помимо Священного Писания, о Рае повествуют многочисленные западноевропейские (например, различные «плавния»), а также византийские легенды и сказания, в которых описаны видения Рая и поиски его – прп. Бренданом-Морепоплавателем, св. Албеем, св. Колумбаном, безымянными монахами, плывущими к острову Еноха и Илии, св. Агапием и другими праведниками. Все эти тексты демонстрируют целый ряд харак-

терных признаков, которые являются наиболее общими для разных описаний райского места. Этих признаков М.В. Рождественская выделяет восемь: «Во-первых, это удаленность Рая, его труднодоступность и упоминание о проводнике, вожатом по райскому миру, которым может быть Ангел или какой-нибудь другой посланник Божий. Во-вторых, Рай находится за пределами земными, <...>, в-третьих, в Раю сияет необыкновенный свет, на который земной человек не в состоянии смотреть, в-четвертых, в Раю бьет источник или протекает река, вода которой сладка, как мед, и бела, как молоко. <...>. В-пятых, Рай – это прекрасный цветущий сад, наполненный сладостными плодами и оглашаемый чудесным пением птиц, поющих на разные голоса и каждая по-своему. В-шестых, это невиданное изобилие, которым невозможно вполне насытиться, в-седьмых, посреди Рая стоит Божий престол, над ним возвышается крест. <...>. В-восьмых, Рай источает благоухание, и тот, кто попадает сюда, испытывает необычайную радость и блаженство» [9, с. 40], перед которыми блёкнут самые яркие и светлые земные ощущения.

Данная статья посвящена рассмотрению образа Рая в произведениях англо-ирландского писателя XX в. К.С.Льюиса: притче «**The Great Divorce**» («**Расторжение брака**») (1932-1945 гг.) и цикле «**Хроники Нарнии**» (1950-1956 гг.). Мы сделаем попытку проанализировать созданные им образы Рая, выявив особенности их индивидуально-авторской интерпретации, которую писатель предлагает нам в двух важнейших своих произведениях.

Изображение Рая имеет место в обоих произведениях. В «Расторжении брака» он описан прямо, в «Хрониках Нарнии» – иносказательно, под именем Страны Аслана. Страна Аслана присутствует в четырёх из семи «нарнийских» повестей. Это «Племянник чародея» (1955), «Покоритель Зари, или Плавание на край света» (1952), «Серебряное кресло» (1953) и «Последняя битва» (1956). При этом Страна Аслана и Рай описаны очень похоже. Давайте сравним.

Расторжение брака: «*I could see what might be either a great bank of clouds or a range of mountains. Sometimes I could make out in it steep forests, far-withdrawing valleys, and even mountain cities perched on inaccessible summits. <...>. The height was so enormous that my waking sight could not have taken in such an object at all*» [7, с. 23]. («Где-то вдали виднелись не то облака, не то высокие горы. Порой мне удавалось разглядеть какие-то леса, глубокие долины и даже города на высоких склонах, порой все это исчезало. Горы были невообразимо высоки, я не мог охватить их взглядом. За ними брезжил свет, на земле лежали длинные тени, но солнце не появлялось» [5, с. 82].)

«Хроники Нарнии»

1) «**Племянник чародея**»: «*The steep green hill was rushing towards them. <...>. They were three-quarters of the way up the hill, and set out at once to climb to the top. <...>. All round the very top of the hill ran a high wall of green turf. Inside the wall trees were growing*» [6, с. 91]. («Высокая зелёная гора стремительно приближалась. <...>. Оказались они почти у вершины – ну, на четверть пути ниже, и решили сразу взобраться на самый верх. Там, наверху, стояла живая зеленая изгородь, а за нею росли деревья») [4, с. 48].

2) «**Покоритель Зари**»: «*What they saw – eastward, beyond the sun – was a range of mountains. It was so high that either they never saw the top of it or they forgot it. None of them remembers seeing any sky in that direction. And the mountains must really have been outside the world. For any mountains even a quarter of a twentieth of that height ought to have had ice and snow on them. But these were warm and green and full, of forests and wa-*

terfalls however high you looked» [6, с.539]. («<...> они <...> ясно различали позади горы, такие высокие, что вершины терялись где-то в небе. Правда, никто не мог потом припомнить никакого неба – должно быть, горы стояли не в нашем мире, ибо у нас гора даже в четыре, нет, даже в двадцать раз меньше, покрыта снегом и льдом. А эти, как высоко ни взгляни, поросли тепло-зеленым лесом, сквозь который прокладывали путь сверкающие водопады» [4, с.302].

3) **«Серебряное кресло»:** *«There was a sort of background of immense silence. That silence, combined with the freshness of the air, made Jill think they must be on the top of a very high mountain» [6, с. 554]. («Джил и Юстэс ощутили, что здесь царит глубочайшая тишина. Воздух был прохладен, и Джил подумала, что они – на вершине горы» [4, с. 310].*

4) **Последняя битва:** *«<...> mountains higher than you could see in this world even if they were there to be seen. But there was no snow on those mountains: there were forests and green slopes and sweet orchards and flashing waterfalls, one above the other, going up forever» [6, с. 766]. («<...> по горам, гораздо выше, чем мы можем себе представить. На этих горах не было снега. Там были леса и зеленые склоны, сладко пахнущие сады и сверкающие водопады, бесконечно текущие один над другим» [4, с.428].*

Как явствует из приведённых фрагментов, главное сходство Рая и Страны Аслана состоит в том, что в обоих случаях писатель помещает обитель блаженства на вершине высочайших гор. Как известно, изображение Рая в образе Горы – характерная особенность архаической картины мира вообще [1, с. 393-396], во многом свойственна она и культуре библейской (ср.: *«И вознес меня (Ангел) в духе на великую высокую гору и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» [2, с.1689]*, и Льюис, изображая свою обитель блаженных, остаётся верен этой традиции.

Образ горы, во-первых, связан с теофанией. Так, в Ветхом Завете упоминаются **гора Синай**, где были даны Десять Заповедей Моисею и через него – всему израильскому народу; **гора Мориа**, на которой Авраам был призван принести в жертву своего единственного сына Исаака; **гора Сион** – царская резиденция Давида; **гора Арарат** – место, куда причалил Ноев ковчег после потопа; **гора Кармел** – символ верности и плодородия [11, с. 313]. С горами же связаны важнейшие моменты жизни и проповеди Христа: на горе, которая в настоящее время носит название **Горы Блаженств**, была произнесена Его первая (Нагорная) проповедь; **на горе Фавор** имело место Его преображения, явления в Божественной славе; **на горе Елеонской** – моление о Чаше и вознесение; **на Голгофе** – распятие. Иными словами, гора особенно важна для Льюиса как место, где Небеса могут открыться навстречу человеку.

Во-вторых, горы характеризуются огромной удалённостью от земли, символически являя собой вневременную, абсолютную меру человеческих дел, меру самого существования людей: любое человеческое деяние, если взглянуть на него с недостижимых, уходящих в облака вершин, может представиться крайне мелким и ничтожным. У Льюиса во всех пяти текстах многократно, почти в каждом предложении, повторяются указания на огромную высоту райских гор: *«steep» («очень высокие»)*, *«inaccessible summits» («недостижимые, неприступные вершины»)*, *«height» («высота»)*, *«enormous» («огромная»)*, *«my waking sight could not have taken in such an object at all» («мой бдительный взгляд не мог даже охватить её»)*, *«on the top of it» («на её вершине»)*; *«a very high mountain» («очень высокая гора»)*; *«mountains higher than you could see in this world» («самые высокие горы, каких и нет в нашем мире»)*. Эти высоты «не даются» всем без разбора – они требуют очень долгого и трудного восхождения.

Однако при всей своей неприступности льюисовские горы далеки от того, чтобы быть холодными и пустынными. Напротив, они теплы и приветливы («*these were warm and green*»), на склонах их и вершинах можно увидеть леса и долины, водопады и реки, сады и даже города («*there were forests and green slopes and sweet orchards and flashing waterfalls, one above the other, going up forever*») («Там были леса и зеленые склоны, сладко пахнущие сады и сверкающие водопады, бесконечно текущие один над другим»); «*I could make out in it steep forests, far-withdrawing valleys, and even mountain cities*») («Порой мне удавалось разглядеть какие-то леса, глубокие долины и даже города на высоких склонах») [6, с. 766; 7, с. 23], [4, с. 428], [5, с. 86]. По сути, здесь всё так же, как и на земле, только намного красивей и ярче; всё исполнено глубочайшей тишины и покоя, всё радует глаз и согревает радостью сердце. Райская природа кажется живой и одушевленной, она наравне с небесными силами и душами спасённых воспекает хвалу Создателю. И здесь Льюис также остаётся верен библейской традиции изображения священной реальности, где «всякое дыхание да хвалит Господа».

Вершина чудесной горы в «Расторжении брака» окутана светом: «*Light brooded on the top of it: slanting down thence it made long shadows behind every tree on the plain*» («Заними брезжил свет, на земле лежали длинные тени»)[7, там же], [5, там же], – так повествует об этом рассказчик. Свет – первое, что открывается взору оказавшихся в Стране Аслана мальчика Юстеса и девочки Джил из повести «Серебряное кресло»: «*a blaze of sunshine met them. It poured through the doorway as the light of a June day pours into a garage when you open the door. It made the drops of water on the grass glitter like beads and showed up the dirtiness of Jill's tear-stained face. And the sunlight was coming from what certainly did look like a different world – what they could see of it. They saw smooth turf, smoother and brighter than Jill had ever seen before, and blue sky*» («<...> их ослепило солнце. Оно светило так ярко, словно июньским днем открыли дверь гаража. Капли росы в траве блестели бусинками, и грязное от слез лицо Джил было теперь освещено. Солнечный свет шел явно из другого мира. Там росла густая трава – такой зеленой и сочной Джил никогда не видела, сияло голубое небо»)[6, с. 553], [4, с.310].

Как явствует из приведённого фрагмента, ведущими цветами в описании распахнувшегося перед детьми мира становятся **жёлтый / золотой (солнце), голубой (небо) и ярко-зелёный (деревья, кусты и травы)**, а само описание характеризуется обилием лексики, передающей виды и оттенки света. Прежде всего, это солнечный свет, «*a blaze of sunshine*» – свет ослепляюще яркий; о нём сказано, что он «*poured through the doorway*»: значение глагола «*to pour*» указывает на мощные «потоки» света, которые свободно и легко струятся в дверной проём. Свет, льющийся сверху – один из важнейших иконописных символов, который традиционно сопровождает эпизоды «явлений» – Бога или Ангелов, когда сияние горнего мира проникает в земную реальность, преображая её. Далее это «*glittering*», («блеск, мерцание») капелек росы на траве, в которых отражается всё тот же необыкновенный свет. Наполняет он и небо, и даже траву под ногами героев, которых крайне изумляет незамутнённая и чистота здешних красок. Подобным образом и свет, который видят герои повести «Покоритель Зари», устремившиеся на «самый восточный Восток», таков, что на него невозможно смотреть обычным людям, о чём свидетельствует следующая деталь: «*if their eyes had not by now grown as strong as eagles' the sun on all that whiteness – especially at early morning when the sun was hugest would have been unbearable*» («Если бы глаза их не укрепила вода Последнего моря, они не смогли бы смотреть на солнце в упор») [6, с. 536], [4, с. 302]. Чтобы его вынести, нужно иметь глаза, подобные орлиным.

Но в «Расторжении...» райский свет не кажется столь ослепительным, как в «Хрониках...» – во-первых, потому что рассказчик наблюдает его издали, а во-вторых, потому что в «Расторжении...» Рай, при всей своей схожести со Страной Аслана, устроен несколько иным образом. Он состоит как бы из двух частей: первая – огромная зелёная долина, или предгорье, куда прибыли на экскурсию души рассказчика и его собеседников, вторая – далёкие горные цепи, где расположен собственно Рай.

Свет окутывает лишь вершину горы, в то время как в долине, где стоит рассказчик, полнота дня пока не пришла: здесь ещё занимается утро. Новоприбывшим только предстоит подняться в горы для того, чтобы встретить там восход солнца. Тот же путь к сияющим вершинам, к полноте света и радости предстоит героям финальной повести «Хроник Нарнии»: *«a great, bright procession it was – up toward mountains higher than you could see in this world even if they were there to be seen <...>. The light ahead was growing stronger. Lucy saw that a great series of many-coloured cliffs led up in front of them like a giant's staircase»* («Вскоре все собрались вместе и длинной яркой процессией отправились вверх по горам, гораздо выше, чем мы можем себе представить. <...>. Свет становился все сильнее. Люси увидела, что разноцветные уступы разворачиваются перед ними как лестница великанов») [6, с. 766], [4, с. 428]. Конечно же, здесь речь идёт о духовном восхождении человека – к Богу, к Истине, к совершенству.

Любуясь райской местностью, рассказчик из «Расторжения...» испытывает доселе неведомое ему чувство невероятного простора и свободы, которое в тексте передаётся посредством использования сравнительной степени прилагательных *«larger»* («больше»), *«further»* («дальше»), *«wider»* («шире») – чем на земле: *«I had the sense of being in a larger space, perhaps even a larger sort of space, than I had ever known before: as if the sky were further off and the extent of the green plain wider than they could be on this little ball of earth»* («<...> само пространство показалось мне иным, незнакомым, каким то особенно большим, словно и небо здесь дальше и поляна просторней, чем на маленьком шарике Земли») [7, с. 20], [5, с. 85]. Показательно сравнение нашей, казалось бы, огромной планеты с «маленьким шариком» (*«little ball of earth»*) – настолько крошечной видится она рассказчику, в отличие от Рая, который, по мысли Льюиса, вообще не имеет границ.

При этом Льюис особенно подчёркивает «настоящность» Рая. *«Heaven is reality itself. All that is fully real is Heavenly»* («Рай <...> реальней реального. Все, что реально, – от Рая») [7, с. 70] [5, с. 100]. – читаем мы в «Расторжении брака». *«That country and this country – all the real countries – are only spurs jutting out from the great mountains of Aslan»* («Все настоящие страны – только отроги Великих гор Аслана») [6, с. 766] [4, с. 428], – говорит один из героев «Хроник Нарнии». Иными словами, это не иллюзия, не плод фантазии и воображения, а самая что ни на есть реальность – вечная и истинная; та высшая реальность, от которой берёт начало лучшее, что есть как на земле, так и в других мирах.

Таким образом, описывая Рай, К.С. Льюис обращается к Священному Писанию как к источнику «вечных» образов. И Страна Аслана из «Хроник...», и Рай из «Расторжения...» характеризуются наличием целого ряда библейских черт: расположением на вершинах гор; обилием света; одухотворённостью и ни с чем не сравнимой красотой природы; чистой и никогда не прекращающейся радостью. В то же время у Льюиса прослеживается трактовка Рая не только как священного места, свободного от изъянов и несовершенств земного мира, но и как особого состояния души, пришедшей в единение с Богом.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Т. 2. М.: 1982. Т. 2. С. 363–366.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Синодальный перевод Русской Православной Церкви. М.: Русский Паломник, 2010. 1690 с.
3. Горнова Г.В. Потерянный Рай: архетипические основания концепта «город – сад» // Вестник МГУКИ, № 5 (31), 2009. С. 34–38
4. Льюис К. С. Хроники Нарнии. М.: Космополис, 1991. 688 с.
5. Льюис К.С. Расторжение брака // Льюис К. С. Любовь Стрдание. Надежда: притчи, трактаты. М.: Республика, 1992. 432 с.
6. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. London: HarperCollins Publisher, 2011. 768 p.
7. Lewis C. S. The Great Divorce. London: HarperCollins, 2000. 146 p.
8. Рашкова Р.Т. Иконография Рая в католическом искусстве // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium», выпуск 31. СПб., 2003. С. 225–230.
9. Рождественская М. В. Рай «мнимый» и Рай «реальный»: древнерусская литературная традиция. Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium», выпуск 31. СПб., 2003. С. 31– 46.
10. Соболевникова Е.Н. Формирование христианского представления о Рае // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium», выпуск 31. СПб., 2003. С. 108–113
11. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 311–315.

References

1. Averintsev S.S. Paradise // World nations' myths. M.: 1982. V. 2. P. 363–366.
2. The Bible. The Holy Scripture of the Old Testament and the New Testament. The Synodal Translation of the Russian Orthodox Church. M., 2010. 1690 p.
3. Gornova G.V. Lost Paradise: the archetypal background of the concept «city– garden» //The Bulletin of MSUKS, №5 (31), 2009. P. 34–38
4. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. M., 1991. 688 p.
5. Lewis C. S. The Great Divorce. // Lewis C. S. Love. Suffering. Hope: parables and treatise. M.: Republic, 1992. 432 p.
6. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. London: HarperCollins Publisher, 2011. 768 p.
7. Lewis C.S. The Great Divorce. London: HarperCollins, 2000. 146 p.
8. Rashkova R.T. The iconography of Paradise in Catholic Art. – The image of Paradise: from myth to utopia. Obraz raja: «Symposium» series, V. 31. SPb., 2003. P. 225–230.
9. Rozhdestvenskaja M.V. «Illusory» Paradise and «real» Paradise in the Old Russian literature. The image of Paradise: from myth to utopia. Obraz raja: «Symposium» series, V. 31. SPb., 2003. P. 31–46.
10. Sobolnikova E.N. The Formation of the Christian view of Heaven. The image of Paradise: from myth to utopia. Obraz raja: «Symposium» series, V. 31. SPb., 2003. P. 108–113.
11. Toporov V.N. The Mountain // World nations' myths. M., 1980. V. 1. P. 311–315.

УДК 882

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 2 курса, СПО,
группы С121-9
направления «Дизайн»
Лендова О.В.
Россия, г. Воронеж, 89805475664
e-mail: olga.lendova13@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
2nd year student, SPO, group C121-9
Directions «Design»
Lendava O.V.
Russia, Voronezh, 89805475664
e-mail: olga.lendova13@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Senior lecturer
Novikova M.V.
Russia, Voronezh, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

О.В. Лендова, М.В. Новикова

ОНОМАСТИКА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В статье рассматривается происхождение имен ключевых для понимания глубины романа героев. Дается подробный и структурный анализ фамилии и имени главного героя произведения – Родиона Романовича Раскольникова, а также частичный анализ имен и фамилий его «двойников» - Аркадия Ивановича Свидригайлова и Петра Петровича Лужина, отдельное место занимает трактовка имен семьи Мармеладовых. Для раскрытия смысловых коннотат имен персонажей проводились отсылки к религиозной и культурной составляющей, в том числе анализировалось происхождение имен, их перевод с других языков и т.д. Учитывались уже существующие работы по данной тематике и различные трактовки ученых (А.Л. Бем, М.С. Альтман, Г.Ф. Коган и С.В. Белов) относительно анализа имени того или иного героя произведения. Ономастика имен персонажей сопоставлялась с ролью героя в романе, его действиями, диалогами и монологами. В большинстве своем значение имени или фамилии того или иного персонажа подтверждало прописанную Ф.М. Достоевским роль героя в романе.

В ходе исследования было выявлено, что семантическое значение имен таких героев, как Родион Романович Раскольников, Семен Захарович Мармеладов, Катерина Ивановна Мармеладова, Софья Мармеладова, Аркадий Иванович Свидригайлов, Петр Петрович Лужин, не просто раскрывает основную идейную канву произведения, но и позволяет выстроить дополнительные трактовки образов героев. Подобное закодированное нанизывание дополнительных характеристик, свойственных для того или иного героя, делает роман более сложным, но вместе с тем глубоким и интересным.

Ключевые слова: символика, имена, ономастика, герой, Достоевский.

О.В. Lendova, M.V. Novikova

ONOMASTICON IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

The article discusses the origin of names of key characters to understand the depth of the novel. Detailed

and structural analysis of surname and name of the main character of the work – Rodion Romanovich Raskolnikov is given as well as a partial analysis of names of his «counterparts» - Arkady Ivanovich Svidrigaylov and Peter Petrovich Luzhin, a separate place is occupied by the interpretation of names of the Marmalade family. For disclosure of semantic connotations of names of characters, references to religious and cultural component, including the origin of names, their translation from other languages were carried out. The existing works on this subject and different interpretations of scientists (A.L. Bem, M.S. Altman, G.F. Kogan, S.V. Belov) concerning the analysis of name of this or that hero of the work were taken into account. Onomastics of names of characters were compared with role of the hero in the novel and his actions, dialogues and monologues. The majority of the value of name or surname of a character confirmed written by Dostoyevsky the role of the hero in the novel.

During research it was revealed that semantic value of names of such heroes as: Rodion Romanovich Raskolnikov, Semyon Zakharovich Marmeladov, Katerina Ivanovna Marmeladova, Sophia Marmeladova, Arkady Ivanovich Svidrigaylov, Pyotr Petrovich Luzhin not only opens the main ideological canvas of work but also allows to build additional interpretations of images of heroes. Similar coded stringing of additional characteristics peculiar for this or that hero makes the novel more difficult but at the same time deep and interesting.

Key words: symbolism, names, onomasticon, hero, Dostoyevsky.

К ономастике в литературном творчестве Ф.М. Достоевского обращались такие ученые, как М. С. Альтман («Достоевский по векам имен»), С. В. Белов («Имена и фамилии у Достоевского»), Г. Ф. Коган («Загадочное» имя Свидригайлова»), С.А. Скуридина «Ономастика романов Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы», и другие. Стоит отметить, что интерес к изучению этого аспекта в литературоведении с каждым годом вызывает все больший интерес ученых. В этой связи с этим мы решили систематизировать и дополнить уже имеющиеся знания в этом русле, сконцентрировав свое внимание на романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Еще А.Л. Бем указывал: «Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя» [4, с. 415]. Эта особенность становится характерной для романов Ф.М. Достоевского, поскольку писатель тщательно продумывает не только сюжетную канву повествования, но и семантическое значение имени каждого из созданных в своем произведении героев. Исследователь С.В. Белов в своей статье «Имена и фамилии у Достоевского» пишет: «В библиотеке Достоевского был такой календарь, в котором давался перевод на русский язык имен общепринятых святых, с раскрытием их буквального смысла [2, с. 42]. Вероятность обращения писателя к данному источнику при подборе имени для героев произведения очевидна. Ф.М. Достоевский стремился создать второй смысловой ряд, чтобы глубже прописать образы героев.

При обращении к роману «Преступление и наказание» эта писательская традиция просматривается особенно ярко. Спектр героев в романе достаточно разнообразен, мы проанализируем ключевых для понимания идеи романа персонажей. Так, имя, фамилия, и отчество главного героя романа - Родиона Романовича Раскольникова имеет несколько различных трактовок, каждая из которых дает дополнительную характеристику героя. Одно из коннотативных значений имени отсылает к православной традиции. Апостол Иродион считается покровителем этого имени. По преданию, святой ревностно проповедовал Слово Божие, обращая в христианство многих греков - язычников и иудеев, за что был избит и ранен ножом, но Господь исцелил его [9]. История жизни святого выстраивается в определенную параллель с жизнью героя романа. Родион, в отличие от апостола нанес себе духовные, а вследствие этого и физические раны самостоятельно (теория Раскольникова, физические недомогания, апатия, психозы), но их путь к исцелению одинаков. Господь спасает апостола, и Раскольникова, обращаясь к вере (обращение к Евангелию на каторге) встает на путь духовного спасения.

Изучение данного имени в ономастическом ключе указывает на то, что имя Родион является русифицированным вариантом произношения древнегреческого имени Иродион, которое в переводе означает "герой", "героический". Это семантическое значение также не является случайным, поскольку в романе Раскольников при создании своей теории апеллирует к исторической персоне - Наполеону. Эта фигура в понимании персонажа считается героической.

С.В. Белов в комментарии к роману в след за именем дает следующую трактовку фамилии героя: «Раскольников "раскалывает" породившую его мать-землю...» [3, с. 43]. Действительно, убивая старуху – процентщицу, герой идет против Божьих законов. Он считает себя вершителем судеб, полагая, что великая идея требует жертв. Но Раскольников не реализует задуманное, поскольку душевный покой оставляет героя, он начинает сомневаться в правоте совершенного. Его внутренний мир раскалывается на две половины, одна из которых пытается утвердиться в мысли о том, что он «право имеющий», другая осознает, что он всего лишь «тварь дрожащая». Двойственность проявляется, с одной стороны в желании героя преодолеть свой страх перед следствием и в дальнейшем уйти от наказания, а с другой стороны в помыслах о признании в содеянном Порфирию Петровичу.

Другую трактовку символического значения фамилии героя выдвигает М.В. Горбаневский. Он указывает на то, что фамилия Раскольников образована от прозвища раскольник. Раскольник - это тот, кто отделился от основной части общества, у него отклоняющееся от принятых норм поведение [5]. Родион отходит не только от гражданских законов, он отстраняется от нравственных, православных основ. Решаясь убить старуху, он отходит от Бога. В этой связи можно провести параллель и с тем, что раньше раскольниками называли людей, пропагандирующих старообрядческие традиции, не готовых мириться с новыми религиозными правилами. Это явление подробно освещено в «Житии протопопа Аввакума». Но здесь важна не причина раскола церкви, а семантическое значение, поскольку раскольник – это человек, вступивший в конфликт из-за веры, а Родион это герой, который нарушая библейские постулаты, вступает в конфликт не только с государством, но с самими собой.

Не менее символическими становятся имена «двойников» Раскольникова - Петра Петровича Лужина и Аркадия Ивановича Свидригайлова.

Имя Лужина имеет древнегреческое происхождение, в переводе означает «камень», «скала» [13, с. 284]. Апеллируя к православному образу святого Петра, можно выстроить определенную антитезу. Если апостол Петр это оплот Христовой веры, он непоколебимо стоит за нее (как скала, охраняет заповеди Божьи), то Петр Лужин, напротив, тот, кто придерживается скорее идеологии Ницше о «сверхчеловеке». Он говорит: «Возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано» [8, с. 77]. В метафорическом смысле у него каменное сердце, не способное к состраданию и милосердию. Семантическое значение его фамилии дополняет уже предложенную трактовку образа героя. Предположительно фамилия берет свои корни от польского слова «luzny», что переводится как «свободный», «разрозненный». Лужин действительно свободен от нравственных составляющих, моральных ценностей, он отстранен от социума, его интересует только собственная выгода.

Одним из прототипов Лужина, по мнению Л.П. Гроссмана, является Павел Петрович Лыжин, бывший одним из кредиторов Достоевского. В черновиках «Преступления и наказания» этот персонаж дважды прямо назван Лыжиным [6, с. 37-38].

Другим двойником Раскольникова является Свидригайлов Аркадий Иванович, именно он говорит Родиону: «Мы одного поля ягоды», и Раскольников понимает это, поскольку они оба «перешли через кровь». Но, в отличие от Родиона, Свидригайлов так и не встал на путь нравственного исцеления. С.В. Белов указывает на то, что совре-

менникам Ф.М. Достоевского была знакома фамилия Свидригайлова еще до выхода в свет романа «Преступление и наказание». Об этом свидетельствует и статья Г.Ф. Коган «Загадочное» имя Свидригайлова...», где автор указывает на то, что в периодической печати 1861 года сообщалось читателям о бесчинствующем в провинции некоем Свиригайлове [11, с. 426]. Возможно, Ф.М. Достоевский решил воспользоваться уже известной и связанной с криминальной деятельностью фамилией. К тому же, С.В. Белов в своем комментарии к роману отмечает: «Первоначальный толчок фамилии героя романа мог дать и великий князь литовской Швитригайло (Свидригайло). Напомним, что Достоевские происходили из старинного литовского рода, представители которого с XVI века упоминаются в различных документах юго-западной Руси. Интересуясь историей своего рода, Достоевский мог обратить внимание и на этимологический состав фамилии Свидригайло: вторая часть этой фамилии - гайл - означает по-немецки (geil) - похотливый, сладострастный»[3].

Особый интерес составляет и ономастика имен семьи Мармеладовых. Сама фамилия имеет двойное значение, поскольку в своем первостепенном ключе мармелад – «конфеты или густая сладкая масса»[10, с. 343], то есть эта фамилия должна ассоциироваться с чем-то приятным, притягательным, но, вникая в историю этой семьи, читатель сталкивается с ужасными картинами бедности, болезни, алкоголизма. На первый взгляд такой контраст заставляет читателя думать, что Ф.М. Достоевский тем самым иронизирует, показывает, что за благозвучной фамилией таится трагедия семьи. Эту мысль озвучивает В. Я. Кирпотин: «Семья Мармеладовых – фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного эксплуататорского общества, и, то, как «сладок» этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией, подобранной Достоевским» [10, с. 145]. Если отойти от семантического значения слова и проанализировать саму структуру, то становится понятно, что мармелад - это достаточно мягкий и быстро теряющий форму при воздействии продукт. По своей сути, такими предстают и сами Мармеладовы. Семен Захарович, из-за навалившихся забот и жизненных тягот, деформируется из приличного доброго человека в больного алкоголизмом. Екатерина Ивановна, лишившись достойной, обеспеченной жизни, превращается в больную и злую женщину. Соня, хотя и сохраняет в себе нравственное зерно, все равно вынуждена под гнетом тяжелых семейных отношений пойти на непристойную работу, тем самым подстраиваясь под суровую действительность. Получается, что приятные и хорошие по натуре люди, под воздействием суровой действительности, теряют свое лицо.

Особый интерес представляют и имена героев. Имя Семена Захаровича - главы семейства происходит от древнего иудейского имени Симеон, в переводе означающего «слушающий», «услышанный Богом». Мармеладов, несмотря на низость своего поведения, все же сохраняет в душе веру в Господа. Он тяжело страдает от осознания своего греховного поведения. В одном из разговоров герой признается, что, приходя домой в пьяном состоянии, он даже жаждет побоев от Екатерины Ивановны, расценивая это как своего рода наказание за прегрешения. Когда он безропотно терпит оскорбления от жены, то видит в этом покаяние за совершенные грехи. Хотя жизнь Мармеладова трагична, он, в отличие от Раскольникова, связан с Богом и испытывает муки совести, осознает тяжесть греха.

Имя Екатерина Ивановны тоже носит символический характер, раскрывает уже заявленные в романе биографические факты ее жизни. В переводе с греческого оно означает – «чистая», «истинная». Возможно, этот перевод отсылает к происхождению героини, подчеркивая ее принадлежность к богатой дворянской семье. Имя героини дает аллюзию к реальному историческому лицу - Екатерине II. Автор проводит параллель между императрицей и разорившейся Мармеладовой, показывая тем самым, что, хотя

Екатерина Ивановна и оказалась в тяжелом положении, она вовсе не собирается мириться с ним, ведет себя царственно, возлагая надежды на окружающих ее людей, и ошибочно полагая, что все вокруг обязаны помогать ей. Она не проявляет милосердия ни к мужу, который спас ее от полного разорения, ни к Соне, которая пожертвовала собой, чтобы прокормить семью, беспрестанно напоминает о своем дворянском происхождении, прошлой счастливой жизни, надменно общается с хозяйкой квартиры и своими соседями, считая себя намного выше их. Л. П. Гроссман предполагает, что в произведении портрет супруги Мармеладова списан с покойной жены писателя, Марии Дмитриевны Исаевой, умершей, как и героиня романа Екатерина Ивановна, от чахотки [7, с. 149].

Что же касается дочери Мармеладова - Сони, то ее имя пришло в русский язык из Греции, вместе с принятием на Руси православия. В переводе с греческого языка София обозначает «разумность», «мудрость», «наука». Альтман отмечает, что Соне Мармеладовой были присущи основные черты всех «Софий» Достоевского: смирение, беззащитность, приниженность [1, с. 176]. В православии покровителями людей с этим именем является Софья Римская, которая умерла от скорби на могиле своих дочерей - мучениц – Веры, Надежды и Любви – на третий день после их казни за веру Христову [13, с. 621]. Это имя героиня получает не случайно, ведь основная идея, которую несет Соня на протяжении всего романа – это вера в Бога. Альтман напишет: «если Софья, вообще, означает мудрость, то у Достоевского мудрость его Софии – смиренномудрие» [1, с. 176]. Именно Соня просит Раскольникова покаяться в своем грехе и тем самым смирить гордыню, которая сделала Родиона нравственным калекой. Более того, духовная мудрость героини приводит ее к вере и надежде на то, что Раскольников способен встать на путь исправления, именно поэтому она слепо следует за ним на каторгу. Девушка искренне верит и в то, что Родион не жестокий убийца по своей натуре, а просто оступившийся человек. Все ее помыслы и душевные порывы пропитаны не только любовью, которая возникает к мужчине и женщине, она в принципе смотрит на весь мир через призму любви. Так, в образе Сони Мармеладовой реализуются все духовные константы, связанные со святой матерью Софией и ее детьми – Верой, Надеждой, Любовью.

Все имена героев достаточно символичны и в большинстве своем апеллируют к христианской тематике, они складываются в стройную систему, понимание которой раскрывает всю глубину замысла Ф.М. Достоевского.

Библиографический список

1. Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. 280 с.
2. Белов. С. В. Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. 2014. № 6. С. 42-43.
3. Белов С. В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Комментарий. Просвещение. 1984. 204 с.
4. Бем А. Л. Личные имена у Достоевского. София, 1933.
5. Горбаневский М. В. Тринадцать ступенек в доме Раскольникова (Об именах собственных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.familii.ru/onomastika/antroponimica/1130-2006-06-26-11-31-01> (дата обращения: 24.02.2018)
6. Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» / Л. П. Гроссман // Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Гослитиздат, 1935. С. 3-52.
7. Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.

8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Воронеж., 1970. 542 с.
9. Жизнь и труды апостолов – Святой апостол Иродион. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbuka.ru/days/sv-rodion-irodion-patrasskij> (дата обращения: 24.02.2018)
10. Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. 485 с.
11. Коган Г. Ф. «Загадочное» имя Свидригайлова: («Преступление и наказание» и периодическая печать 1860-х годов) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 5. С. 426-435.
12. Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
13. Словарь личных имен: С указанием православных дней Ангела / Сост. Н.Н. Федоринова: 2-е изд. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1997, 44 с.
14. Словарь русских личных имен / Сост. А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова. М., 1995. С. 300

References

1. Altman S. M. Dostoevsky at the milestones names. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1975. 280 p.
2. Belov. S. V. The Names of Dostoevsky // Telescope. 2014. № 6. P. 42-43.
3. Belov S. V. F. Dostoyevsky's novel "Crime and punishment" Comment. 1984. 204 p.
4. Böhm A. L. Personal names in Dostoevsky. Sofia, 1933.
5. Gorbanevsky M. V. Thirteen steps in the house of Raskolnikov (the proper names in the novel of F. M. Dostoevsky's "Crime and punishment"). URL: <http://www.familii.ru/onomastika/antroponimica/1130-2006-06-26-11-31-01> (date of application: 24.02.18)
6. Grossman L. P. the City and the people of "Crime and punishment" / L. P. Grossman // Dostoevsky F. M. Crime and punishment. M.: Goslitizdat, 1935. P. 3-52.
7. Grossman L. The Life and works of F. M. Dostoevsky: a biography in dates and documents. M.; Leningrad: Academia, 1935. 382 p.
8. Dostoyevsky F.M. Crime and punishment. Voronezh, 1970. 542 p.
9. The life and writings of the apostles, the Holy Apostle Herodion URL: <https://azbuka.ru/days/sv-rodion-irodion-patrasskij> (date of application: 24.02.18)
10. Kirpotin V. Ya. Selected works in three volumes. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. Vol. 3. 485 p.
11. Kogan G. F. "Mysterious" name of svdrigaylov: ("Crime and punishment" and the periodical seal of the 1860s). Izvestiya Akademii nauk SSSR. Series of literature and language. M.: Science, 1981. T. 40. № 5. P. 426-435.
12. Ozhegov S. I., Shvedov N. Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.
13. Dictionary of personal names: indicating the Orthodox days of the angel / Sost. H. H. Fedorinov: 2nd ed. Voronezh: Publishing house of Voronezh University, 1997. 44 p.
14. Dictionary of Russian personal names / A. N. Tikhonov, L. Z. Boyarinova, A. G. Ryzhkov. M., 1995. P. 300

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка
и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 2 курса строительного
технологического факультета
Гнеушева Ю.Н.
e-mail: gneuschewa.yulia98@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of construction
and technology
The 2-th-year student
Gneusheva Yu.N
e-mail: gneuschewa.yulia98@yandex.ru*

Л.В. Недоступова, Ю.Н. Гнеушева

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ СЕЛА ВЕРХНЯЯ ТОЙДА И ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В статье представлены особенности диалектной системы села Верхняя Тойда Аннинского района Воронежской области. Целью исследования является рассмотрение типов противопоставленных диалектных различий, выявленных в 2017 году, свидетельствующих об отличительных чертах говора. Языковым материалом стала речь коренной жительницы села, которая сохраняет его традиционные черты. В ходе работы анализируются различия в плане выражения, представленные собственно лексическими, словообразовательными, фонематическими и акцентологическими диалектизмами, и различия в плане содержания, представленные семантическими диалектизмами. Оба плана достаточно интересны для исследователя народной речи.

Описано 111 лексических единиц со значениями, имеющимися в говоре, среди которых активно функционируют фонематические и словообразовательные диалектизмы. Менее продуктивными группами представлены семантические, собственно лексические и акцентологические диалектизмы.

В результате исследования получено представление о существующей в настоящее время системе диалекта и её особенностях. Оно способствует углублению наших знаний о современных процессах, происходящих в говорах как составляющих русского национального языка. Полученные данные помогут учёным в работе по типологизации воронежских говоров, которой в настоящее время занимаются некоторые диалектологи.

Носительница народной речи является представителем определённого социума. Путём непринуждённой беседы с респондентом мы получили диалектную языковую картину, в которой своеобразно репрезентируются история деревенского человека, его быт и культурные традиции. Говор хранит глубокие знания о жизни селян в разных её проявлениях. Очень важно сохранить такие яркие свидетельства функ-

ционирования живого народного слова для следующих поколений. Язык – развивающееся явление, и каково его будущее – ответить сложно.

Ключевые слова: диалектная коммуникация, русские народные говоры, типы противопоставленных диалектных различий, различия в плане выражения и в плане содержания, собственно лексические, словообразовательные, фонематические, акцентологические и семантические диалектизмы, особенности диалектной системы.

L.V. Nedostupova, Yu.N. Gneusheva

PECULIARITIES OF THE DIALECTIVE SYSTEM OF VILLAGE UPPER TOYDA AND ITS COMPONENTS

The peculiarities of the dialect system of the village of Verkhnyaya Toyda of Anninskiy district (Voronezh region) are presented in the article. The purpose of the study is to examine the types of contrast dialect differences identified in 2017, indicating the distinctive features of the dialect. The language material was the speech of the native inhabitant - the bearer of the dialect, which preserved its traditional features. In the course of the work, the differences in the expression plan, represented by the lexical, word-formative, phonemic and accentological dialectisms themselves, and differences in content, represented by semantic dialectisms, are analyzed. Both plans are interesting enough for the researcher of folk speech.

111 lexical units with dialectal meanings are described, among which phonemic and derivational dialectisms are actively functioning. Less productive groups are represented by semantic, actually lexical and accentological dialectisms.

As a result of the research, we got an idea of the dialect system existing at the present time and its peculiarities. It contributes to deepening our knowledge of modern processes occurring in dialects as components of the Russian national language. The obtained data will help scientists in the work on the typologization of Voronezh dialects, which are currently being researched by some dialectologists.

The bearer of the people's speech is a representative of a certain society. Through a casual conversation with the respondent, we received a dialectic language picture, in which the history of a rural person, his way of life and cultural traditions are represented in a peculiar way. The speaker keeps a deep knowledge of the life of the villagers in its various manifestations. It is very important to preserve such vivid evidence of the functioning of the living folk word for the next generations. Language is a developing phenomenon, and it is difficult to answer what will happen with it in the future.

Key words: dialectal communication, Russian folk dialects, types of opposing dialectal differences, differences in terms of expression and content; lexical, word-formative, phonemic, accentological and semantic dialectisms, features of the dialect system.

Сбор записей русских народных говоров начался ещё в первой половине XIX века, однако актуальность обращения к работе подобного рода сохраняется до сих пор.

Исключительно важное значение диалектных данных для решения многих кардинальных вопросов исторического и современного языкознания настоятельно требовало введения в научный оборот лексических богатств народных говоров, их исследования и интерпретации [2; с. 529].

Диалектная коммуникация, на наш взгляд, – сложное явление, отражающее особенности видения окружающего мира представителями социума.

Предметом данной статьи стали особенности диалектной системы села Верхняя Тойда и её составляющие.

Целью работы является рассмотрение типов противопоставленных диалектных различий, выявленных в ходе общения с долгожительницей села (1925 года рождения). Они свидетельствуют об особенностях системы верхнетойденского говора.

Материалом для анализа послужили записи на диктофон бесед с носительницей традиционного говора – Мургиной Татьяной Ивановной в 2017 году.

Село Верхняя Тойда располагается в 13 км от посёлка городского типа Анна и в 87 км к востоку от Воронежа. Оно было образовано в 30-х годах XVIII века крестьянами-переселенцами из-под Москвы с реки Хатуни на реку Тойду, от которой получило своё название.

В начале 1797 года село пожаловано Федору Васильевичу Ростопчину, затем оно принадлежало графине Авдотье Васильевне Левашовой, с 70-х годов XIX века – княгине Барятинской. Разные эпохи пережила деревня. На 1927 год в селе было 636 дворов, 3203 жителя. Имелось 26 мелких кустарных предприятий, в том числе 4 кабака, 2 винные лавки, мельница, маслобойка, церковь, церковно-приходская и земская школы [1; с. 393-394].

В настоящее время в Верхней Тойде проживает около 850 человек. Почти все селяне занимаются сельским хозяйством, выращиванием скота и птицы. Большинство людей трудится в Агротех-гарант «Верхнетойденский» и в администрации сельского поселения. Среди учреждений инфраструктуры: средняя школа, детский сад, два магазина, медицинский пункт (новое комплексное здание было построено в 2015 году), сельский дом культуры, почта.

Обращаясь к рассмотрению отличительных черт современного верхнетойденского говора, становится понятно, что они представляют собой источник аргументов для истории развития русского национального языка и заслуживают всестороннего изучения.

В русских диалектах некоторые признаки варьируются по отношению к другим его разновидностям или к системам других говоров.

Обратимся к рассмотрению некоторых типов противопоставленных диалектных различий, выявленных в речи коренной жительницы села Верхняя Тойда.

Следует отметить, что различия в плане выражения, т.е. материально-звуковом отношении при более или менее тождественном значении, бывают полные или частичные, они реализуются либо в фонематическом составе, либо в морфологической структуре, либо в акцентном отношении. Различия, проявляющиеся на базе семантики при общности фонематического состава, прежде всего, реализуются в фонематической структуре диалектного слова, а также в его стилистической маркированности. Эти различия имеют самый разнообразный характер, определяемый либо полным различием в значении слов с одинаковым фонематическим составом, либо частичным различием, выражающимся в неодинаковом наборе тождественных морфем [4; с. 89].

В нашем исследовании мы рассматриваем *различия в плане выражения*, представленные собственно лексическими, словообразовательными, фонематическими и акцентологическими диалектизмами, и *различия в плане содержания* – семантическими диалектизмами. Типы диалектизмов являются особыми составляющими диалектной системы и создаются за счёт языковой материи и категорий всех уровней языковой структуры: лексической, грамматической, словообразовательной, фонетической [3; с. 36].

В структуре системы говора села Верхняя Тойда зафиксированы *собственно лексические диалектизмы* – местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке: *вýchлебтаться* – ‘испачкаться’, *грéбовать* – ‘брезговать, гнушаться чем-либо’, *гутáрить* – ‘беседовать, болтать, разговаривать’, *другожéнец* – ‘женившийся 2-й раз мужчина’, *колобóшка* – ‘небольшая пышка, лепёшка’, *каб* – ‘чтоб’, *нако́й* – ‘зачем’, *поддёвка* – ‘верхняя распашная длинная (до или ниже колен) одежда с длинными рукавами, отрезная сзади по талии, со сборками на спине (мужская и женская); то, что поддевают под другую одежду’, *порóжний* – ‘пустой’, *риминáция* – ‘реанимация’ и др.

Выявлено достаточно много *словообразовательных диалектизмов* – слов, отличающихся от литературных эквивалентов словообразовательными аффиксами: суффиксами, приставками: *бува́лоча, бывáлача* – ‘бывало’, *бóли* – ‘больше’, *Вирхатóида* –

‘Верхняя Тойда’, *ворóчить* – ‘переворачивать’, *глядь* – ‘гляжу’, *гóрься* – ‘горюй’, *дóчень* – ‘дочь’, *жáлится* – ‘жаловаться’, *заржé* – ‘громко засмеётся’, *ити́ть* – ‘идти’, *кори́чвый* – ‘коричневый’, *лязать* – ‘залезать’, *матря* – ‘мама, мать’, *назáвтра* – ‘завтра’, *наймáть* – ‘нанять’, *нарýть* – ‘накопать’, *обóя* – ‘оба’, *одновá* – ‘один раз’, *оттэ́ля* – ‘оттуда’, *побило* – ‘убили’, *померéть* – ‘умереть’, *посерёдки* – ‘посередине’, *порождён* – ‘рождён’, *рáни* – ‘раньше’, *рась* – ‘разве’, *ры́сий* – ‘рысью’, *святкрь* – ‘свекровь’, *сочтёшь* – ‘посчитаешь’, *сы́мя* – ‘снимет’, *тепéрича* – ‘теперь’, *хóтца* – ‘хочется’, *чутóк*, *чудóк* – ‘чуть-чуть’, *шёпушек* – ‘шёпот’, *ща* – ‘ещё’ и др.

Интерес представляют бытующие в говоре *фонематические диалектизмы* – слова, отличающиеся от литературных эквивалентов одной или двумя фонемами, не обусловленными фонетической системой говора: *булгáхтир* – ‘бухгалтер’, *блинцы́* – ‘блинчики’, *горóт* – ‘огород’, *дjóжо* – ‘дюже’, *двоёрнаи*, *двоёрными* – ‘двоюродные’, *дитё* – ‘дитя’, *эта* – ‘это’, *жикéтка* – ‘жилетка’, *за егó* – ‘за него’, *здравая* – ‘здоровая’, *идé*, *идéй-та* – ‘где, где-то’, *ишио́* – ‘ещё’, *картóхи* – ‘картофель’, *куды*, *ни-куды* – ‘куда, никуда’, *мóжа* – ‘может’, *нэту* – ‘нет’, *ны́ня* – ‘ныне’, *однэй* – ‘одной’, *оттэ́да* – ‘оттуда’, *оштраховáть* – ‘оштрафовать’, *посóдим* – ‘посадим’, *ры́ион* – ‘район’, *стáсквать* – ‘стаскивать’, *суды́* – ‘сюда’, *тады́* – ‘тогда’, *тра́хтар* – ‘трактор’, *тах-та* – ‘так-то’, *тута* – ‘тут’, *хтó зный* – ‘кто знает’, *хуть* – ‘хоть’, *чигуны́* – ‘чугуны’, *чэй-то* – ‘что-то’, *чижалó* – ‘тяжело’, *шашинáцать* – ‘шестнадцать’, *ишика-тúрить* – ‘штукатурить’ и др.

Используются в говоре и *семантические диалектизмы* – слова, совпадающие с литературными эквивалентами в звучании, но отличающиеся от них в значении. Среди них: *дохá* – ‘брзент’, *добывáть* – ‘искать’, *до чистá* (*дочистá*) – ‘все до одного, без исключения’, *казáть* – ‘сказывать, говорить’, *кричáть* – ‘плакать’, *нажи́ть* – ‘родить’, *налáживать* – ‘класть’, *не поддавáться* – ‘не бояться трудностей’, *обóрка* – ‘верёвка’, *опери́ться* – ‘встать на ноги, стать самостоятельным’, *помéстье* – ‘двор и постройки’, *почём* – ‘откуда’, *похорони́ть* – ‘спрятать’, *путёвый* – ‘путевой’, *спрáвить* – ‘купить’, *тяжко* – ‘жарко’, *убрáться* – ‘умереть’, *шар* – ‘расстояние между «матками» (выступами) на потолке’.

В ходе исследования отмечены *акцентологические диалектизмы* – слова, отличающиеся от литературных слов местом ударения. Они представлены единичными именованиями: *высо́ко* – ‘высоко’, *далёко* – ‘далеко’, *нерóдная* – ‘неродная’, *приди́шь* – ‘придешь’ и др.

Таким образом, в говоре активно функционируют фонематические диалектизмы, выявлено 37 единиц. Продуктивную группу оставляют и словообразовательные диалектизмы – 34 лексемы. Семантических диалектизмов – 18, собственно лексических – 10 слов. Акцентологические диалектизмы представлены немногочисленно – 4 лексических единицы. Рассмотренные слова интересны как в плане содержания, так и в плане выражения.

Анализируя систему говора, становится понятно, что, кроме диалектизмов, активно употребляются и слова, являющиеся устаревшими в современном русском языке. Однако в Верхней Тойде они используются наравне с другими словами и понятны, видимо, всем жителям, т.к. функционируют в речи достаточно частотно.

В говоре широко употребляются следующие устаревшие слова: *избá* – ‘деревянный крестьянский дом и внутреннее строение дома’, *недои́мки* – ‘недостаток чего-то, то, что недобрано’, *нужда́* – ‘бедность’, *озя́бнуть* – ‘замёрзнуть’, *пя́тисте́нок* – ‘крестьянский дом из двух комнат и сенцев’, *слободá* – ‘деревня’, *сули́ть* – ‘обещать’, *убрáться* – ‘одеться, нарядиться’ и др.

В результате исследования получено представление о существующей в настоящее время системе диалекта и её особенностях. Появилась прекрасная возможность зафиксировать восприятие действительности носителем народной речи, её своеобразную репрезентацию в лексике самобытного говора. Полученные данные способствуют углублению наших знаний о современных процессах, происходящих в исследуемом диалекте как составляющей русского национального языка. Они помогут воронежским учёным-диалектологам в работе по типологизации воронежских говоров, проводимой под руководством Воронежского государственного педагогического университета. Очень важно сохранить такие яркие свидетельства функционирования живого народного слова для следующих поколений. Язык – развивающееся явление, и каково его будущее – ответить сложно.

В заключение отметим, что говор хранит глубокие знания о жизни в разных её проявлениях. Удивляешься особой красоте диалектных слов, их живучести во времени и восторгаешься интересному языку русской деревни, пережившей многие этапы истории и оставшейся местом, манящим к себе учёных, сохранившим тайны в россыпях народной речи.

Библиографический список

1. Акиншин А.Н., Андреева Р.В. Анна: за веком – век. Воронеж: Центр.-Чернозёмн. кн. изд-во, 1998. С. 393–394.
2. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Современная диалектная лексикография // История русской лексикографии. СПб.: «Наука», 1998. С. 529–570.
3. Недоступова Л.В. Природа и человек в лексике говора посёлка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области. Дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2013. С. 36.
4. Оссоветский И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. С. 24, 68–89.
5. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Ефремова Т.Ф. М.: Рус. яз. 2000. В 2 т. 1209 с. (Б-ка словарей рус. яз). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html>

References

1. Akinshin A.N., Andreeva R.V. Anna: from century to century. Voronezh, 1998. P. 393-394.
2. Kuznetsova O.D., Sorokoletov F.P. Modern dialect lexicography // History of Russian lexicography. St. Petersburg, 1998. P. 529-570.
3. Nedostupova L.V. Nature and man in the vocabulary of the dialect of the urban-type settlement Talovaya (Voronezh region). Dis. ... cand. philol. sciences. Voronezh, 2013. P. 36.
4. Ossowiecki I.A. Vocabulary of modern Russian folk dialects. Moscow, 1982. P. 24, 68-89.
5. New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational / Efremova T.F. Moscow, 2000. In 2 vos. 1209 p. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.dict.ru/slovar-efremovoy.html>

УДК 811.16

*Ивановский государственный университет
Филологический факультет
магистрант 2 курса
кафедры русского языка
и методики преподавания
Иванова И.А.
Россия, г. Иваново, +7 910 980 1483
e-mail: ilonkasum@mail.ru*

*Ivanovo State University
The department of philology
The chair of Russian language
and teaching methodology
The 2nd-year master student
Ivanova I.A.
Russia, Ivanovo, +7 910 980 1483
e-mail: ilonkasum@mail.ru*

И.А. Иванова

ИМЕНОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАЗДНИКА *РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ* В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Названия праздничных дат составляют особый пласт в лексической системе каждой нации. Являясь частью картины мира, они способствуют раскрытию языковой и культурной индивидуальности разных лингвокультур. Данная статья посвящена сопоставительному изучению русских и польских номинаций религиозного праздника *Рождество Пресвятой Богородицы*. Цель нашей работы – выявить сходные и различные черты в именовании указанной памятной даты на материале двух языков, один из которых (русский язык) относится к восточнославянской, а другой (польский язык) – к западнославянской группе языков. В качестве объекта исследования были взяты официальные и неофициальные названия этого церковного празднества в указанных современных славянских языках; предметом изучения стали семантические и структурные особенности выявленных номинаций. В процессе работы нами были использованы следующие научные методы: описательный метод, сопоставительный метод, а также метод сплошной выборки из словарных источников и материалов всемирной сети Интернет. Такой подход, на наш взгляд, позволил выявить структурно-семантические особенности не исследованных ранее официальных и неофициальных названий *Рождества Пресвятой Богородицы*. На основе проведенного анализа было обнаружено универсальное и специфическое в структуре и семантике русских и польских названий церковного праздника *Рождества Пресвятой Богородицы*. Предпринятое исследование вносит определенный вклад в развитие сопоставительного языкознания: полученные результаты могут быть использованы не только при чтении таких курсов, как лингвокультурология и контрастная лингвистика, но и в преподавании современных славянских языков в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: геортоним, семантика, структура, славянские языки, сходство, различие.

I.A. Ivanova

NAMES OF THE RELIGIOUS HOLIDAY OF *THE NATIVITY OF THE BLESSED VIRGIN* IN RUSSIAN AND POLISH

Names of holidays are a special group in the lexical system of every nation. As a part of the picture of the world, they promote the linguistic and cultural individuality of different cultures. The article devoted to the study of the names of *The Nativity of the Blessed Virgin*. The authors attempt to identify similar and different characteristics of the holiday names on the example of the two languages belonging to the East Slavonic and West Slavonic language groups. The object of research is Russian and Polish names of this religious holiday, the subject of research are semantic and structural features of the memorable date. The authors used the following scientific methods: description, correlation and the method of selection of official and unofficial names of *The Nativity of*

the Blessed Virgin from the dictionary sources and the material of the Internet. This approach allows us to reveal previously unexplored aspects of the formal and folk names of this religious holiday. The results disclose the differential and integral structural-semantic features of *The Nativity of the Blessed Virgin*. This study contributes to the development of comparative linguistics, because it allows revealing the structural and semantic specifics of the names of the memorable dates in Russian and Polish languages. The materials of study can be used not only in such courses as cultural linguistics, contrastive linguistics and contrastive cultural linguistics, but also in teaching modern Slavonic languages in higher education institutions.

Key words: the name of the holiday, semantics, structure, Slavonic languages, similarity, difference.

Религиозные празднества – особый феномен в культурной традиции каждой нации. Эти памятные даты функционируют в течение длительного периода времени и вбирают в себя не только религиозную обрядовость, но и множество народных примет и обычаев. Указанные особенности находят отражение в наименованиях церковных праздников, или геортонимах (под термином «геортоним» мы подразумеваем «вид идеонима, собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля» [4; с. 48]).

Все геортонимы можно условно разделить на две группы: официальные и народные названия. При этом, в основном, неофициальных именовании больше, чем официальных. Например, праздник *Рождество Иоанна Предтечи* в общей сложности имеет двадцать два наименования в русском языке и два в польском языке, а *Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* – двадцать русских и восемь польских именовании. В данной статье будут рассмотрены все варианты наименований в русском и польском языках одной из важнейших памятных дат – *Рождество Пресвятой Богородицы* (десять русских и пятнадцать польских названий).

Впервые празднество зафиксировано в неканоническом апокрифическом Протоевангелии Иакова во II веке. *Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* или *Рождество Пресвятой Богородицы*, *Рождество Богородицы* (польские варианты – *Narodzenie Najświętszej Maryi Panny*, *Narodzenie Najświętszej Bogurodzicy*) – первый праздник в новом церковном году у православных христиан. В русской традиции *Рождество Богородицы* имеет следующее толкование: «Рождение Девы Марии в семье праведных Иоакима и Анны, праздник в исторических церквях. Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская православные церкви, а также Украинская грекокатолическая церковь (в пределах Украины), старообрядцы и некоторые иные празднуют Рождество Богородицы по юлианскому календарю (старому стилю) – 8 (21) сентября» [5]. В польских источниках находим следующее: «historia apokryficzna z Protoewangelii Jakuba. Sama ewangelia nie weszła do kanonu Kościoła katolickiego, lecz święto *Narodzenia Najświętszej Maryi Panny* obchodzone jest oficjalnie przez Kościół 8 września (история апокрифа из Евангелия Иакова. Само Евангелие не вошло в канон католической Церкви, но праздник *Рождества Пресвятой Богородицы* официально празднуется церковью 8 сентября)» [7]. Таким образом, толкование праздника в восточнославянской и западнославянской традиции оказывается сходным. Однако наблюдаются некоторые различия: в датах празднования и ранге памятной даты. Если в России праздник отмечается 8 сентября, то в Польше – 21 сентября, в день осеннего равноденствия. Происходит это из-за разницы принятых календарных систем: общеизвестно, что православные государства используют юлианский календарь (согласно которому каждые 128 лет до XVI века прибавлялись лишние сутки), тогда как католические государства придерживаются григорианского календаря, в котором указанная разница скорректирована путем вычитания прибавленных дней.

Нельзя не отметить и тот факт, что в православной христианской традиции памятная дата принадлежит к числу двенадцатых праздников (важнейших после Пасхи православных празднеств, посвященных событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы). У католиков *Narodzenie Najświętszej Maryi Panny* считается литургическим праздником, то есть входит во вторую по значимости категорию церковных дат. Таким образом, в России *Рождество Пресвятой Богородицы* имеет высший статус в системе религиозных праздников, тогда как в Польше таким рангом обладают только торжества (наиболее важные католические религиозные праздники), например, *Objawienie Pańskie* (*Богоявление*) и *Zwiastowanie Pańskie* (*Благовещение*).

В восточнославянской народной традиции можно обнаружить и другие, народные варианты названия памятной даты: *Осенины*, *Вторая встреча осени*, *Вторые осенины*, *Праздник урожая*, *Малая Пречистая*, *Вторая Пречистая*, *Богородицын день* (польские варианты – *Narodzenie Maryi*, *Bogarodzica*, *Dzień Narodzin Najświętszej Panny Siewnej*, *Matka Boska Siewna*, *Matka Boska Żytosiewna*, *Odpust Matki Boskiej Siewnej*, *Siewna*, *Gruszki*, *Gruszkowy odpust*, *Jablka*, *Jabłkowy odpust*, *Węgorzowy odpust*).

Названия *Богородицын день* и *Bogarodzica* символизируют, что этот день посвящен чествованию Богородицы.

Именованья *Малая Пречистая* и *Вторая Пречистая* подчеркивают факт непорочности Девы Марии – именно на это указывает лексема «Пречистая», а также устанавливают определенную связь празднества с другой важнейшей памятной датой – *Успением Пресвятой Богородицы* (28 августа), которая имеет сходные народные варианты названия: *Первая Пречистая* и *Большая Пречистая*. Такое разделение праздников на *Первую Пречистую* и *Вторую Пречистую* не случайно, поскольку, как отмечает Архимандрит Амвросий, «родилась Богородица в земную жизнь, с ее искушениями и скорбями, а после смерти Она вошла в блаженную вечность. Неслучайно и Воскресение Господне больший праздник, чем Его Рождество» [2].

Такие русские геортонимы, как *Осенины*, *Вторые осенины* и *Вторая встреча осени* связаны с приметами наших предков: считалось, что с момента празднования *Первых осенин*, то есть в день памяти Симеона Столпника (14 сентября), согласно народному календарю окончательно наступала осень.

И в русской, и в польской традиции среди неофициальных именованья *Рождества Пресвятой Богородицы* большое количество названий соотносится с характером сельскохозяйственных работ в данное время года. Так, название *Праздник урожая* связано с тем, что к этому дню необходимо было завершать сбор урожая, как яровых, так и огородных культур, не забывая при этом благодарить Богородицу за собранные дары [1; с. 101]. У поляков в *Рождество Пресвятой Богородицы* «было принято делать первый посев озимых» [3], поэтому в польском языке есть такие народные названия этой даты, как *Dzień Narodzin Najświętszej Panny Siewnej* («День рождения Святейшей Богородицы Посевной»), *Matka Boska Siewna* («Богородица Посевная»), *Odpust Matki Boskiej Siewnej* («Снисхождение Богородицы Посевной»), *Siewna* («Посевная») и *Matka Boska Żytosiewna* («Богородица, сеющая рожь»).

Через польские номинации *Gruszki*, *Gruszkowy odpust* («Груша», «Грушевый праздник») и *Jablka*, *Jabłkowy odpust* («Яблоко» и «Яблочный праздник») прослеживается связь именованья праздника с поспевающими к этому периоду времени плодовыми культурами.

Рождество Пресвятой Богородицы имеет в Польше и такое название, как *Węgorzowy odpust* («Праздник угрей»), связанное, вероятно, с народными приметам: в это время в польских реках появляются угри.

Обращаясь к анализу структуры, можно отметить, что сходным, без учета особенностей графики, оказывается компонентный состав таких официальных наименований памятной даты в польском и русском языках, как *Рождество пресвятой Богородицы* и *Narodzenie Najświętszej Bogurodzicy*. Соотносимым по структуре с этими лексемами можно назвать и польский геортоним *Narodzenie Najświętszej Maryi Panny*, поскольку в католической церкви Богородица в большей степени представлена под именем Дева Мария.

Остальные наименования в исследуемых языках не могут быть соотнесены подобным образом. Полное официальное русское именование *Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* являет собой дословный перевод с древнегреческого названия праздника Γενέθλιον τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας. Наиболее употребительным в русской традиции можно назвать геортоним *Рождество Богородицы*, которому в большей степени соответствует польский вариант *Narodzenie Maryi* (с учетом особенностей номинации Богоматери в Польше). Народные именованья мотивированы разными народными приметам, такими, как: время года (*Осенины, Вторые Осенины, Вторая встреча Осени*), сбор урожая (*Праздник урожая, Gruszki, Gruszkowy odpust, Jablka, Jabłkowy odpust*), посевные работы (*Dzień Narodzin Najświętszej Panny Siewnej, Matka Boska Siewna, Odpust Matki Boskiej Siewnej, Siewna, Matka Boska Żytosiewna*).

Большинство русских и польских наименований праздника представляет собой словосочетания, построенные по следующим моделям: «существительное в именительном падеже + прилагательное» (восемь именованний), «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже» (девять названий). Среди выявленных именованний есть пять однословных геортонимов: суффиксальные названия *Осенины, Siewna*, сложно-суффиксальное образование *Bogarodzica* и бессуффиксные диалектные именованья *Gruszki* [6; s. 182] и *Jablka* [6; s. 201]. Следует отметить универсальные модели номинации, присущие обоим языкам: «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже», «существительное в именительном падеже + прилагательное». Только в русском языке есть наименования этого религиозного праздника, построенные по структурно-номинативным схемам «существительное в именительном падеже + прилагательное + существительное в родительном падеже» (*Вторая встреча осени*) и «существительное + порядковое числительное» (*Вторые осенины*).

Анализ особенностей значения русских и польских названий религиозного праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* показал, что семантика официальных именованний в обоих славянских языках в целом оказывается сходной. Однако большинство народных названий, таких, как *Праздник урожая, Малая Пречистая* или *Matka Boska Siewna, Węgorzowy odpust*, характерно только для одного из языков. В основе этих номинаций лежат разные признаки. Основная часть русских и польских именованний праздника построена по сходным номинативным моделям. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что универсальных черт, присущих русским и польским геортонимам, обозначающим *Рождество Пресвятой Богородицы*, больше, чем специфических.

Библиографический список

1. Алмазов С.Ф., Питерский П.Я. Праздники православной церкви. М.: Госполитиздат, 1962. 256 с.
2. Богородица не пользуется новым календарем. Интервью Архимандрита Амвросия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diveevo.ru/2/0/201/3219/> (дата обращения: 08.02.2018).
3. Осенины. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Осенины> (дата обращения: 11.01.2018).
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Изд-во Наука, 1988. 200 с.
5. Рождество Пресвятой Богородицы. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рождество_Пресвятой_Богородицы (дата обращения: 12.01.2018).
6. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 862 s.
7. Narodzenie Najświętszej Maryi Panny. [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Narodzenie_Naj%C5%9Bwi%C4%99tszej_Maryi_Panny (дата обращения: 11.01.2018).

References

1. Almazov S.F., Piterski P.Y. The holidays of the Orthodox Church. Moscow, 1962. 256 p.
2. The Virgin does not use the new calendar. Interview of Archimandrite Ambrose. [Electronic source]. URL: <http://www.diveevo.ru/2/0/201/3219/> (date of application: 08.02.2018).
3. Oseniny. [Electronic source]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Осенины> (date of application: 11.01.2018).
4. Podolsky N.V. The dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1988. 200 p.
5. The Nativity of the Blessed Virgin. [Electronic source]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рождество_Пресвятой_Богородицы (date of application: 12.01.2018).
6. Boryś W. Etymological dictionary of the Polish language. Krakow, 2005. 862 p.
7. Narodzenie Najświętszej Maryi Panny. [Electronic source]. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Narodzenie_Naj%C5%9Bwi%C4%99tszej_Maryi_Panny (date of application: 11.01.2018).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК[811.111:811.161.1]255.4:791.44.0244

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка магистратуры 2 курса специ-
альности «Перевод»
Ковтун И.А.
ЛНР, г. Луганск, +79888978514
e-mail: mesho4ek91@yandex.ua*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The 2nd-year master student
of the specialization «Translation»
Kovtun I.A.
LNR, Lugansk, +79888978514
e-mail: mesho4ek91@yandex.ua*

И.А. Ковтун

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ ФИЛЬМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Целью данной статьи является определение свойств и средств перевода, применяемых при переводе названий английских фильмов. В статье анализируются особенности и проблемы перевода названий кинофильмов, исследуются способы их перевода на русский язык. Исследуются свойства перевода заголовков фильмов, подчеркивается важность их адекватной передачи в современном мире глобализации, изучаются переводы некоторых заголовков. Обосновывается значимость грамотного подхода к переводу кинофильмов и их названий на другие языки, в частности, на русский язык. Также в статье приводится историографический очерк, который связан с историей происхождения заголовков и названий фильмов, предоставляются определения понятий. Методами проведения работы является теоретический анализ заголовков по теме исследования, сравнение и обобщение, статистическая обработка материала. Полученные результаты и их новизна состоят в том, что в статье анализируются названия современных англоязычных фильмов с позиций их функциональных, структурно-семантических и стилистических особенностей. Результаты исследования могут найти применение в научно-исследовательской деятельности для дальнейшей разработки теоретических проблем передачи заголовка на материале других языков. В статье сделан вывод о том, что киноуспех во многом зависит от удачного перевода названия и адекватности перевода заглавий фильмов, которая в свою очередь состоит в правильном представлении иностранной культуры, переданной через кино.

Ключевые слова: название фильма, заглавие, перевод, стратегия перевода, проблемы перевода, кинематограф.

I.A. Kovtun

SPECIFIC OF TRANSLATION OF MOVIE TITLES FROM ENGLISH TO RUSSIAN

The purpose of this article is to determine the properties and means of translation used by translators when translating the titles of English films. The article analyzes the peculiarities and problems of translation of the movie titles. The article deals with the specific translation of movie titles and it emphasizes the importance of adequate translation within today's globalization, basic movie titles functions are determined, some translation samples of movie titles are analyzed. The article substantiates the importance of a competent approach to translating motion pictures and their titles into other languages, in particular, into the Russian language. This article also gives a historiographical essay which is related to the history of the origin of film titles, and provides the definitions of the concepts. The methods of conducting the work is a theoretical analysis of the titles on the re-

search topic, comparison and generalization, statistical processing of the material. The received results and their novelty are the article analyzes the names of contemporary English films from the standpoint of their functional, structural, semantic and stylistic features. The results of the research can find application in research activities for further development of theoretical problems of transferring the title to the material of other languages. The conclusion is made about the importance of the title for the movie success and the adequacy of the translation of the film titles, which consist the correct presentation of the foreign culture transmitted through the cinema.

Key words: the title of the film, the title, the translation, the translation strategy, the problems of translation, cinema.

Целью данной статьи является определение прагматических свойств перевода заглавий фильмов с английского на русский язык, а также выявление средств перевода, применяемых переводчиками кинопрокатной компании, которая официально выпускала фильм в прокат.

Объектом исследования являются заголовки английских кинокартин, предметом изучения станут варианты их перевода в российском прокате. Настоящая тема мало освещалась в научных работах по причине сравнительно недавнего зарождения данного направления искусства, как кинематограф, что обуславливает актуальность статьи.

Кинематограф - это одно из известнейших и вместе с тем одно из новейших направлений искусства наших дней. Ежегодно в мировой прокат выходит огромное количество фильмов на различные темы, но признанность фильма зачастую в первую очередь зависит от его заголовка. Результаты психологических исследований доказывают, что приблизительно 80 % читателей газет и журналов обращают внимание только на названия [1; с. 2].

Заголовок передает первый сигнал того, что будет осуществляться, передает вкратце главную мысль или тему произведения. Определение заглавия несложно. К примеру, Ожегов С.И. определяет заглавие как «название какого-либо произведения или отдельных его частей» [2; с. 75].

По словам Маргетит Энгберг, «заглавие отображает неповторимую суть книги, игры, кино, музыкальной композиции или иной работы». В начале кинематографической эры киноленты были маленькими, длиною всего лишь в несколько минут. Они не всегда были сюжетными картинками, в основном это были обыкновенные описания будничной жизни, сцены реальности. Тот факт, что большая часть кинофильмов до 1900 года не были сюжетными, играл огромную роль и в процессе создания заглавий: они выглядели как обыкновенные объясняющие подписи или же как газетные заголовки, но не так, как названия романов или театральных спектаклей [5; с. 49].

Можно отметить, что создатели кинофильмов стремились к производству документальных фильмов как реконструкции действительности, а не вымысла. К этому времени уже назрела значительная проблема: либо фильм рассказывает историю из реальной жизни, и, таким образом, название призвано обозначить его как метонимию действительности, или же кинофильм является выдумкой, метафорой, и название его может быть подобно названию романа. В первом случае фильм станет своего рода зрительным репортажем, скорее похожим на газетную статью, с заглавием, которое соответствует такому подходу [4; с. 56].

Перевод названий фильмов интересен со многих точек зрения: современная публика получает огромное множество переведенных артефактов в разных формах перевода (синхронный перевод, субтитры, двойные субтитры). Количество материала влияет на качество этого перевода: при переводе иностранных фильмов нередко допускаются разного рода ошибки, неточности, вмешательства. Название кинофильма зачастую несет функцию идентификации актера или режиссера, реализуется в рамках соответствующего коммуникативного подхода. Подобная идентификация нередко касается визуализации персонажа и появления актера. Наиболее удачным этот шаг может стать в случае, если есть потребность в идентификации малоизвестного иностранного артиста.

Неточности и упущения в переводах названий кинофильмов могут привести к коммуникативному краху, ведь многие трудности часто возникают в процессе идентификации какого-либо фильма. Наблюдения доказывают, что названия современных фильмов (а также анимации и документальных кинолент) в нынешних публицистических изданиях в основном появляются в двуязычном варианте.

К примеру, фонетические варианты перевода, использованные в названии американского комедийно-драматического сериала, вышедшего в 1997 году: «Ali McBill» – «Али Макбилл», «Элли Макбил».

Самыми распространенными вариантами является лексико-синонимичная замена. Ниже указаны примеры:

- «Pirates of the Caribbean: The Curse of the Black Pearl» – «Пираты Карибского моря: Проклятие Черной жемчужины»; "Карибские пираты: Проклятие Черной жемчужины»; «Пираты Карибов: Проклятие Черной жемчужины».

- «The Lord of The Rings: Two Towers» – «Властелин колец: Две башни»; «Властелин колец: Две крепости».

Перевод названий кинолент представляют широкий материал для разбора типов эквивалентности, интерференции, речевых ошибок. Модификация и трансформация заглавий в исходном языке также представляют интерес в аспекте обнаружения и сравнения тенденций перевода. При переводе названий кинокартин может наблюдаться адаптация различных видов. К примеру: «Shallow Hal» – «Любовь Зла»; «Трудная влюбленность»; «Orange Country» – «Оранжевое Графство»; «Апельсиновый Край»; «Страна чудаков».

Для того, чтобы перевод получился понятным и естественным для зрителей, нужно учитывать все аспекты вариативности в переводе. Важным также является и когнитивный подход.

Нынешняя стадия совершенствования языка и лингвистики характеризуется большим количеством попыток ученых снова постигнуть общие языковые понятия и события со стороны культурно-когнитивного подхода. Теория перевода не станет исключением. Когнитивный аспект перевода мало изучен и определенно интересен современной лингвистике и переводоведению. Постановка и изучение данной проблемы обязательны в первую очередь для установления самой результативной переводческой стратегии при воспроизведении того или иного типа информации, существующего во фразеологических единицах и фразах, которые применяются в тексте-источнике. Заинтересованность ученых к сфере когнитивного подхода к переводу растет, так как теперешнее состояние гуманитарной науки, с одной стороны, и реальные условия поменявшегося мира с другой нуждаются в современном осмыслении проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нашего времени. Передача безэквивалентных реалий английского языка – дело довольно нетривиальное. Решение задачи о выборе окончательного приема будет непосредственно обусловлено задачей, которая поставлена перед переводчиком: соблюсти колорит языковой единицы с небольшим ущербом для семантики или показать суть реалии (если она неизвестна), потеряв при этом колорит.

Разработчики кинофильмов отлично знают функции всестороннего влияния своих фильмов на международном рынке, и это немудрено – доходы от проката отдельных кинофильмов за рубежом составляют половину всех прибылей от них. Вот почему одним из главных условий новой голливудской маркетинговой стратегии являются красивые заголовки кинокартин, демонстрируемых за границей, которые могут произвести впечатление и на зарубежную аудиторию. Для этого нужно, чтобы заглавие обладало сравнительно похожим действием как на исходного, то есть американского зрителя, так и на зрителя в целевых регионах, а поэтому нужно обратить внимание на культуру целевой аудитории. При этом заголовок должен сообщать о сути картины только главное.

Итоговое название фильма утверждает студия, которая поставляет фильм на территорию России. Остается вопросом, принимает ли студия-производитель участие в одобрении конечного заголовка. Правда в том, что возможность этого сотрудничества зависит от того, о каком фильме и какой студии говорится. В основном решение о названии кинофильма в будущем принимают на основе опыта менеджеры компании-распространителя, то есть основной целью будет формирование примечательного заголовка, который бы смог вызвать интерес у наиболее широких слоев публики.

Возьмем, к примеру, заголовок кинофильма *Get Smart*, который в разных странах был переведен как:

Dostaňte agenta Smarta (Чехия, Словакия, Польша) – пример жанровой адаптации;

«Супер-агент 86» (Мексика, Испания) – жанровая и сюжетная адаптация;

«Напряги извилины» (Россия) – смысловая адаптация;

Max la Menace – «Макс – угроза» (Франция) – смысловая адаптация;

Agent Smart: Casino Totale (Италия) – жанровая и сюжетная адаптация;

Mini-Max (Германия) – смысловая адаптация;

дословно: «Этот шпион толковый или нет?» (Тайвань) – смысловая и жанровая адаптация;

дословно: «Бестолковый шпион» (Китай) – смысловая и жанровая адаптация.

Специфической чертой переводческой стратегии в России является то, что компании-распространители пытаются воздерживаться от сохранения первоначального заголовка. Речь идет в первую очередь о фильмах, которые ориентированы на молодежную аудиторию, в основном имеющую необходимые знания языка, при этом о фильмах уже достаточно известных и сопровождаемых большой рекламной кампанией, то есть о крупнобюджетных голливудских кинофильмах, или «блокбастерах», как их часто называют. Названия подобных фильмов в России переводятся с минимальными изменениями. Сравним:

Kill Bill - «Убить Билла»;

Pulp Fiction - «Криминальное чтиво»;

Walk the Line - «Переступить черту».

Рассмотрев названия фильмов, которые были переведены на русский язык, можно сделать вывод о том, что для местной переводческой стратегии более свойственна смысловая адаптация, которую также можно назвать адаптацией сюжетной, например:

Avalon: Beyond the Abyss – «Авалон: Подводная миссия»;

Babe – «Бэйб: Четвероногий малыш»;

The Big Green – «Азбука футбола» и т.д.

Очередной характерной чертой русской переводческой ситуации является тот момент, что в рецензиях и в прессе параллельно могут присутствовать несколько названий одного и того же фильма, разные источники приводят разные версии, и бывает очень непросто узнать, какая из них официальная. Помимо этого, может различаться название фильма в кинопрокате и в видеопрокате, или заглавие фильма, который был выпущен в прокат некоторое время назад, и его новая версия. К примеру, название драмы *The Hours* было переведено как «Часы», «Времена» и даже «Времена, час за часом». Аналогичный пример: *The Waterboy* – «Водонос», «Маменькин сынок», «Маменькин сыночек: Водонос».

Наиболее часто встречающимся случаем разночтений и существования нескольких вариантов названий являются лексико-синонимические варианты, при этом один из них, как правило, представляет собой дословный перевод. Например:

Usual Suspects – «Подозрительные лица», «Обыкновенные подозреваемые»;

Crazy Bus – «Сумасшедший автобус», «Взбесившийся автобус»;

My Big Fat Greek Wedding – «Моя большая греческая свадьба», «Толстая греческая свадьба».

Данная ситуация в российской кинопродукции стала уже настолько обыденной, что оценивание выбранного варианта названия становится частью рецензий критиков.

Следующим вариантом названий, отличающихся в кинопрокате и видеопрокате, являются названия, которые были расширены популярной цитатой из этого кинофильма. Так, например, название знаменитого фильма *The Shawshank Redemption*, который знают как «Побег из Шоушенка», в видеопрокате получил название «Побег из Шоушенка: Не пойман – не вор».

Согласно мнению некоторых критиков, необходимость таких трансформаций объясняется низкой культурной подготовленностью отечественной массовой аудитории. Многие ее представители не имеют необходимых базовых знаний о киноиндустрии, имена режиссеров и актеров не являются для них решающими, поэтому компании-распространители в какой-то степени должны упростить названия фильмов, которые ни о чем не говорят среднестатистическому зрителю. Такое отсутствие знаний у отечественного зрителя вызвано ситуацией, которая сложилась в России в отношении кинематографа, а именно с распространением информации о нем. По-настоящему серьезные сведения о нем имеются в доступе у сравнительно узкого круга людей, что связано с дефицитом специализированных средств массовой информации, как печатных, так и телевизионных.

Помимо этого, в силу специфичности исторического развития страны русская публика была на протяжении длительного времени изолирована от мировой культуры. Несмотря на то, что в последние десятилетия ситуация очень сильно изменилась, некоторые пробелы в общей информированности, включая киноиндустрию, сохранились. Для примера можно рассмотреть ситуацию, которая связана с жанром комиксов. В России до настоящего времени комиксы, как и их экранизации, преподносятся как несерьезный жанр, который предназначен в первую очередь для детской публики, между тем повсеместно комиксовая индустрия является развитой, не уступает по оборотам кинематографу, а экранизации комиксов часто становятся одними из самых высокобюджетных кинофильмов. Следовательно, недостаток информированности российской аудитории приходится восполнять с помощью трансформации заголовков кинокартин, в том числе, как уже говорилось ранее, смысловой адаптации.

Частым случаем, при котором употребляется трансформация первоначального заголовка, является перевод названий фильмов, содержащих имена собственные. В тех ситуациях, когда заголовок состоит лишь из имени собственного либо клички героя, часто совершается расширение информационной основы:

Norbit – «Уловки Норбита»;
Constantine – «Константин: Повелитель тьмы»;
Hellboy – «Хеллбой: Герой из пекла»;
Alfie – «Красавчик Алфи»;
Hitch – «Правила съема: метод Хитча»;
Starsky & Hutch – «Убойная парочка: Старски и Хач».

Бывают и такие случаи, когда в результате смысловой трансформации из оригинального названия полностью убирается имя собственное:

Being Julia – «Театр»;
Griffin & Phoenix – «На краю счастья»;
Raising Helen – «Модная мамочка»;
Life Aquatic with Steve Zissou – «Водная жизнь»;
Nanny McPhee – «Моя ужасная няня».

Также проблемой при расширении информационной основы заголовка фильма является и тот факт, о котором уже говорилось выше, а конкретно неполная информированность самих переводчиков или распространителей о сюжете фильма. Следовательно, имеют место ситуации, когда переводчик, желая упростить название фильма или сделать его более понятным для потенциального зрителя, совершает ошибку. В ча-

стности, при интерпретации кинофильма Constantine на русский язык было выбрано название «Константин: Повелитель тьмы», которое, судя по всему, должно было добавить фильму привлекательности и сделать его более заманчивым для российской аудитории. Но при этом заголовок содержит фактическую ошибку, ввиду того, что главного героя кинофильма, которого зовут Constantine, явно нельзя обозначить эпитетом «Повелитель тьмы», так как он был, скорее всего, бойцом с тьмой, нежели ее сторонником. К сожалению, такие ошибки встречаются очень часто.

Другим типом ошибок является употребление «ложного эквивалента». Как замечает А.В. Федоров, «ложный эквивалент – это слово, полностью или частично совпадающее по звуковой или графической форме с иноязычным словом (или близкое к нему) при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение» [3; с. 165-168]. Такого рода сходство может быть причиной большого количества ошибок. Возьмем, к примеру, название фильма Resident Evil, которое было переведено на русский язык как «Обитель зла», так как английское слово resident созвучно русскому «резиденция». Resident, тем не менее, имеет значение «постоянный», поэтому более адекватным переводом могло бы быть заглавие «Постоянное зло» или «Вечное зло».

В настоящей статье были рассмотрены проблемы перевода названий фильмов как важнейшая этнолингвистическая задача, представляющая собой обобщение теоретических материалов с долей иллюстрирующих примеров, являющихся базой для рассмотрения непосредственных стратегий перевода названий кино. Отмечена важная роль адекватности перевода заглавий фильмов, которая в свою очередь состоит в правильном представлении иностранной культуры, переданной через кино.

Библиографический список

1. Мадонич А.А. Особенности перевода названий кинофильмов с английского и немецкого языков. Стратегии адаптации / А.А. Мадонич // Перевод и переводоведение. 2014. 52 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М: Наука, 1973. 365 с.
4. Ellis, John. Visible Fictions/ John Ellis - London and New-York, Routledge, 1992. 86 p.
5. Engberg, Marguerite. Dansk stumfilm/ Marguerite Engberg -Kobenhavn, Rhodos, 1977. 75 p.

References

1. Madonich A.A. Specificity of the translation of the movies names from English and German. Adaptation strategies / A.A. Madonich // Translation and Translation Studies, 2014. 52 p.
2. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. Moscow, 1984. 797 p.
3. Superanskaya A.V. General theory of the proper name. Moscow, 1973. 365 p.
4. Ellis, John. Visible Fictions/ John Ellis - London and New-York, Routledge, 1992. 86 p.
5. Engberg, Marguerite. Dansk stumfilm/ Marguerite Engberg -Kobenhavn, Rhodos, 1977. 75 p.

УДК 811.112.2'373.612.2

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Колесник Т.И.
ЛНР, г. Луганск, +380660715568
e-mail: taiko.siren@gmail.com*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and
Germanic philology,
Lecturer Kolesnik T.I.
LNR, Luhansk, +380660715568
e-mail: taiko.siren@gmail.com*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка филологического факульте-
та, 2 курса магистратуры
специальность: язык и литература
(немецкий, английский)
Юркина М.Ю.
ЛНР, г. Луганск, +380994066019
e-mail: maria.jurkina13@gmail.com*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The department of philology
Qualification: language and literature
(German, English)
The 2nd-year master student
Yurkina M.Y.
LNR, Luhansk, +380994066019
e-mail: maria.jurkina13@gmail.com*

Т.И. Колесник, М.Ю. Юркина

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена вопросу о природе метафоры, о разнообразии её видов, а также о механизме функционирования метафорического переноса. Актуальность исследуемой темы определяется тем, что метафора имеет очень широкий спектр воздействия: начиная с простейших словосочетаний и заканчивая сложными, абстрактными и узконаправленными понятиями. Метафора – это социальное явление, которое относится не только к людям, но и охватывает все сферы деятельности, с которыми связан человек. В данной работе представлено несколько классификаций метафоры, каждая из которых имеет свои подгруппы и особенности. Исследование метафоры и разнообразие подходов к данному средству образности является подтверждением тому, что метафора – это многогранное понятие, двойственное семантическое измерение, поэтому взгляды лингвистов не всегда совпадают; создание единой классификации не представляется возможным. Цель работы состоит в исследовании видов метафоры, изучении различных мнений лингвистов о видах метафорического переноса, его классификаций, а также в рассмотрении функциональности метафоры и особенности её употребления. В результате проведённого исследования было выяснено, что каждый лингвист выделяет свои особенности функционирования метафорического переноса, а потому не существует общей классификации метафор, одна классификация дополняет другую, что делает метафору многогранной. Помимо классификаций, приведенных исследователями, было выяснено, что существует несколько подвидов и разновидностей метафоры такие, как персонификация, аллегория, символ, синестезия, антономазия, метонимия и бахуврихи. Данные стилистические средства имеют широкий изобразительно-выразительный спектр: они усиливают значение, смысл, передают различные качества и проч. В процессе работы были использованы следующие методы: метод классификации при рассмотрении различных мнений лингвистов о функциональности и видовых категориях метафоры, а также метод теоретического анализа при работе с научной литературой. Данная статья может быть использована для проведения дальнейших исследований в области функционирования метафорических переносов и их видовых классификаций.

Ключевые слова: метафора, стилистическое средство, классификация, функциональность, исследование, лингвист.

T.I. Kolesnik, M.Yu. Yurkina

TO THE QUESTION OF TYPOLOGY OF METAPHORS (ON THE MATERIAL OF GERMAN LANGUAGE)

This article is devoted to the question of metaphor nature, the variety of its types and also to the mechanism of functioning of metaphorical transfer. The actuality of the research is defined by the fact that metaphor has very wide range of influence: starting with the simplest phrases and finishing with difficult, abstract and narrowly targeted concepts. Metaphor is a social phenomenon which concerns not only people, and covers all spheres of action with which the person is connected. In this work several classifications of a metaphor are presented, each of which has own subgroups and features. The research of metaphor and a variety of approaches to this expressive mean is confirmation to the fact that the metaphor is a many-sided concept, dual semantic measurement therefore views of linguists not always coincide; creation of united classification is not possible. The aim of this work consists in a research of types of metaphor, to study the different opinions of linguists on types of metaphorical transfer, its classifications and also to consider functionality of metaphor and peculiarity of its use. As a result of the conducted research it was revealed that each linguist marks out the features of functioning of metaphorical transfer, and therefore there is no general classification of metaphors, one classification supplements another that does metaphor many-sided. Besides the classifications given by researchers it was revealed that there are several subspecies and types of metaphor such as personification, allegory, symbol, synesthesia, antonomasia, metonymy and bakhuvrikhi. These stylistic devices have a wide figurative and expressive range: they amplify meaning, sense, transfer various qualities and so forth. In the process of work the following methods were used: a classification method, by considering the different opinions of linguists on functionality and specific categories of metaphor and also a method of the theoretical analysis by working with scientific literature. This article can be used for implementation in the further researches in the field of functioning of metaphorical transfers and their specific classifications.

Key words: metaphor, stylistic means, classification, functionality, research, linguist.

Понятие «метафора» рассматривается не просто как красивое стилистическое средство, которое служит для создания образности и благозвучного текста. Она отражает объективную действительность, оценивает и характеризует её. Другими словами, она порождает новое понятие, наполняя его особым смыслом. Метафора помогает описать и объяснить абстрактное или малознакомое путём конкретного и распространённого.

Метафора как средство образной выразительности явление многогранное, поэтому исследователи разграничивают несколько типов метафорических классификаций, их видов и функций.

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора рассматривается в качестве механизма мышления. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, утверждают авторы, что они заложены в понятийной системе человека. Иными словами, метафорично прежде всего мышление. Художественные средства помогают осмыслить абстрактное понятие путём перенесения его свойств на материальный предмет, совместить новое знание с уже известным.

Американские исследователи различают три основные группы концептуальных метафор: ориентационные, онтологические и структурные.

1. Ориентационные метафоры. Это вид метафорических концептов, которые не структурируют один концепт в терминах другого, а организуют целую систему концептов относительно другой системы. Многие из них связаны с ориентацией в пространстве: «верх – низ», «внутри – снаружи», «центральный – периферийный» [2, с. 35]. Ориентационные метафоры дают множество метафорических понятий, имеющие пространственную основу. В наше время данные метафоры зачастую используются в уже устоявшихся выражениях. Так, например, состояние счастья и радости ассоциируется с подъёмом, полётом, а состояние удручённости и грусти, напротив, как бы тяготеет над человеком и тянет его вниз.

2. Под онтологическими метафорами понимают восприятие событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ [2, с. 49]. Главная задача метафор такого типа – объяснить абстрактное путём конкретного. Онтологические метафоры классифицируют и разграничивают абстрактные понятия. Посредством метафор данного типа, события, состояния и различные действия легче поддаются пониманию. Понятие становится вместилищем информации.

3. Структурные метафоры позволяют значительно больше, чем просто ориентировать понятия, обращаться к ним, квантифицировать их, что мы делаем с простыми ориентационными и онтологическими метафорами: они дают нам возможность использовать одно высокоструктурированное и чётко выделяемое понятие для структурирования другого [2, с. 97]. Метафоры данного типа дают возможность структурировать концепт, путём использования понятий из других областей знаний т.е. один концепт конструируется через призму другого концепта.

Таким образом, каждая из вышеперечисленных метафор выделяет одни стороны того или иного понятия, а другие затемняет.

В. Москвин предлагает выделять «четыре основных обстоятельства, определяющих систему параметров классификации: своеобразие плана содержания и выражения, сильная зависимость от контекста, а также функциональная специфика метафорического знака» [3, с. 122]. В соответствии с данными параметрами, выделяются три варианта классификации: семантическая, структурная и функциональная.

1. Семантическая классификация (содержательная структура метафоры) подразделяется на:

– классификацию метафор по вспомогательному субъекту (группировка метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в их основе: *рыбная ловля (an die Angel gehen – попасться на удочку)*, *шахматная игра (Rösselsprung, Schachzug – ход конём)*, *театр (eine Szene machen – устроить сцену)*);

– классификацию метафор по основному субъекту (в качестве субъекта выступают оттенки, количество: *das Kirschumschlagtuch – вишнёвая шаль*, *die Bücherbergen – горы книг*);

– классификацию метафор по степени смысловой удалённости основного и вспомогательного субъектов (внутриклассовые и внешние переносы);

– классификацию метафор по вспомогательному и основному субъектам (данный тип связан с выявлением лексических групп, способных принимать переносные значения по формулам переноса «класс (значение) А > класс (значение) Б»;

– классификацию метафор по степени целостности внутренней формы, которая основывается на исследованиях Ш. Балли. Данная классификация включает в себя живые или образные метафоры. Живые метафоры делятся на два разряда: окказиональные (индивидуально-авторские) и узуальные (общеупотребительные или получившие распространение в одной из функциональных подсистем языка). Существует ещё один подтип – мёртвые метафоры. Источниками таких метафор являются стёртые метафоры, (которые в процессе использования полностью утратили внутреннюю форму, например: *das Bein – ножка (конечность или часть мебели)*); и метафоры, заимствованные либо из некодифицированных сфер национального языка: жаргона, просторечия, диалекта, например: *Moos, Kohle (Geld) – зелень, капуста (о деньгах)*, либо из другого языка [3, с. 122].

2. Следующая классификация В. Москвина – формальная. Во внимание принимаются особенности формы, т.е. плана выражения метафоры.

В. Москвин выделяет следующие пункты:

– по уровневой принадлежности (словесные, фразовые и текстовые метафоры);

– по количеству единиц-носителей метафорического образа (простая, «одиночная» метафора, план выражения которой представлен одной единицей; развёрнутая метафора, носителем образа является группа ассоциативно связанных единиц);

– контекстуальные метафоры (замкнутые метафоры, имеющие в контексте ключевое («отгадочное») слово, и незамкнутые метафоры, не имеющие опорного контекста – ключевого слова, подсказывающего её смысл) [3, с. 145]. Разграничение метафор на замкнутые и незамкнутые проводил также А. Потебня: «метафора может заключаться во всяком члене предложения, причем остальные, первоначально (т.е. до сочетания) неметафоричные, становятся метафоричны» [4, с. 207].

3. Третья и последняя классификация В. Москвина – функциональная. Предполагает классификацию метафор по цели, с которой они используются в речи, т. е. по функциональному параметру.

Функциональная классификация метафор подразделяется на:

– номинативные метафоры (используется для выражения таких представлений, для которых ещё не существует словесных понятий, например: *Reißverschluss* – *застёжка-молния*);

– оценочные метафоры (о людях: *Gigant des Denkens* – *гигант мысли*);

– декоративные метафоры (служат средством эстетического отражения действительности и украшения речи, например: *Diamanttau* – *алмазная роса*);

– пояснительные метафоры (служат для объяснения и понимания неизвестного путём уже знакомого)

– когнитивные метафоры (характерны для языка науки, используются

для пояснения, предсказания, выявления свойств изучаемого объекта путём сравнения с общеизвестным феноменом, т.е. в эвристической (познавательной, гносеологической) функции). Сюда также входят метафоры-модели (один объект моделируется в понятиях другого, например: чёрная дыра, популяционные волны) и корневые метафоры (лежащие в основе научной концепции и дающая ряд терминов, образующих единую мотивационную систему, например: *Zweig der Sprachen* – *ветвь языков*, *lebendige und tote Sprachen* – *живые и мёртвые языки*) [3, с. 157].

По мнению Г. Складневской, существует художественная и языковая метафоры. Художественная метафора исследуется в поэтике как одна из её основных эстетических категорий. Языковую метафору мы автоматически воспринимаем и воспроизводим в речи, часто даже не отдавая себе отчёта в том, что привычные слова имеют фигуральный

смысл [5, с. 31]. Художественная метафора, напротив, «выводит вещи из автоматизма восприятия» [6, с. 15].

Согласно Г. Складневской, метафорические переносы в языке подчинены достаточно жёсткой закономерности и осуществляются в определённых направлениях от одной семантической сферы к другой [5, с. 80]:

– предмет → предмет;

– предмет → человек;

– предмет → физический мир;

– предмет → психический мир;

– предмет → абстракция;

– животное → человек;

– человек → человек;

– физический мир → психический мир [5, с. 81].

Помимо вышперечисленных классификаций существуют несколько подвидов и разновидностей метафоры.

Персонификация (*die Personifizierung, die Verlebendigung*) – перенос черт и характеристики живого существа (и прежде всего человека) на неодушевленный предмет [1, с. 371]. Примером может послужить словосочетание *der Wind spielt – ветер играет*. Перенесение человеческого свойства «играть» на неодушевленное и абстрактное понятие «ветер».

Аллегория (*die Allegorie*) – является разновидностью метафорического выражения, разновидностью персонификации, под которой понимается стилистический прием придания образности абстрактным представлениям (добродетелям, временам года, понятиям, страданиям и т.д.) [1, с. 372]. В отличие от персонификации, этот подтип несёт в себе наставительный, дидактический смысл. Он формирует суть высказывания, который побуждает читателя размышлять о важных жизненных вопросах [7, с. 220]. Примером аллегории является *Fortuna* – богиня счастья в римской мифологии. Римская богиня и будет аллегорией на такое абстрактное понятие, как *Glück*, т.е. счастье.

Символ (*das Symbol*) близок к аллегории, в котором за конкретным содержанием «просвечивает» общий смысл [1, с. 372]. Как правило, символами являются конкретные объекты, которые связаны между собой в абстрактном и общем смысле. Не редко бывает и то, что символ отображает сущность абстрактного понятия (крест для христианина как символ веры). Символ воспринимается как носитель общего смысла, общей идеи.

Синестезия (*die Synästhesie*) – сочетание в одном слове или словосочетании обозначений двух различных чувств, из которых одно наименование приобретает абстрактное значение [1, с. 371]. Синестезия – это смешение нескольких сторон восприятия, т.е. связь двух областей восприятия, которые друг с другом не связаны, к примеру цвет и температура (*warmes Grün – тёплый зелёный*).

Антономазия (*die Antonomasie*), или переименование, – своеобразная разновидность метафорического переноса. Различают два вида антономазии: 1) использование имени собственного в значении нарицательного существительного; 2) употребление нарицательных существительных, прилагательных или их частей и комбинаций в функции имени собственного. И в том и в другом случае переименование основывается на сходстве двух лиц – реальном или мнимом [1, с. 372]. Например, человека, который имеет большую физическую силу, можно назвать Геркулесом; мужчина, который умеет красиво ухаживать за женщинами, – Дон Жуан. Особый интерес представляет собой антономазия второго типа, известная под названием «говорящие имена» (*sprechende Namen*), ср., например, систему говорящих имен в романе Г. Манна «Верноподданный»: *Heßling, Daimchen, Jädässon, NöCgroschen, Netzig* (город), „*Lokal-anzeiget*“ (название газеты) и др. [1, с. 373].

Метонимия (*die Metonymie*) как прием вторичной знаковой номинации основывается на реальной связи объекта номинации с тем объектом, название которого переносится на объект номинации [1, с. 373]. Основным критерием данного стилистического средства является не семантическое отождествление двух понятий, основанное на переносе свойств и названий, как в метафоре, а обмен двумя понятиями из разных по смыслу областей, основанных на пространственных, временных, материальных и логических отношениях [7, с. 223]. Метонимия – это замена подразумеваемого слова другим. Примером этого стилистического средства может послужить словосочетание *Goethe lesen – читать Гёте*.

Подвидом метонимии выступает синекдоха (*die Synekdoche*) – метонимическая группа, устанавливающая связь переноса между частью и целым (*pars pro toto*) и целым и частью (*toto pro pars*) [1, с. 373]. Перенос основывается на использовании части предмета или объекта вместо целого и наоборот – целого вместо какой-либо из его частей, например: *zwei Euro pro Kopf* вместо *zwei Euro pro Person* (два евро за голову вместо два евро на человека).

Бахуврихи – особая разновидность синекдохи. Посредством какой-либо важной или уникальной части объекта, они характеризуют целое (обычно живое существо). Как правило, они используются для передачи образности и эмоциональной выразительности, например: *Rotkäppchen* – *Красная Шапочка*.

Таким образом, было выяснено, что существует несколько классификаций метафоры. К примеру, американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три основные группы метафор (ориентационные, онтологические и структурные), где каждая выделяет одни стороны того или иного понятия, а другие затемняет. Была также рассмотрена классификация метафор, предложенная В. Москвиным, который выделяет три варианта классификации: семантическую, структурную и функциональную, каждая из которых имеет свои подпункты и особенности. Помимо видов метафорического переноса, по мнению Г. Склярёвской, существует художественная и языковая метафоры. Художественная метафора используется в поэтике, а языковая метафора воспроизводится в повседневной речи, зачастую бессознательно. Также, по мнению Г. Склярёвской, метафорические переносы в языке подчинены достаточно жёсткой закономерности и осуществляются в определённых направлениях от одной семантической сферы к другой. Помимо вышеперечисленных классификаций существует несколько подвидов и разновидностей метафоры, такие как персонификация, аллегория, символ, синестезия, антономазия, метонимия, синекдоха и бахуврихи. Данные стилистические средства имеют широкий изобразительно-выразительный спектр: они усиливают значение, смысл, передают различные качества.

Как видим, исследование метафоры и разнообразие подходов к данному явлению является подтверждением тому, что метафора – понятие многогранное и создать единую классификацию не представляется возможным.

Библиографический список

1. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
4. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
5. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
6. Шкловский. В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель. 1983. 384 с.
7. Riesel E., Schendels E.: *Deutsche Stilistik*. М.: Verlag Hochschule, 1975. 316 p.

References

1. Brandes M.P. *Stylistics of the text. Theoretical course*. Moscow, 2004. 416 p.
2. Lakoff J. *Metaphors We Live By*. Moscow, 2004. 256 p.
3. Moskvin V.P. *Russian metaphor: Essay on semiotic theory*. Moscow, 2012. 200 p.
4. Potebnya A.A. *Theoretical poetics*. Moscow, 1990. 344 p.
5. Sklyarevskaya G.N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg, 1993. 152 p.
6. Shklovsky V.B. *Theory of prose*. Moscow, 1983. 384 p.
7. Riesel E., Schendels E.: *Deutsche Stilistik*. Moscow, 1975. 316 p.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Дистерло Г.В.
Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and intercultural communication,
assistant lecturer
Disterlo G.V.
Russia, Voronezh, +7(4732)71-50-48
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Г.В. Дистерло

КРИЗИС ЖАНРА?
**(ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА НАЧИНАЮЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СПЕЦИФИКОЙ СЕГОДНЯШНИХ РЕАЛИЙ
В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ)**

Успешность любого российского вуза напрямую зависит от возможности выпускников устроиться на престижную, высокооплачиваемую работу по специальности. Изучение особенностей рынка труда становится одной из первоочередных задач для преподавательского состава выпускающих кафедр. Возникает необходимость не просто приспособить учебные программы к реалиям времени, но понимать, какие именно препятствия ждут молодого специалиста при трудоустройстве. Данная статья – попытка проанализировать воронежский медиарынок как составную часть российского. Рыночная экономика внесла существенные коррективы в образовательные процессы, в том числе и высшей школы. Классической схемы «лекция-практика» сегодня не достаточно. Студентов-журналистов необходимо, прежде всего, научить мыслить, анализировать происходящее, а не просто пассивно потреблять знания. Журналистику часто называют четвертой властью. Соккрытие, умалчивание информации, цензура – признаки тоталитарного государства, где обратная связь «народ-власть» нарушена. Журналистика всегда обеспечивала именно эту обратную связь. Потому журналист – не только профессия, но и определенные человеческие качества и гражданская позиция. От качества подготовки журналистов напрямую зависит политическое устройство и будущее нашего государства. И здесь возникает вопрос: прислушиваться ли к сиюминутным потребностям рынка в его формате «деньги-товар-деньги» или все-таки проявить гражданскую ответственность и подойти к обучению студентов-журналистов неформально? Наша статья представляет собой попытку понять, что происходит сегодня с воронежской журналистикой, какие прогнозы можно строить и как начинающему журналисту дать нужный жизненный вектор.

Ключевые слова: воронежский медиарынок, медиахолдинг, СМИ, печатные и электронные СМИ, журналистика как институт обратной связи, свободная журналистика, пресс-служба, перспективные профессии, монополизация информационного рынка.

G.V. Disterlo

**GENRE CRISIS?
(THE PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF YOUNG JOURNALISTS
DETERMINED BY THE SPECIFICITY OF TODAY'S SITUATION
IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION)**

The success of any Russian university depends directly on the ability of the graduates to find a prestigious and well-paid job according to their qualification. The analysis of the specificity of job market is becoming one of the primary tasks for the teaching staff of the graduating faculties. It is necessary not only to adjust academic programs to the present day but to realize the obstacles can be faced by which young employees. In the given article we try to analyze Voronezh media market as a part of Russian media market. Market economy has brought significant changes to the process of education, including higher education. Classical scheme 'lecture – practice' is not satisfying any more. Future journalists should be primarily taught to think and to analyze the current events, not only to consume the information passively. Journalism is often called 'the fourth power'. Concealment of truth and censorship are the signs of totalitarian state where the feedback between the power and the people is broken. This feedback has always been provided by journalism. That is why journalism is not only a job but also a certain set of human qualities and a civil position. The future political organization of our country depends directly on the quality of journalistic education. Should we follow the current needs of modern market in the format 'commodity – money – commodity' or demonstrate our civil responsibility and teach the students unconventionally? This article is an attempt to understand what is happening now in Voronezh local journalism, what can be expected in the future and what can be recommended to the journalists starting their carrier.

Key words: Voronezh media market, media holding company, mass-media, published and electronic mass-media, journalism as the institution of feedback, free journalism, press service, prospective jobs, monopolization of information market.

В Советском Союзе, в рамках плановой экономики, регулировалось и количество студентов, принимаемых в вузы. Образование было бесплатным, вузы финансировались из государственного бюджета, количество мест регламентировалось и определялось необходимостью специалистов на производствах и в других сферах человеческой деятельности. Молодой человек с дипломом был уверен, что без работы по специальности не останется. Правда, методы трудоустройства в виде принудительного распределения вызывали нарекания, но в целом картина с занятостью населения выглядела вполне успешно.

Рыночная экономика внесла коррективы и в образовательный процесс. Прием студентов в вузы в большей степени обусловлен рыночными механизмами, где «спрос рождает предложение». Но российский рынок, в который вписалась и высшая школа, в большей степени имеет стихийный характер. В результате появилось такое понятие как «престижная профессия» и перепроизводство специалистов, таких, например, как юристы и экономисты.

Сегодня успешность любого вуза, факультета, определяется не столько количеством красных дипломов, выдаваемых по окончании курса, сколько количеством успешно трудоустроенных выпускников. Возникает необходимость в изучении потенциального рынка труда и профориентации студентов.

А теперь поговорим подробнее о журналистике. Профессия «журналист», по мнению экспертов журнала «ПрофиКоммент», входит в двадцатку перспективных профессий на 2017-2018 год [11]. Но это данные по России, а в отдельно взятом регионе, таком, как Воронеж и Воронежская область, картина иная. Журналистика как востребо-

ванная профессия в перечне вакансий не числится [12]. Мало того, вот несколько интересных фактов: в январе 2018 года социологи ВЦИОМ сообщили, что по результатам опроса, россияне считают профессию журналист одной из самых престижных и отдадут ей седьмое место в рейтинге.

А вот результаты опроса воронежцев (сайт МОЁ! Online. Все новости Воронежа, январь 2018 г): «Аутсайдерами рейтинга стали экономист (3%), повар (2%) и журналист (1%). На момент публикации текста в опросе приняли участие 864 человека» [12]. В декабре 2017 года руководитель департамента труда и занятости населения Воронежской области Юрий Бай озвучил список из 57 «вымирающих» профессий, которые к 2030 году просто исчезнут с воронежского рынка труда. В их число попали бухгалтер, журналист, переводчик и инспектор ДПС [10].

Почему именно в Воронеже журналисты не нужны, а сама профессия считается «непрестижной»? «Даже в качестве стажёров нам не требуются журналисты, тем более на работу...» – сегодня такой ответ молодой человек со свеженьким дипломом в кармане, если, конечно, не имеет протекции, слышит в рейтинговых СМИ Воронежа, как печатных, так и электронных. Устроиться на работу в СМИ, обеспечивающие информационное сопровождение жизнедеятельности Воронежа и области, начинающему журналисту нелегко. И это несмотря на то, что все государственные структуры, предприятия и даже мелкие частные фирмы Воронежа и области имеют свои пресс-службы, неизбежно создавая солидный «банк» вакансий.

Чтобы проанализировать ситуацию, сложившуюся на медиарынке Воронежской области, нужно заглянуть как минимум на двадцать лет назад.

В 1990-х годах в Воронеже появились независимые, в основном печатные СМИ, которые имели реальную свободу слова и благоденствовали за счет высоких рейтингов и общественного интереса к информации, независимой от партийной цензуры. Тиражи были большими, подписка стабильной, что позволяло редакциям вести независимую информационную политику. По мере информационного перенасыщения ситуация в СМИ менялась, но хорошие журналисты оставались в цене. В 2000-х годах к руководству СМИ стали приходить менеджеры от журналистики, постепенно превращая СМИ в банальные средства для заработка денег. Но журналистское начало было основой любого СМИ, ведь рекламу давали исходя из качественного контента.

Тотальные перемены случились десять лет назад. В 2008-2009 годах было принято решение создать так называемый медиахолдинг РИА «Воронеж», который поглотил все СМИ города и области, практически уничтожив журналистику. По сути, пресс-служба областной администрации стала полностью регламентировать деятельность СМИ города и области. «Воронежская область становится регионом, свободным от журналистики. Пиар съел журналистику целиком и полностью», – писал в мае 2009 года Святослав Иванов, ныне «экс», а тогда главный редактор воронежской общественно-политической газеты «Берег», созданной в 1990 году и по праву считавшейся одним из самых демократичных СМИ Воронежа [5].

Двадцатого мая 2009 года на заседании правления Воронежского регионального отделения Союза журналистов России было принято обращение к губернатору Воронежской области А.В. Гордееву по вопросу функционирования системы СМИ: «В настоящее время в структурах правительства области обсуждается проект ликвидации областного управления по делам печати и средств массовых коммуникаций и реформирования подведомственных ему СМИ, прежде всего районных газет. Взамен предлагается создание глобального издательского холдинга, главной целью которого станет вы-

пуск какой-то областной «супергазеты» с районными вкладками... Трудно представить и последствия грядущей монополизации информационного рынка для частных СМИ, которые сейчас имеют и свою нишу, и своего читателя» [5].

Но услышаны журналисты не были. Стремительный процесс «укрощения» СМИ набирал обороты. Всех неугодных и непокладистых увольняли. К руководству творческими коллективами пришли менеджеры, бухгалтеры и пиарщики, стремление которых повысить самооценку привело к массовым увольнениям, тотальной редактуре, по сути – цензуре в одно лицо. Материалы в СМИ становились похожи друг на друга как близнецы-братья. Новостной формат, как единственно понятный для новых руководителей и удобный для власти, стал превалировать в СМИ, как печатных, так и электронных. И сегодня можно сказать, что аналитические и художественно-публицистические жанры в Воронежских СМИ не представлены. «Эти новые начальники пиар-служб в наших органах власти просто не знают настоящей журналистики. Как человек, всю жизнь проживший в тюрьме, не знает, что такое свобода. Они с самого начала воспринимали журналистику как бизнес, как умение угодить клиенту, заказчику. Вот почему такой унылый у нас медийный пейзаж», – констатирует Святослав Иванов [5]. И очень скоро воронежским СМИ был поставлен неутешительный диагноз: «Свободная журналистика в Воронеже находится в маргинальном поле слабопосещаемых интернет-сайтов» – цитата из пресс-релиза встречи воронежских журналистов, организованной 30 сентября 2011 года всероссийской общественной организацией «ГОЛОС» в воронежском Доме прав человека [4].

Прошло достаточно времени, ситуация усугубилась, о чем и говорят последние опросы воронежцев и прогнозы Департамента труда. И действительно, какой престиж и какая надобность в журналистах-болванчиках, не способных анализировать происходящее, умеющим только «информационно сопровождать» директивы, спускаемые «сверху» в виде рассылок и пресс-релизов? Подчас уровень наших «журналистов», неумение либо нежелание мыслить, доходит до патологии. «В трёх школах Воронежской области детям запретят доступ к порно-сайтам» – под таким заголовком журналистка ГТРК «Воронеж» Дарья Крымова 17.02.2018 [7] опубликовала информацию о том, что «прокуратура выявила нарушения законодательства о профилактике экстремистских правонарушений в молодежной среде в трех школах Россошанского района... По итогам проверки прокурор внес представления директорам об устранении нарушений закона. Виновных привлекут к дисциплинарной ответственности». Текст практически калькирован с материала Натальи Каппиной «Прокуратура потребовала заблокировать запрещенные сайты в 3 школах Воронежской области», размещенного днем ранее, 16.02.2018, на страницах сетевого издания РИА «Воронеж» – того самого медиахолдинга, который любовно собрал под своей крышей практически все СМИ города и области [6].

В остальных СМИ та же информация опубликована в том же объеме, 17.02.2018, с незначительными изменениями в виде жонглирования словами и под разными фамилиями. Большой ангажированности сложно представить:

1. Интернет-портал «Новости Воронежа», автор Алена Орехова: «В Воронежской области ученикам трех школ запретят доступ к порно-сайтам» [9].

2. Сетевое издание «Обозреватель ВРН». Мы делаем выводы: автор Ирина Луфтанович. БЕЗ «КЛУБНИЧКИ»: ПРОКУРОРЫ ЗАКРЫЛИ УЧАЩИМСЯ ТРЕХ ШКОЛ

В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ДОСТУП К ПОРНО-САЙТАМ. Но выводов и здесь не оказалось. Все та же информация в том же объеме [8].

3. Сетевое издание «Агентство городских коммуникаций ГОРКОМ 36», автор Илья Васильев: «Заблокировать доступ к запрещенным сайтам: прокуратура выявила нарушения в трех школах Воронежской области» [2].

4. «Блокнот Воронеж», автор Павел Астров: «Воронежские школьники могли смотреть порно прямо на уроках информатики» [1].

5. Воронежский городской портал «36 ON.RU», автор Анна Вотинова: «В воронежских школах дети могли посмотреть порно и купить наркотики» [3].

Сам по себе факт в таком оскопленном изложении абсурден. В трех школах прокуратура, причем нигде не указано какая – РФ, областная или районная (а может природоохранная?) – запретила доступ к порно-сайтам. А в остальных школах области? И почему вообще вдруг встал такой вопрос, кем, кроме прокуратуры, он должен контролироваться? Кто и каким образом должен защищать детей от виртуального растления? Вот краткий перечень элементарных и, что называется, «лежащих на поверхности» вопросов, ответ на которые должен найти журналист. Пример такой «работы» наших региональных и районных СМИ – не случайность, а закономерность. Воронежские журналисты разучились задавать вопросы. Их кормят переваренной и удобной для кого-то информацией, а они бессмысленно передают ее дальше. Вопрос «кому и зачем нужна такая журналистика?» остается риторическим. Увы, игра в кубики на уровне детского сада в журналистике Воронежа и области сегодня стала нормой. Читать и смотреть в воронежских СМИ, кроме краеведческих этюдов, практически нечего, а многочисленные оды в честь чиновников никому, кроме них самих, не интересны. Журналистика – это институт обратной связи между властью и населением, которое финансирует эту власть. Именно поэтому журналистику называют четвертой властью. Одним из основных признаков тоталитарного режима является отсутствие или нарушение такой связи. Зарботки журналистов, хоть и являются коммерческой тайной, но по сути – секрет Полишинеля. За вышеозначенный материал журналисты получают в среднем от 30 до 100 рублей, причем достоверная, содержательная и художественная особенности на оплату труда не влияют. Все как в магазине – на килограммы и метры. Официально озвученный средний уровень заработной платы по Воронежской области, 35 тысяч рублей [13], применительно к сфере журналистики скорее является показателем имущественного неравенства – как одной из главных причин социальной дифференциации.

Есть еще ниша на воронежском рынке труда в виде сотрудников пресс-служб. Изначально эти службы создавались с целью помочь журналисту собрать качественную информацию и грамотно ее оформить. Сегодня суть пресс-службы – предоставить журналистам информацию, основной критерий которой – положительный имидж ведомства, пусть даже в ущерб достоверности. А если журналист не будет удовлетворен скудными и заздравными сведениями, изложенными в пресс-релизе – максимально осложнить ему задачу по сбору достоверной информации, вплоть до лишения его аккредитации. В контексте происходящего на медиарынке Воронежа и области напрашиваются весьма неутешительные выводы.

И вот на такой беззубый, низкооплачиваемый и ангажированный медиарынок сегодня нужно ориентировать выпускников факультетов журналистики воронежских вузов. Перспективы для молодых людей, прямо скажем, не слишком заманчивые. Проще уехать куда-то, где картина более радужная, а профессия журналиста уважаема и престижна. Можно уйти в интернет-пространство и стать, например, копирайтером. Уда-

ленная работа востребована и неплохо оплачивается. Но имеет ли она что-то общее с журналистикой? Писать новостные посты и комментарии могут если не все, то многие.

Перед педагогами факультетов журналистики воронежских вузов сегодня стоит классический вопрос: что делать? Если ситуация в ближайшее время не начнет меняться, такая профессия, как журналист, через десяток лет на воронежском рынке труда не будет востребована. Воронеж действительно станет зоной, свободной от журналистики, в этом руководитель департамента труда и занятости населения Воронежской области Юрий Бай не ошибся. И все-таки, как выстраивать в вузах, выпускающих журналистов, учебный процесс с учетом рынка труда? Подстраиваться под запросы местного медиарынка и воспитывать невежд, лишенных инициативы и гражданской позиции? Или заняться исследованием медиарынков соседних областей и рекомендовать студентам уезжать из Воронежа? А может, просто выдавать дипломы, исходя из основного рыночного закона, где «спрос рождает предложение», и лет через десять сделать это направление ненужным и неперспективным? Сегодня факультеты журналистики все-таки должны, учитывая и анализируя ситуацию на медиарынке, работать на перспективу. Прежде всего – воспитывать журналиста как личность, профессионала, умеющего не только задавать вопросы, но и получать на них ответы, всестороннее анализировать, подавать материал многогранно, интересно и актуально, находить нестандартные решения и способы информирования населения. Только в этом случае можно возродить в Воронежской области профессию журналиста и восстановить нарушенную интерактивную связь между властью и жителями региона.

Библиографический список

1. Астров П. Воронежские школьники могли смотреть порно прямо на уроках информатики // «Блокнот Воронеж», 17.02.2018. URL: <http://bloknot-voronezh.ru/news/voronezhskie-shkolniki-mogli-smotret-porno-pryamo--938513> (дата обращения – 17.02.11.2018).
2. Васильев И. Заблокировать доступ к запрещенным сайтам: прокуратура выявила нарушения в трех школах Воронежской области // Сетевое издание «Агентство городских коммуникаций ГОРКОМ 36». 17.02.2018. URL: <https://gorcom36.ru/content/zablokirovat-dostup-k-zapreshchennym-saytam-prokuratura-vuyavila-narusheniya-v-trekh-shkolakh-vorone/> (дата обращения – 17.02.11.2018).
3. Вотина А. В воронежских школах дети могли посмотреть порно и купить наркотики // Воронежский городской портал 36 ON.RU, 17.02.2018. URL: <http://36on.ru/news/people/74297-v-voronezhskih-shkolah-deti-mogli-posmotret-porno-i-kuipit-narkotiki> (дата обращения – 17.02.11.2018).
4. Громова А. Есть ли в Воронеже независимая журналистика? // Информационный портал «МОЁ! Online», 03.10.2011. URL: <https://moe-online.ru/news/view/233866.html> (дата обращения – 17.02.2018).
5. Иванов С. И перо приравняли... к метле // Газета «Берег», портал «Русское Воскресение», май 2009. URL: <http://www.voskres.ru/articles/ivanov5.htm> (дата обращения – 17.02.2018).
6. Каппина Н. Прокуратура потребовала заблокировать запрещенные сайты в 3 школах Воронежской области // Сетевое издание РИА «Воронеж», 16.02.2018. URL:

<https://riavrn.ru/news/prokuratura-potrebovala-zablokirovat-zapreshchennye-sayty-v-3-shkolakh-voronezhskoy-oblasti/> (дата обращения – 17.02.2018).

7. Крымова Д. В трёх школах Воронежской области детям запретят доступ к порно-сайтам // ГТРК Воронеж. Вести Воронеж, 17.02.2018. URL: http://vestivrn.ru/lenta/v-trh-shkolah-voronezhskoy-oblasti-detyam-zapretyat-dostup-k-porno-saytam_2018-2-17_12-25 (дата обращения – 17.02.2018).

8. Луфтанович И. БЕЗ «КЛУБНИЧКИ»: ПРОКУРОРЫ ЗАКРЫЛИ УЧАЩИМСЯ ТРЕХ ШКОЛ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ДОСТУП К ПОРНО-САЙТАМ // Сетевое издание «Обозреватель ВРН». 17.02.2018. URL: <http://obozvrn.ru/bez-klubnichki-prokurory-zakryli-uch/> (дата обращения – 17.02.2018).

9. Орехова А. В Воронежской области ученикам трех школ запретят доступ к порно-сайтам // Интернет-портал «Новости Воронежа», 17.02.2018. URL: <https://novostivoronezha.ru/2018/02/17/107476> (дата обращения – 17.02.2018).

10. Попрыгин Р. В Воронежском департаменте труда рассказали, какие профессии исчезнут к 2030 году // Информационный портал «МОЁ! Online», 17.12.2017. URL: <https://moe-online.ru/material/1003295> (дата обращения – 17.02.2018).

11. ПрофиКоммент: 20 перспективных профессий в 2017-2018 году // Журнал «ПрофиКоммент», 14.02.2016. URL: <https://proficomment.ru/20-perspektivnyh-professij-v-2016-godu/> (дата обращения – 17.02.11.2018).

12. Светлова А. Какие профессии воронежцы считают самыми престижными // Информационный портал «МОЁ! Online», 19.01.2018 URL: <https://moe-online.ru/material/1005394> (дата обращения – 17.02.2018).

13. Трещикова Е. Средняя зарплата в Воронеже в 2018 году составит 35 тыс. рублей // Интернет-портал «Рамблер», 17.10.2017. <https://news.rambler.ru/economics/38169272-chinovniki-srednyaya-zarplata-v-voronezhe-v-2018-godu-sostavit-35-tys-rublej/> (дата обращения – 17.02.2018).

References

1. Astrov P. Voronezh schoolchildren could watch porn at the lessons of computer science // 'Bloknot Voronezh', 17.02.2018. URL: <http://bloknot-voronezh.ru/news/voronezhskie-shkolniki-mogli-smotret-porno-priamo--938513> (date of application – 17.02.11.2018).

2. Vasiliev I. To block access to the banned sites: the prosecutor's office has revealed violations at three schools in Voronezh region // Net issue 'Agency of city communication GORKOM 36'. 17.02.2018. URL: <https://gorcom36.ru/content/zablokirovat-dostup-k-zapreshchennym-saytam-prokuratura-vyyavila-narusheniya-v-trekh-shkolakh-vorone/> (date of application – 17.02.11.2018).

3. Votnova A. Childen at Voronezh schools could watch porn and buy drugs // Voronezh city portal 36 ON.RU, 17.02.2018. URL: <http://36on.ru/news/people/74297-v-voronezhskih-shkolah-deti-mogli-posmotret-porno-i-kupit-narkotiki> (date of application – 17.02.11.2018).

4. Gromova A. Does Voronezh has independent journalism? // Information portal 'МОЁ! Online', 03.10.2011. URL: <https://moe-online.ru/news/view/233866.html> (date of application – 17.02.2018).

5. Ivanov S. Pen has been equaled to... broom // Newspaper 'Bereg', portal 'Russian Resurrection', May 2009. URL: <http://www.voskres.ru/articles/ivanov5.htm> (date of application – 17.02.2018).

6. Kappina N. The prosecutor's office has demanded to block the banned sites at 3 schools in Voronezh region // Net issue RIA 'Voronezh', 16.02.2018. URL: <https://riavr.ru/news/prokuratura-potrebovala-zablokirovat-zapreshchennye-sayty-v-3-shkolakh-voronezhskoy-oblasti/> (date of application – 17.02.2018).

7. Krymova D. Access to porn sites will be blocked for the children at three schools in Voronezh region // GTRK Voronezh. Vesti Voronezh, 17.02.2018. URL: http://vestivr.ru/lenta/v-trh-shkolah-voronezhskoy-oblasti-detyam-zapretyat-dostup-k-porno-saytam_2018-2-17_12-25 (date of application – 17.02.2018).

8. Luftanovich I. NO TEMPTATION: THE PROSECUTORS HAVE BLOCKED ACCESS TO PORN SITES FOR THE SCHOOL STUDENTS AT THREE SCHOOLS IN VORONEZH REGION // Net issue 'Observer VRN'. 17.02.2018. URL: <http://obozvrn.ru/bez-klubnichki-prokurory-zakryli-uch/> (date of application – 17.02.2018).

9. Orekhova A. Access to porn sites will be blocked for the children at three schools in Voronezh region // Internet portal 'Voronezh News', 17.02.2018. URL: <https://novostivoronezha.ru/2018/02/17/107476> (date of application – 17.02.2018).

10. Poprygin R. Voronezh job department: the jobs to vanish by 2030 // Information portal 'MOE! Online', 17.12.2017. URL: <https://moe-online.ru/material/1003295> (date of application – 17.02.2018).

11. ProfiComment: 20 prospective jobs in 2017-2018 // The journal 'ProfiComment', 14.02.2016. URL: <https://proficomment.ru/20-perspektivnyx-professij-v-2016-godu/> (date of application – 17.02.11.2018).

12. Svetlova A. Which jobs are considered the most prestigious in Voronezh // Information portal 'MOE! Online', 19.01.2018 URL: <https://moe-online.ru/material/1005394> (date of application – 17.02.2018).

13. Treshchikova E. Average salary in Voronezh will reach 35 thousand rubles in 2018 // Internet portal 'Rambler', 17.10.2017. <https://news.rambler.ru/economics/38169272-chinovniki-srednyaya-zarplata-v-voronezhe-v-2018-godu-sostavit-35-tys-rublej/> (date of application – 17.02.2018).

ЯЗЫК СМИ **LANGUAGE OF MASS MEDIA**

УДК 811.112.2

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Таран Н.М.
Украина, г. Луганск
e-mail: nadiia_taran@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and
Germanic philology
Lecturer Taran N.M.
Ukraine, Luhansk
e-mail: nadiia_taran@mail.ru*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка 3 курса кафедры
романо-германской филологии
Давиденко С.С.
Украина, г. Луганск, +380967131133
e-mail: svetadavidenko2009@yandex.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and
Germanic philology
The 3d-year student Davidenko S.S.
Ukraine, Luhansk, +380967131133
e-mail: svetadavidenko2009@yandex.ru*

Н.М. Таран, С.С. Давиденко

АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «STERN» И «FOCUS»

В данной статье рассматривается аллюзия как стилистическая фигура и специфика её применения в современных публицистических текстах. Статья посвящена изучению и анализу примеров использования аллюзий в немецкоязычных публицистических текстах на материалах периодических изданий «Stern» и «Focus». В статье рассматривается история становления термина «аллюзия», особенности его трактовки, а также источники и функции аллюзии. Таким образом, целью данной работы является изучение специфики использования аллюзии в современных публицистических текстах, её функции и разновидности.

Задачи данного исследования состоят в изучении аллюзии как стилистической фигуры, характеристике особенностей и закономерностей использования аллюзии в немецкоязычных публицистических изданиях.

Актуальность данной работы обусловлена высоким интересом среди ученых к особенностям использования этой стилистической фигуры в публицистических текстах, а также малоизученностью данного явления в германистике.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что она помогает лучше понять механизмы работы стилистических средств выразительности в публицистическом тексте и способы их воздействия на читателя. Кроме того, данные, полученные в ходе этого исследования, могут выступать базой для дальнейшего более подробного изучения данного вопроса. Результаты, полученные в ходе исследования, можно применить к таким филологическим дисциплинам, как «Стилистика современного немецкого языка», «Методы и анализ художественного текста».

В статье анализируются примеры использования аллюзии в материалах немецкоязычных изданий «Stern» и «Focus». В ходе исследования анализируются форма, вид, а также функция, которую выполняет данная стилистическая фигура в современных публицистических текстах.

В статье приводятся многочисленные примеры использования аллюзии в немецкоязычных периодических изданиях, что позволяет нам сделать вывод о том, что аллюзия является распространенным стилистическим средством.

Ключевые слова: аллюзия, заголовок, прецедентный текст, публицистический текст, стилистическая фигура.

N.M. Taran, S.S. Davidenko

ALLUSIONS IN MODERN JOURNALISTING WRITING: A CASE STUDY OF NEWSPAPERS «STERN» AND «FOCUS»

This article describes allusion as a stylistic figure and the specifics of its use in modern journalistic texts. The article is devoted to the study and analysis of usage of allusions in German-language journalistic texts on the materials of periodicals "Stern" and "Focus". The article deals with the history of the term "allusion", possible difficulties of its interpretation, as well as the sources and functions of allusion. Therefore, the purpose of this work is to study the specifics of the usage of allusion in modern journalistic texts, its functions and varieties.

The objectives of this work are to study the allusion as a stylistic figure, the characteristics of the special aspects and patterns of usage of allusion in German-language journalistic publications.

The relevance of this work is due to the high interest among scientists in the peculiarities of the usage of this stylistic figure in journalism writing, as well as the lack of knowledge of this phenomenon in germanistics.

The practical significance of this work is that it helps to better understand the mechanisms of work of stylistic devices and expressive means in the journalistic writing and how they affect the reader. In addition, the data obtained from the study may serve as a basis for further and more detailed study of this issue. The results obtained in the course of the study can be applied to such philological disciplines as "Modern German language stylistics", "Methods and analysis of literary text".

The article analyzes the examples of the usage of allusion on the materials of German-language periodicals "Stern" and "Focus". The study analyzes the form, type, and function of this stylistic figure in modern journalistic texts.

This article provides numerous examples of the usage of allusion in German-language periodicals, which allows us to conclude that allusion is a common stylistic tool.

Key words: allusion, headline, precedent text, journalism writing, figure of speech.

Термин «аллюзии» является одновременно и одной из старейших, и одной из наименее определённых категорий стилистики.

Слово «аллюзия» происходит от латинского «allusio» – намек, шутка. Считается, что изначально термином «аллюзия» обозначалась вообще любая игра со смыслом и звучанием слов. Первое же определение аллюзии как намека на другое произведение датируется лишь серединой 16 в. [7].

Проблемой исследования аллюзии в разное время занимались Г. Блум, З. Порат, Р. Леппихальме и другие.

Однако, на сегодняшний день все еще не существует единого четкого определения термину «аллюзия». Это обусловлено тем, что по своим свойствам она близка целому ряду других стилистических фигур и приемов, таких как реминисценция, эпитроп и цитирование. Таким образом, в научной среде не могут прийти к единому мнению, стоит ли разграничивать эти термины.

Так, Н.А. Фатеева не проводит столь четкого разграничения между аллюзией и реминисценцией, утверждая, что часто аллюзия может оборачиваться реминисценцией и наоборот, но в то же время подчеркивает различие между аллюзией и цитатой на основании того, что при использовании аллюзии заимствование элементов происходит выборочно и носит имплицитный характер [2, с. 122-129].

М.Г. Абрамс, в свою очередь, определяет аллюзию как «краткую отсылку, явную или косвенную, к какой-либо личности, событию или месту, либо к другому литературному произведению» [3, с. 11].

По мнению И.Р. Гальперина, аллюзия – это «литературный акт ссылки на любой ранее существовавший текст, предусматривающий наличие фоновых знаний об этом у читателя и вызывает у него соответствующие ассоциации» [1, с. 80, с.110].

Как мы можем видеть, существует широкий спектр определений того, что же можно считать аллюзией, однако большинство из них сходится в том, что аллюзия – это отсылка к чему-либо.

Считается, что в публицистических текстах аллюзия выполняет три основные функции: функцию создания юмора, функцию характеристики, способствует лучшей передаче темы.

Так, функция создания юмора заключается в том, что аллюзия может нести оттенок пародийности и/или ироничности, чтобы приуменьшить значение ситуации или персоны, создавая комический эффект. Также, очень часто аллюзивный юмор может строиться на игре слов.

Что касается характеризующей функции аллюзии, она также часто может выступать в роли средства описания чьего-либо характера или внешности через сравнение. Примером такой характеристики можно назвать выражение «добрый самаритянин», являющееся аллюзией на библейскую притчу о добром самаритянине, означающее очень щедрого и самоотверженного человека.

Кроме того, аллюзия нередко помогает более лаконично и эффективно передать тему, поднимаемую автором, например, при помощи отсылки к какому-либо произведению со схожей тематикой.

Аллюзия как стилистическая фигура широко употребляется в публицистических текстах. Это обусловлено, в первую очередь, особенностями, характерными для публицистического стиля: данный стиль выполняет сразу две функции – информативную и экспрессивную, чем и обусловлена частота использования различных стилистических фигур в публицистических текстах.

Кроме того, для периодических изданий характерно наличие большого количества разноплановой информации. В подобных условиях автору важно привлечь внимание читателя и заинтересовать его в дальнейшем чтении текста. В ряде случаев как раз при помощи использования аллюзии автор и пытается достичь такого эффекта.

Таким образом, не удивительно, что, как показало исследование материалов изданий «Stern» и «Focus», аллюзии довольно часто встречаются в заголовках. Так, например, одна из статей «Focus», посвященная участнице палестинского движения сопротивления А. Тамими, озаглавлена «**Prinzessin auf der Bombe**», что является аллюзией на сказку Х.К. Андерсена «Принцесса на горошине». В данном случае аллюзия, помимо очевидной экспрессивной функции, несет и функцию характеристики, сравнивая героиню статьи с главной героиней сказки Андерсена.

«Stern» также прибегает к аллюзиям в заголовке. Так, заголовок статьи, в которой говорится о противостоянии двух партий, звучит как «**Aufmarsch der Gladiatoren**». Таким образом, автор посредством аллюзии проводит параллель между политическим конфликтом и таким историческим событием, как гладиаторские бои. В данном случае аллюзия помогает лучше передать тему, а также, благодаря некоторой гиперболизации, создает легкий комический эффект.

Другим примером может служить еще один заголовок «Stern» «Aktivisten wollen Trumps Davos – Reise verhindern – auch Londoner **not amused**», что является аллюзией на приписываемую королеве Виктории цитату: «We are not amused». Это также можно назвать исторической аллюзией, так как она отсылает нас к реальной исторической

личности. Интересной особенностью данной аллюзии является то, что она использована на языке оригинала.

Зачастую в роли источников аллюзий выступают прецедентные тексты – это тексты, известные большому количеству людей и являющиеся неотъемлемой частью культуры. В роли прецедентных текстов могут выступать произведения фольклора, классическая литература, библейские тексты, мифы, пословицы и поговорки, крылатые фразы и афоризмы и т.д. Также, помимо литературных произведений и фольклора источниками аллюзий могут служить исторические события.

Таким образом, принято разделять религиозные аллюзии, мифологические аллюзии, литературные аллюзии и исторические аллюзии.

Первая из этих категорий, категория религиозных аллюзий, довольно распространена в немецкой публицистике. Как уже отмечалось ранее, авторы нередко прибегают к религиозным аллюзиям, чтобы подчеркнуть масштаб той или иной ситуации или личности, усилить эффект какого-либо высказывания, а также чтобы «облагородить» свой текст. Можно предположить, что еще одной из причин распространенности именно религиозных и конкретно библейских аллюзий в немецкоязычной публицистике может являться та значительная роль, которая отводилась религии на протяжении веков, что привело к тому, что большое количество людей в той или иной мере знакомы с библейскими текстами и способны понять аллюзию на них.

Примером библейской аллюзии может служить статья издания «Focus», где автор сравнивает ситуацию на востоке Украины с адом, а также с Содомом и Гоморрой – упоминаемыми в Библии городами, в которых царили хаос и анархия. Тем самым он посредством аллюзии подчеркивает тяжелые условия, в которых оказались жители этих территорий:

«Seit die neue Poroschenko – Regierung an der Macht ist, ist in der Ostukraine **die Hölle** los. Diese Regierung hat die selben Ideen, wie damals **Adolf Hitler**. Das Morden und die Gewalt sind deren Lebensinhalt. Zwar machen sie einen netten Eindruck, aber das Gute kennen sie nicht. **SodomundGomorrha...**» [4]

Здесь также присутствует и историческая аллюзия, сравнивающая правительство Украины с правлением А. Гитлера, во время которого различные нацменьшинства подвергались репрессиям и гонениям. Обе эти аллюзии несут как характеризующую функцию, так и функцию передачи темы. При помощи аллюзии автор статьи дает оценку данным событиям, в данном случае негативную, а значит, характеризует их, что в данной статье, посвященной ужасам войны на Донбассе, помогает и в передаче темы.

Близкими религиозным аллюзиям являются мифологические аллюзии. Чаще всего, как и отсылки к религии, мифологические отсылки призваны подчеркнуть значимость какого-либо события или личности, придать тексту дополнительную экспрессивность. Также нередко аллюзии на мифы помогают читателям, знакомым с их содержанием, лучше понять главную мысль текста, а авторам подобные аллюзии помогают более лаконично выразить свою мысль.

Примером подобной аллюзии может служить заглавие статьи в издании «Focus» «**Jerusalem – heiliger Zankapfel**». Это аллюзия на «яблоко раздора» из древнегреческой мифологии, ставшее причиной конфликта между Герой, Афиной и Афродитой, и косвенным образом привело к началу Троянской войны. Здесь автор статьи проводит параллель между древнегреческим мифом и борьбой между Палестиной и Израилем за Иерусалим.

Аллюзию на древнегреческий миф о Геркулесе и немейском льве можно увидеть в следующем отрывке:

«Tsipras spielt sich als **Herakles aus, der den Nemeischen Löwen tötet**. Aber er findet in Merkel und Schäuble nur Papiertiger» [6].

В данной статье издания «Focus» речь идет о том, что Греция, фактически, «шантажирует» Германию возможным выходом из Евросоюза, в то время, как немецкое правительство не считает это действительно возможным. Таким образом, автор сравнивает поведение министра Греции А. Ципраса с Гераклом, победившим немейского льва, и, в то же время называет А. Меркель и В. Шойбле «бумажными тиграми», подразумевая, что, в то время как премьер-министр Греции ведет себя достаточно агрессивно по отношению к правительству Германии, они, по мнению автора, на самом деле, представляют лишь видимую угрозу. Таким образом, здесь аллюзия служит, прежде всего, для характеристики.

Еще одним видом аллюзий, используемых в публицистике, являются литературные аллюзии. Чаще всего авторы ссылаются на какие-либо общеизвестные или значимые произведения и их персонажей.

Аллюзии на литературные произведения встречаются в статье «Stern», посвященной музыканту Дж. Кэш:

«Als wär's immer noch **«Onkel Toms Hütte»**, mussten die Kinder mittun beim Baumwollpflücken, mitleiden, wenn die Ernte wegen Trockenheit ausfiel, und mitsingen, wenn Gott allein noch helfen konnte aus dieser tiefen Not» [8].

В данном случае аллюзия на произведение Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», повествующее о рабстве, призвана подчеркнуть тяжелый труд, которому подвергались дети.

«In Landsberg am Lech war John R. Cash als Funker stationiert und empfing am 5. März 1953 angeblich als Erster die Nachricht, dass drüben in Moskau **der Große Bruder Stalin gestorben war**»[8].

Здесь мы можем выделить аллюзию на роман Дж. Оруэлла «1984», в котором критикуется диктатура и авторитарный строй, а так называемый «Большой брат» выступает воплощением этих понятий. В данном контексте фигура Сталина сравнивается автором с «Большим братом», с целью иносказательно подчеркнуть авторитаризм его правления.

Наконец, исторические аллюзии, хотя и встречаются несколько реже, чем другие виды аллюзий, все же тоже нередко можно увидеть на страницах газет и журналов.

Так, пример исторической аллюзии можно встретить в материале «Stern» об общественном деятеле И.И. Стрелкове:

«Er selbst hätte wohl – **Cäsar gleich – keinen Halt beim Rubikon gemacht**. Strelkow wäre weiter auf **sein Rom** marschiert»[5].

Здесь политический деятель сравнивается с древнеримским полководцем Г.Ю. Цезарем, который в 49 г. до н.э., который вопреки запрету римского сената, со своими легионами перешёл реку Рубикон, что послужило началом войны между ним и сенатом. «Перейти Рубикон» считается крылатым выражением и означает готовность к решительным действиям. В данном контексте эту аллюзию можно трактовать как характеристику личности Стрелкова, подразумевающую его амбициозность. Кроме того, в данном тексте аллюзия также делает текст более литературным и доступным для читателя.

Итак, анализ статей изданий «Stern» и «Focus» показал, что чаще всего аллюзии используются в политических статьях и статьях о культуре.

Что касается распространения функций, выполняемых аллюзией, то, чаще всего, аллюзия в немецкоязычном публицистическом тексте выполняет характеризующую функцию и используется для лучшего донесения темы, а также способствует выражению точки зрения автора. Реже можно встретить аллюзию с целью создания юмора,

причем наряду с функцией создания юмора она выполняет функцию характеристики, либо комический эффект используется для лучшего раскрытия темы.

Также, проанализировав тексты изданий «Stern» и «Focus», мы пришли к выводу, что наиболее часто используемыми являются религиозные и литературные аллюзии. Вероятно, данная особенность обусловлена широкой распространенностью среди читателей прецедентных текстов данного характера.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.:КомКнига, 2006. 144 с.
2. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Котрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
3. Abrams M. H., Harpham G.A Glossary of Literary Terms. New York: Holt, Rinehart&Winston, 2014. 448 p.
4. Granateneinschlag in Ostukraine: 500 Bergleute in Kohlemine eingeschlossen // Focus. 2015. 26. Januar. URL: https://www.focus.de/politik/ausland/granateneinschlag-in-ostukraine-500-bergleute-in-kohlemine-eingeschlossen_id_4430902.html
5. Ivits E. Ex-Separatistenführer Igor Strelkow prophezeit Putins Untergang // Stern. 2016. 7.Juni. URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/russland--ex-separatistenfuehrer-igor-strelkow-prophezeit-putins-untergang-6887474.html>
6. Lucke: Deutschland ist erpressbar // Focus. 2015. 5. Februar. URL: https://www.focus.de/finanzen/diverses/europa-lucke-deutschland-ist-erpressbar_id_4455748.html
7. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/allusion>
8. Winkler W. JohnnyCash: Man in Black // Stern. 2004. 4. August. URL: <https://www.stern.de/kultur/musik/johnny-cash-man-in-black-3068516.html>

References

1. Galperin I.R. Text as a subject of linguistic study. M., 2006. 144 p.
2. Fateeva N.A. Intertext in the realm of texts: Counterpoint of intertextuality. M., 2007. 280 p.
3. Abrams M.H., Harpham G.A. Glossary of Literary Terms. New York: Holt, Rinehart&Winston, 2014. 448 p.
4. Granateneinschlag in Ostukraine: 500 Bergleute in Kohlemine eingeschlossen // Focus. 2015. 26. Januar. URL: https://www.focus.de/politik/ausland/granateneinschlag-in-ostukraine-500-bergleute-in-kohlemine-eingeschlossen_id_4430902.html
5. Ivits E. Ex-Separatistenführer Igor Strelkow prophezeit Putins Untergang // Stern. 2016. 7.Juni. URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/russland--ex-separatistenfuehrer-igor-strelkow-prophezeit-putins-untergang-6887474.html>
6. Lucke: Deutschland ist erpressbar // Focus. 2015. 5. Februar. URL: https://www.focus.de/finanzen/diverses/europa-lucke-deutschland-ist-erpressbar_id_4455748.html
7. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/allusion>
8. Winkler W. Johnny Cash: Man in Black // Stern. 2004. 4. August. URL: <https://www.stern.de/kultur/musik/johnny-cash-man-in-black-3068516.html>

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

*Воронежский государственный
технический университет
д-р филол. наук, зав. кафедрой русского
языка и межкультурной коммуникации,
профессор
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, (473)2715048
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of philology, full professor,
the head of the chair
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, (473)2715048
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В.Ковалева

ОБЗОР МОНОГРАФИИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА РАН И.В. ЗЫКОВОЙ «МЕТАЯЗЫК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: КОНСТАНТЫ И ВАРИАНТЫ»

L.V. Kovaleva

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY DOCTOR OF PHILOLOGY, PROFESSOR OF RAS I.V. ZYKOVA «META-LANGUAGE OF LANGUAGE AND CULTURE STUDIES: CONSTANTS AND VARIANTS»

Данная монография была опубликована в 2017 году в издательстве «Гнозис». В работе рассматривается проблема построения метаязыковой системы в области лингвокультурологии. Как отмечает автор, важность обращения к данной теме обусловлена усиленным интересом исследователей к новой научной дисциплине – лингвокультурологии. Поэтому существенное значение имеет умение ученых пользоваться понятийно-терминологическими средствами данной дисциплины. Несмотря на целый ряд появившихся в последнее время исследований, в этом направлении практически отсутствует научная методология в построении метаязыка лингвокультурологии. Автор ставит перед собой задачу, осмыслить механизм создания метаязыка, понять, «как определенное понятие становится активной функциональной единицей метаязыковой системы лингвокультурологии» (с. 28).

В первом разделе монографии, состоящем из пяти глав, рассматриваются проблемы зарождения лингвокультурологии, ее место в современной системе филологических исследований. Так, автор справедливо утверждает, что данная отрасль языкознания зародилась в конце 20 века. Это очень молодая ветвь гуманитарного знания, поэтому закономерно, что существуют расхождения во взглядах ученых на место, границы ее как науки и объем лингвокультурологии. Автор приводит высказывания многих исследователей о предмете лингвокультурологии. Так, например, он анализирует тезис В.Н.Телия о том, что «лингвокультурология – это та часть этнолингвистики», которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии (с. 44).

В.В. Воробьев, определяя статус данной науки, констатирует, что «это научная

дисциплина синтетического типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение». И.В. Зыкова ссылается также на высказывания многих авторов (Карасик 2009, Ковшова 2009, Маслова 2004 и др.). Проведя обширный анализ научной литературы, автор приходит к выводу, что лингвокультурология имеет три магистральных направления в трактовке статуса, границ и объема лингвокультурологии. 1. Лингвокультурология может пониматься как особая «метанаучная» область исследования. 2. Это самостоятельная междисциплинарная наука, обладающая своим собственным объектом, своими собственными теоретическими и методологическими основаниями и установками. 3. Лингвокультурология – это подраздел лингвистики, центральным объектом которого является язык, изучаемый в культурологическо-антропологической перспективе.

Автор раскрывает понятие «метаязык», а также разрабатывает дефиниции лингвокультурологии. Под метаязыком лингвокультурологии понимается «интегрированная по характеру и способу образования и сложно организованная лингвопонятная формация, ядром которой является система концептуально связанных, теоретически и методологически обусловленных понятийно-терминологических единиц, или иначе, метаединиц, отличающихся междисциплинарным характером» (с. 84). Говоря о циркуляции знания, автор предлагает термин «трансфер знаний», понимаемый как перенос научных знаний из одной дисциплины в другую. Причем автор рассматривает различные виды трансфера: культурный, транснациональный и междисциплинарный. Последний представляет собой, как утверждает И.В. Зыкова, особую технологию метаязыкового творчества в лингвокультурологии.

Четвертая глава первого раздела посвящена определению лингвокультурологических констант, понимаются под этим термином метаединицы или терминологические понятия. Роль лингвокультурологических констант заключается в концептуальной связанности лингвокультурологии как целостной системы. По мнению автора, в константы языка входят такие основные метаединицы, как личность, культура, концепт, лингвокреативность и др.

В главе «Методика изучения и описания констант лингвокультурологии» вводится понятие лингвокультурологических вариантов – коррелятов константных метаединиц лингвокультурологии, разработке которых уделяется в монографии особое место, рассматриваются виды вариантов. Из семи лингвокультурологических констант анализируются 46 вариантов. Доказано, что константы и варианты лингвокультурологии образуют отдельные микросистемы метаязыка. Отношения между константами и вариантами осуществляются двумя видами: вариантами-опозитами и вариантами-аналогами. В заключении данного раздела И.В. Зыкова делает вывод, что методика изучения лингвокультурологических констант представляет собой сложный, многомерный анализ языка.

Второй раздел монографии посвящен анализу таких лингвокультурологических констант, как личность, культура, концепт, лингвокреативность. Раскрывая значение константы «личность», автор обращается к этимологическим источникам, дает подробный анализ слова «личность», используя словари. Ученые в разное время развития лингвистической науки многократно обращались к этому термину. Так, академик В.В. Виноградов писал, что «слово *личность*, имеющее яркую окраску русского национально-языкового строя мысли, содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в ее отношении к коллективу и государству» (с. 196). В монографии константа «личность» анализируется с точки зрения междисциплинарного изучения. Автор приводит примеры исследования личности в филологии, психологии, социологии, юриспруденции и семиотике. Завершая анализ константы «личность», автор приходит к выводу, что личность исследуется в разных научных направлениях, которые имеют свои научные представления о личности и дают разные его интерпретации. Особое внимание в монографии уделяется анализу культур-

но-языковой личности. В исследовании отмечается, что культурно-языковая личность способствует созданию духовно-ментальной реальности и обладает культурно-языковой компетентностью. В связи с этим автор дает развернутое определение культурно-языковой личности: «Культурно-языковая личность – это личность, рассматриваемая с позиции ее одновременно культурологических и языко-творческих способностей... благодаря которым происходит создание двух аксиологически детерминированных семиотических систем – (концептосферы) культуры и языка и осуществляется их интеракция» (с. 218).

Рассматривая константу «культура», автор приходит к выводу, что культура есть некая информационная система, которая постоянно конструирует систему ценностей о внешнем мире и все, что имеет отношение к человеку. При этом культура состоит из двух важных компонентов – духовной и ментальной базы. Человек, познавая мир, осмысливает его. Автор выделяет такие формы осмысления мира, как архетипическая, мифологическая, религиозная, философская, научная, и подробно описывает все эти формы.

Третья глава во втором разделе посвящена рассмотрению константы «концептосфера». Подробно анализируется возникновение термина и его развитие в лингвистике. В монографии прослеживается связь концептосферы с моделью мира и картиной мира. Известно, что термин «концептосфера» был введен академиком Д.С. Лихачевым в 1990-х годах прошлого века. Он объединял три разновидности концептосферы: концептосферу языка, концептосферу культуры и концептосферу человека. Несмотря на то, что они отличаются друг от друга, они очень тесно взаимодействуют друг с другом. Автор подробно анализирует связь трех концептосфер. Исходя из подробного анализа концептосфер и обобщая их связи, И.В. Зыкова формирует определение концептосферы культуры. Под ней автор понимает «сложнейшее системное образование, которое создается из концептуально упорядоченной и концептуально оформленной ценностной информации, выработанной или полученной в результате познания неким сообществом мира...» (с. 341).

В четвертой главе раскрывается понятие константы «концепт». Дается этимология происхождения данного термина и обзор различных взглядов исследователей на понятие «концепт». Кроме того, анализируется отношение между концептом, понятием, представлением и смыслом, утверждается, что «концепт» есть междисциплинарное понятие, поэтому является объектом изучения разных дисциплин: математики, философии, социологии, лингвистики, литературоведения и других. В современной лингвистике существует большое количество разных пониманий концепта, его критериев. Перечисляются ученые, занимающиеся разработкой данного понятия, причем особое внимание уделяется таким типам концептов, как культурный или лингвокультурный концепт. Обобщив обширную литературу, автор дает определение: «культурный концепт в самом обобщенном плане может трактоваться как концепт, объективированный в разного рода невербальных знаках культуры; а лингвокультурный концепт – как вербализованный культурный концепт, объективированный посредством знаков естественного языка». Ученый освещает современные методы изучения лингвокультурных концептов. Как утверждает автор, сегодня уже разработаны различные методы выявления и анализа концептов. В этом направлении работают такие исследователи, как З.Д. Попова и И.А. Стернин, представители воронежской лингвистической школы, В.И. Карасик, Е.Г. Беляевская, Ю.С. Степанов и др. На основании полного с точки зрения автора обзора он дает следующее расширенное определение культурного концепта: «(лингво)культурный концепт понимается как культурно детерминированная идеальная сущность – носитель целостного ценностной культурной информации, которое имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией, обусловленной системными связями с другими культурными концептами...» (с. 371). При изучении лингвокультурных концептов, как считает ученый, можно использовать методику, основанную на концептуализации фразеологизмов. Данная методика позволяет углубить представления о процессе формирования фразеологического значения, в котором можно выявить два уровня: семантический и концептуальный. Семантиче-

ский уровень – поверхностный принцип, где концепты представлены семами и семемами. Методика осуществляется сверху вниз, т.е. от семы к образу. Второй принцип – глубинный – основывается на готовом образе, и поэтому изучается в обратном направлении: от образа к семе. Данные факты говорят о том, что недостаточно использовать для исследования фразеологических концептов только один из уровней. Изучение будет не полным, поэтому требуется интегрированный подход. Определяя метод лингвокультурологической реконструкции фразеологических концептов, автор утверждает, что данный метод представляет собой комплексный подход, направленный на исследование глубинных концептуальных образов, в которых отражается национально-культурная специфика фразеологизации языковых знаков.

В монографии достаточно большой раздел посвящен константе «культурная информация». В нем И.В. Зыкова рассматривает данную константу с разных точек зрения и прослеживает ее развитие от первоначального употребления слова «информация» до современной трактовки «культурная информация». Константа «культурная информация» может быть сформирована корреляцией близких понятий: культурная коннотация, культурные смыслы, культурный фон, фоновые знания, фоновая информация. Рассматривать ее необходимо на пересечении этих понятий. Подводя итог исследованию культурной информации, автор выводит следующее определение: «культурная информация – это ценностное содержание культуры определенного сообщества, образующееся в результате познания представителями этого сообщества мира и составляющего одновременно его (т.е. познания основу), характеризующееся определенной концептуальной оформленностью и концептуальной упорядоченностью, способствующими ее сохранению(или обеспечивающие ее сохранение), и имеющее разнообразные (вербальные и невербальные) средства передачи (трансляции)» (с. 467). В монографии разработана типология культурной информации, которая выглядит следующим образом: архетипическая информация, мифологическая, религиозная, философская, научная, эмоционально-чувственная информация, эстетическая, этическая и подробно характеризуется каждый тип.

Завершая анализ данного раздела, ученый отмечает, что применение метода декодирования и интерпретации культурной информации позволяет понять, как образуется фразеологическое значение и как влияет концептосфера культуры на его глубинное концептуальное основание.

Последняя, седьмая глава второго раздела, посвящена константе «лингвокреативность». В данном разделе автор раскрывает значение данной константы, прослеживает культурно-исторические и языковые истоки данного понятия, анализирует различные виды креативности. Особое внимание автор уделяет лингвокреативности, рассматривает ряд авторских концепций и теорий. Например, лингвофилософские учения В. фон Гумбольдта, психолингвистические концепции А.А. Потебни и Н. Хомского, лингвосемиотический подход Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона, Б.А. Серебренникова и других исследователей. Разрабатывая понимание лингвокреативности, первостепенное значение автор уделяет соотношению понятий «лингвокреативность» и «языковая норма». Лингвокреативность, как утверждает автор монографии, представляет собой реализацию креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования.

Таким образом, монография представляет собой анализ наиболее значимых теоретических проблем формирования метаязыка лингвокультурологии и разработки его описания. Поражает объем библиографических источников и список словарей. Монография будет интересна ученым, занимающимся исследованиями в области лингвокультурологии, концептологии.

*Московский государственный
педагогический университет
аспирант
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

*Moscow State Pedagogical University
Post-graduate student
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

П.Л. Чуйков

**МОНОГРАФИЯ ДЖОЗЕФА ФРАНКА
«ДОСТОЕВСКИЙ: ПИСАТЕЛЬ В СВОЕМ ВРЕМЕНИ»**

P.L. Chuykov

**THE MONOGRAPH BY JOSEPH FRANK
«DOSTOEVSKY: THE WRITER IN HIS TIME»**

Крупнейший западный биограф Ф.М. Достоевского, литературовед Джозеф Франк (Joseph Frank) родился 6 октября 1918 года в США, в семье эмигрантов из России. Ученую степень он получил в Чикагском университете, защитив в 1960 году докторскую диссертацию по теме «Достоевский и русский нигилизм как контекст для “Записок из подполья”». Перу Франка принадлежат также работы, посвященные творчеству Г. Флобера, М. Пруста и др., он автор сборника эссе «Идея пространственной формы». Исследователь преподавал в ряде крупнейших университетов, был почетным профессором Принстонского и Стэнфордского университетов, с 1971 года являлся одним из членов-учредителей Международного Общества Достоевского. Ученый не раз становился лауреатом престижных премий. Его труд о Достоевском, состоящий из пяти томов (монографий), является одним из наиболее объемных исследований биографии и творчества знаменитого писателя. В 2009 году вышел шестой том «Достоевский: писатель в своем времени», объединивший в сокращении пять предыдущих томов. К сожалению, 27 февраля 2013 года Франк не стало.

Одна из глав монографии «Достоевский: писатель в своем времени» посвящена повестям «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», написанным Достоевским в 1859 году в Сибири. Произведения остались незамеченными литературной критикой тех лет. Рассматривая «сибирский» период творчества писателя с исторической точки зрения, Франк отмечает: «Это неудивительно, потому что в эти же годы Тургенев издал большую часть своих лучших работ и выпускал по роману почти ежегодно; Толстой просто ворвался на сцену со своими “Детство”, “Отрочество”, “Юность” и “Севастопольскими рассказами”; “Тысяча душ” Писемского стала литературной сенсацией 1858 года и за ней последовала драма “Горькая судьбина”; Салтыков-Щедрин возбудил негодование своими язвительными “Губернскими очерками” и создал новый жанр литературы в русской письменности. Более того, вся страна была в лихорадке ожидания предстоящего освобождения крепостных крестьян, и настроение момента потребовало литературы с твердой социально-культурной основой. Единственным взглядом на социальную реальность в “Дядюшкином сне” была сцена, когда

князь вспоминает леди, чья дочь “свою дворовую девку, осердясь, убила и за то под судом была” (С. 315), и этот срез реальности было легко упустить из виду в комическом контексте. Устаревшие сюжеты повестей Достоевского, казалось, не включали ничего существенного и актуального, кроме женитьбы князя».

Франк считает, что Достоевский, уделяя больше внимания изображению характеров, чем развитию действия, следует традициям русской прозы, которая выросла из физиологического очерка. Тем не менее, по мнению исследователя, Достоевский «уже начал предвещать большие новые темы, они могут быть названы “критикой идеологии” и определены в его письмах, как конфликт между “разумом” и “чувством”, который будет доминировать во всех его постсибирских произведениях». Так, будущим крупным романам писателя будет свойственно «быстрое и сжатое сюжетное действие, неожиданные повороты событий, которые быстро и бешено сменяют друг друга, персонажи раскрываются в диалогах и драматических поступках, а не через аналитические зарисовки или длительные описания сознания, и кульминации обычно происходят среди бурных групповых сцен, которые были названы “конклавами” и сравнимы со знаменитым финалом “Ревизора” Гоголя».

Небольшой отрывок из итоговой работы Франка, посвященный анализу повести Достоевского «Дядюшкин сон», мы предлагаем вниманию читателей.

Перевод текста осуществлен по изданию: Joseph Frank «Dostoevsky: a writer in his time». Princeton University Press, United States of America, 2010. P. 255-265. Ссылки на тексты Достоевского даны по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1972. Т. 2. 528 с. В скобках указ. только стр.

Дядюшкин сон

Интрига «Дядюшкиного сна» может быть изложена в нескольких словах. «Дядя» дряхлый, но богатый русский князь, почти впавший в детство, в один прекрасный день случайно оказался в городе Мордасове и сразу же попал к «главной леди» города и окрестностей, Марье Александровне Москалевой. Она составляет план выдать за него свою незамужнюю двадцатитрехлетнюю дочь Зину, гордую красавицу, и проявляет чудеса изобретательности в выполнении своего плана. Но она, наконец, терпит поражение, к огромной радости своих многочисленных соперников за социальное превосходство, на зависть отклонив жениха для руки Зины, молодого бюрократа из Петербурга по фамилии Мозгляков, который убеждает князя, своего дальнего родственника, в том, что он совершенно не в состоянии отличить явь от сна, что предложение руки и сердца он сделал Зине в пьяном виде, что это был только «сон».

Достоевский создает этот анекдот слегка в ироиколическом стиле и заранее называет очевидной пародией на книгу «Цезарь Бирото» Бальзака, как «полную и замечательную историю возвышения, славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего ее дома» (С. 516). История также носит подзаголовок «Из мордасовских летописей» (С. 296) - такие эпические акценты, конечно, только подчеркивают незначительность событий (всего год или два назад Салтыков-Щедрин использовал тот же самый прием в своих «Губернских очерках» и также рассказал о местных событиях, выступая в качестве рассказчика). Это новый тип Достоевского, рассказчик-летописец, настолько же (если не больше) заинтересованный в слухах и клевете, как в том, что он в состоянии проверить своими глазами и ушами; и он никогда не уверен действительно, как интерпретировать даже то, чему он становится свидетелем, что получено из первых рук. Рассказчик такого рода в дальнейшем привлекается Достоевским в других произведениях о русской провинции, таких как «Бесы» и «Братья Карамазовы», и он развивает этот прием, как тонкий инструмент для управления своим повествованием в пер-

спективе. Это особенно ценно, и в дальнейшем позволяет ему изобразить своих главных героев на фоне слухов, мнений и слухов-скандалов, которые служат функцией греческого хора в реальном главном повествовании.

Изображение провинциальной жизни дано здесь с ее вечными сплетнями, злословием и беспощадной борьбой за власть из-за пустяков, оно обеспечивает фон, на котором основные персонажи повести выделяются в рельефном контрасте. И нет никакой фигуры в Мордасове более крупной, чем Марья Александровна, которая даже сравнивается с Наполеоном и, как говорят, на самом деле превосходит всепобеждающего императора. Марья Александровна открыто демонстрирует волю к господству, что она вряд ли способна осуществить по рангу или богатству, и она является первым символом Достоевского такого типа, который появится в работах, где условности реализма будут соблюдаться скрупулезно. Только предыдущим символом такого рода был фантастический и гипнотический Мурин, который господствует над всеми остальными в весьма символической повести «Хозяйка». Достоевский раньше мог представить себе психологию такой фигуры только с точки зрения романтической гиперболизации. Теперь, однако, он ставит такие «сильные» личности в самую будничную из русских провинций, тем самым видя в этом первый шаг к уменьшению сферы и величия романтической тематики и ее сближение с русской социальной реальностью, что отличает более поздние работы автора. В самом деле, какой бы мелкой ни была форма, которую принимает такое «величие» в данном случае, имени Наполеона достаточно, чтобы предупредить нас, что Достоевский сделает такие стремления к доминированию в будущем.

Проявляется превосходство Марьи Александровны тогда, когда она сталкивается с задачей убедить гордую и высокопринципиальную Зину, у которой нет ничего к своей матери, кроме презрения к ее амбициям и махинациям, согласиться выйти замуж за дряхлого князя. Зина, как следует понимать, влюблена в бедного молодого учителя, который умирает от туберкулеза, и ее мать знает, что она обещала не вступать в брак, пока он находится в муках агонии. Марья Александровна понимает, что для достижения своей цели она должна предложить некоторую действительно заманчивую перспективу, и через какие-то силовые, но неэффективные предварительные маневры она вынуждена применить оружие более тяжелого калибра. Брак с князем, как она рассказывает своей дочери, не будет истинным браком вообще («он сам *не способен* потребовать такой любви»), и в любом случае «князь проживет год, много два». Молодой учитель не может ревновать к князю, и следовательно, Зине говорят, что «выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духом, обрадоваться!» Но Зина разгадывает эти софизмы матери и определяет ее стратегию с раздраженной точностью: «Я понимаю вас, маменька, вполне понимаю! Вы никак не можете воздержаться от выставки благородных чувств, даже в гадком деле» (С. 325). Эти «сантименты» являются «идеологией» Марьи Александровны, и она заимствует их из романтической литературы России и Европы 1820-х и 1830-х годов.

Понимая, что любое обращение к разумному эгоизму обречено на провал, Марья Александровна идет еще дальше, говорит о самопожертвовании. Почему бы не думать о браке с князем, как об акте преданности? «Где же тут эгоизм, где тут подлость?» Достоевский, как он будет часто делать в будущем, не боится смеяться над идеей и идеалами, которые он считает своими, если они, как в данном случае, используются только в качестве прикрытия, эгоистически. Марья Александровна говорит в итоге Зине, что если княжеское богатство ее беспокоит, она может отказаться от него, отдать все бедным для насущной необходимости и «помочь, хоть, например, ему, этому несчастному, на смертном одре» (С. 326).

Нет необходимости разбирать здесь детально все софизмы Марьи Александровны, но она наконец нападает на жилу из чистого золота. Как говорит рассказчик: «Вдохновение, настоящее вдохновение, осенило ее», и она понимает, что нашла способ обращения к подлинному идеализму Зины: пусть Зина принесет себя в жертву ради унижающего достоинство брака, чтобы помочь ее умирающему возлюбленному. Для этого Марья Александровна использует все средства: «Он (Местный врач. – Д. Ф.) наверно говорил мне, что при других обстоятельствах, особенно при изменении климата и впечатлений, больной мог бы выздороветь. Он сказал мне, <...> что в Испании есть какой-то необыкновенный остров, кажется Малага, – одним словом, похоже на какое-то вино, – где не только грудные, но даже настоящие чахоточные совсем выздоравливали от одного климата, и что туда нарочно ездят лечиться» (С. 327). Далее следует утверждение об удобном умирающем князе, когда любовники смогут быть надлежащим образом вместе, или, если не так, то учитель будет умирать счастливым, «уверенный в любви твоей, прощенный тобою, под сенью мирт, лимонов, под лазуревым, экзотическим небом!» (С. 328) После этой длительной тирады, которой было достаточно, чтобы Зина не смогла устоять, она сдается и дает матери неохотное согласие.

Такую же тактику используют с доверчивым Мозгляковым, который убежден, что хотя князь готов жениться, Зина на самом деле безумно влюблена в него, и только от изучения его характера зависит ее решение. Если он ведет себя благородно, думает только о ее счастье, то большие преимущества такого брака, награды в будущем будут превосходить его самые пылкие мечты: «Для здоровья князя Зина едет за границу, в Италию, в Испанию <...>. Вы едете туда же, за ней <...>! Там начинается ваша любовь с неудержимой силой; любовь, молодость. Испания, – боже мой! Разумеется, ваша любовь непорочная, святая <...>. Вы меня понимаете, топ ами!» (С. 354) И когда князь умрет, богатая вдова Зина, конечно, выйдет замуж за человека, который доказал, что достоин ее любви. Мозгляков, однако, быстро трезвеет, и именно он, наконец, рушит великие замыслы и побеждает проекты Марьи Александровны. Но его мгновенное признание ее опьяняющих слов показывает силу ее личности и власти идеологии (в данном случае литературного романтизма), чтобы навязать свое облачное видение, чтобы подменить страшную правду.

* * *

Достоевский, как известно, не думал больше о «Дядюшкином сне»; пятнадцать лет спустя, отвечая на письмо, автор которого хотел сделать из повести постановку, Достоевский поделился, что написал это «единственно с целью опять начать литературное поприще и ужасно опоясаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). И поэтому невольно написал вещичку голубиноного незлобия и замечательной невинности». Вряд ли она содержит достаточно, даже чтобы сделаться «комедией», хотя в ней есть князь, который является «единственной серьезной фигурой во всей повести» (С. 515). Замечание Достоевского указывает на значение, которое он по-прежнему придает идеологическому подтексту, который проявляется на примере старого князя К., скрывающего свой истинный возраст с помощью накладных волос, вставных зубов, ложных усов, очков, и других подобных ухищрений косметического искусства. В самом деле, как пишет Достоевский, «только взглянув поближе и попристальнее, увидите, что это какой-то мертвец на пружинах», и «весь составлен из каких-то кусочков» (С. 310, 300).

Что накладывает на князя К. печать последовательного сатира, определенного вида русского западника – так Достоевский работает над его изображением. Впервые указывает на такого рода черты, которые есть в нескольких предложениях, описывающих князя, когда он дышит свежим воздухом. «Видели его иногда и пешком, в пальто и в соломенной широкополой шляпке, с розовым дамским платочком на шее, с стеклыш-

ком в глазу и с соломенной корзинкой на левой руке для собирания грибков, полевых цветов, васильков <...>. Когда же встречается с ним мужик и, остановясь в стороне, снимает шапку, низко кланяется и приговаривает: “Здравствуй, батюшка князь, ваше сиятельство, наше красное солнышко!” – то князь немедленно наводит на него свой лорнет, приветливо кивает головой и ласково говорит ему “Bonjour, mon ami, bonjour!”» (С. 302) Княжеские манеры и французское приветствие выявили лишь, насколько он далек от реалий жизни русского крестьянина, но при его головокружении, он знал о том, что происходит в мире. Он приезжает в Мордасов сначала потому что произошла поломка, и он уверяет всех, что кучер «на жизнь его покушался! <...> Вообразите: нахватался, знаете, каких-то новых идей! Отрицание какое-то в нем явилось... Одним словом: коммунист, в полном смысле слова!» (С. 312)

Бессвязные воспоминания князя полны намеков на Венский конгресс и лорда Байрона, есть также отсылки на его роман с очаровательной французской *vicomtesse*, которую он проиграл немецкому барону, «когда был за границей в двадцатых». Князь, таким образом, порождение того же периода литературного романтизма, которым воспитана Марья Александровна со своим риторическим арсеналом. И хотя князь фигура комедийная, Достоевский, хотя бы на мгновение, не мог сопротивляться вызову мрачному фону, на котором культурная Россия того времени преследовала беззаботное европейское существование князя. Для князя возвращается «чрезвычайно поэтическая (Московская. – Д. Ф.) женщина», он вспоминает, как встречал ее когда-то во время лечения на водах за рубежом, у нее пятидесятилетняя дочь, и «та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потом еще с ней несчастный случай вы-шел: свою дворовую девку, осердясь, убила и за то под судом была» (С. 315).

По поводу этого нападения на «наивный романтизм»: оно было посвящено эпилогу повести, в котором, как русской критике уже давно известно, содержится пародия на знаменитую сцену на балу в последней главе «Евгения Онегина». Это сцена, в которой Евгений и Татьяна встречаются вновь через много лет, она уже не простая девушка из провинции, а королева петербургского общества, он надеется, он безвольно влюблен в эту девушку, которую когда-то отверг. Марья Александровна использовала эту сцену раньше, чтобы приворожить недоумевающего Мозглякова, представляя ему аналогичные встречи с Зиной, богатой вдовой князя К., который попадает ей в руки в благодарность за его благородство души. Три года спустя, отправляясь в отдаленную часть империи России, Мозгляков явился к генерал-губернатору («старому воину» (С. 397)) и принял приглашение в тот же вечер на бал в честь именин его жены. Конечно, его женой, оказывается, красивая и властная Зина, которая абсолютно не замечает его. Мозгляков стоит «с едкой мефистофельской улыбкой», в элегантной позе, опираясь на колонну в течение нескольких часов, но его «разочарованный вид и проч. и проч. – все пропало даром. Зина совершенно не замечала его» (С. 398). Наконец, голодный и усталый, он отступает, оставляя город на следующее утро.

На уровне темы пародия Достоевского на Пушкина подходящий повод для нападения на литературный романтизм, который проходит через работу в подтексте. Раскрывая так вызывающе торжество «реальной жизни», с ее необходимыми ограничениями и компромиссами, возвышающееся над миром идеализма обнищавших слоев и литературных стереотипов, Достоевский подчеркивает, что он будет снова и снова возвращаться к этому в будущем – конечно, на практике по отношению к другим идеологиям с гораздо более серьезными последствиями.

Перевод П.Л. Чуйкова

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый*

снег в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как *первый снег* (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая *первый снег* с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колочим снегом /*

Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для*

пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя! (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой.* Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеваает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина),

в конце XIX в. при описании небесного тела: <...> *светлая лазури высота / Горит незбылемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при

виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(28) 2018

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 23.03.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13,3. Усл.-печ. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет 20.04.2018. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14
Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84